Марк
РОЗОВСКИЙ

ДРАМАТУРГИЯ

в трех томах

Том третий

Комедии

Марк Григорьевич Розовский

Драматургия в трех томах. Том третий. Комедии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67268781
Драматургия в трех томах. Том третий. Комедии: Издательство «У Никитских ворот»; Москва; 2021
ISBN 978-5-00170-029-6, 978-5-00170-500-0

Аннотация

В третьем томе «Драматургии» Марк Розовский предлагает свои «Комедии» – как поставленные, так и те, что пока не обрели сценического воплощения. Здесь представлены тексты – старые и новые, ранее опубликованные и публикуемые впервые. Смех и ирония, по традиции, востребованы российской сценой и являются признаком живого и острого театра, берущего начало от Фонвизина и Грибоедова и устремленного в наше настоящее и будущее.

Завершая работу над изданием трехтомника, выражаем надежду на интерес театров к творчеству Марка Розовского, режиссера и драматурга, 85-летие которого грядет в 2022 году. Отмечаем также, что трехтомник «Драматургии» получил премию «Лучшая книга года» (2021) от «Литературной газеты».

Содержание

Марк Розовский	4
Марк Розовский:	5
Целый вечер как проклятые	26
1	28
Смерть Архимеда	66
Красный уголок	102
Концерт Высоцкого в НИИ	149
Раздевалка	212
Конец ознакомительного фрагмента.	237

Марк Розовский
Драматургия в трех томах
Том третий. Комедии

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

© Розовский М.Г., 2021

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2021

* * *

Марк Розовский: Если пару раз вы улыбнетесь… (Вместо предисловия. Интервью издателю)

Я помешался на комедии… Как выдумать сюжет
самый невинный, которым даже квартальный не мог
бы обидеться. Но что комедия без правды и злости!
Н.В. Гоголь. Из письма Погодину

Комедия. Приказано смеяться!
М. Г. Розовский

ИЗДАТЕЛЬ. В третьем томе Вы собрали свои «Комедии». Сразу вопрос: а почему?.. Может быть, с «комедий» следовало начать? Была бы хорошая затравка!.. Или – сработала привычка к старому формату – юмор в конце книги, всегда «на закуску»?

АВТОР. Никоим образом. Комедийный жанр не только в театре, но вообще в искусстве – считаю самым сложным, самым труднодостижимым… Он – венец игрового типа мышления, вершина литературная и чисто духовная. Аристофан,

Рабле, Свифт, Сервантес, Гоголь, Ильф и Петров, Булгаков, Эрдман, Горин – можно вспомнить еще десятки имен, ставших классикой иронического мировидения, – они создали шедевры, до которых не дотянуться. Даже самый Большой Серьез пронизан смеховой культурой. Она искрит у Шекспира и Чехова, то и дело обнаруживается у Достоевского… Между прочим, «Фауст» написан Гете в форме пьесы, поэтика которой точнее всего определима как ТРАГИКОМЕДИЯ. Все это я к тому, что в сравнении с образцами жанра мои «Комедии» в этом трехтомнике являют собой не более чем «уголок сатиры и юмора».

ИЗДАТЕЛЬ. Однако начинали Вы как писатель-сатирик.

АВТОР. Скорее как эстрадник. Не стесняюсь этого слова. Очень талантливые неординарные люди (см. мою пьесу «Дуэт из Москонцерта») работали в так называемом разговорном жанре. Не буду говорить об Аркадии Райкине – титане театра миниатюр, у него мы учились азам эстрадного искусства, а далее его феноменальной актерской технике. Многие «эстрадники» умели мыслить на сцене, озоровать, быть неповторимыми личностями. Я восторженно относился ко многим из них, видя уникальное мастерство, соединяющее свободу сценического изъявления с интеллектом и способностью к суперудачным импровизациям. Комедийное состояние звало к умному дурачеству, к раскрытию дара прямого общения со зрительным залом: придумыванию ребусных метафор и всяких формальных ухищрений. В эстрадной сту-

дии МГУ «Наш дом» я получил первые опыты сочинений для сцены. На авторских сборищах в веселой компании мы коллективно «бредили» в жанре миниатюр, изобретая новые формы и, как нам казалось, чередуя эксцентрические «находки» и трюки с ярой публицистикой и остротами на современные темы. До этого мы не без успеха пробовали себя в так называемом «капустничестве», – будучи от природы весельчаками, мы то и дело переходили за черту официально дозволенного, – но очень быстро поняли, что нам следовало отказаться от зубоскальства и мелкотемья, замахнувшись на серьезные сатирические обобщения, пытаться освоить импровизацию (самый сложный вид театрального искусства, как я считаю) и, главное, научиться строить любой сюжет с поворотом в конце. Мы учились друг у друга и уважали себя за умение «подавать репризу» и общаться с залом. Эта была наша школа, школа «Нашего дома». Здесь волей-неволей произошло мое рождение как драматурга. На дворе шел год 1962-й, когда я воспользовался потерей бдительности со стороны меня окружающих друзей, сел за стол и написал первую свою пьеску под названием «Целый вечер как проклятые». Сейчас ее смешно читать, но…

ИЗДАТЕЛЬ. Был успех?

АВТОР. Не то слово!.. Это была «бомба»!.. Зрители на премьере – балдели в шоке, смеялись и затихали, боясь пропустить что-то из текста… Актеры удивляли ритмикой звукоречи и выглядели законченными мастерами гротеска. По-

сле часового спектакля каждый раз клуб МГУ устраивал бурные «Диспуты о мещанстве» (наподобие тех, что происходили в 20-е годы), у нас выступали под стенограмму Виктор Шкловский, Григорий Померанец, Леонид Жуховицкий, Вадим Межуев, Игорь Ицков… Цвет мыслящей страны! Это было совершенно ново и показывало, что в студенческой среде люди думали остро и свободно. Официоз затрясся от происходившего в нашем театре. Рецензии написали выдающийся критик Константин Рудницкий и будущий министр культуры России Евгений Сидоров. Есть свидетельства, что пьеса привела в восторг Андрея Тарковского. Ее тут же поставили в Польше на телевидении, где она получила «Золотую маску». На Первом Всесоюзном фестивале студенческих театров «Наш дом» показал «Целый вечер» и получил звание лауреата, удивительно, но фрагменты этой пьесы по сей день исполняют с эстрады Александр Филиппенко и Максим Виторган…

ИЗДАТЕЛЬ. Чем все же объясняется этот успех?

АВТОР. Не мне рассуждать, но, вероятнее всего, наша тогдашняя публика впервые столкнулась с новым для себя театральным языком, а именно – с театром абсурда. Недаром в той же Польше один из критиков назвал меня «советским Ионеско». Это, конечно, было комплиментарным преувеличением, но тут интересно другое: моя пьеса выглядела рядовым открытием во времена «шестидесятничества», когда изобретение велосипеда и полет в космос оказывались,

как сказали бы сейчас, в едином тренде. Время такое наступило!.. Умы рассвобождались, энергия клокотала, наив опережал все и вся, фантазия работала на двигателе внутреннего сгорания… цензура растерянно смолчала. А нам хотелось доказать, что мы не лыком шиты и кое-что умеем вершить самостоятельно. Причем в противовес убогому соцреализму с его фальшивой бытовщиной, несовместимой с фантазийным гротеском и условностями нового искусства.

ИЗДАТЕЛЬ. Что явилось толчком для написания первой пьесы, да еще в стиле западного «театра абсурда»?

АВТОР. В книге профессора Дживелегова приводились поразившие меня цитаты из драматургии Эжена Ионеско. Но подражания с моей стороны не было!.. Все проще: находясь в гостях, я услышал из соседней комнаты, где, видимо, происходило шитье, реплику, которую можно было посчитать ирреальной, между тем, она – совершенно бытовая…

ИЗДАТЕЛЬ. Что же это за реплика такая?

АВТОР. «Не держите иголку во рту!» Меня как молнией ударило, когда я это услышал. Оставалось продлить диалог, который казался гротеском, но имел абсолютно натуральную природу. Я стал прислушиваться к окружавшим меня разговорам, и сама собой получилась необычная пьеса, рожденная как бы из болтовни… Вот такой был первый опыт.

ИЗДАТЕЛЬ. Хорошо, подражания не было, но влияние Ионеско все-таки было?

АВТОР. И еще какое!.. Например, я всерьез думал, как

гениальную его пьесу «Носороги» перенести в Советский Союз и назвать «Бараны», чтобы узнаваемость была полная. Слава Богу, я вовремя остановился, и сомнительный замысел остался в моей легкомысленной голове.

ИЗДАТЕЛЬ. Иногда не писать что-то – лучше, чем писать нечто.

АВТОР. Особенно если «нечто» похоже на «ничто»!.. Дело тут не только в Ионеско, сколько в том, что реалии жизни стали часто видеться как некий «сюр», в результате чего возникла новая драматургия, в которой быт легко оказывался фантасмагорией, а правда жизни вдруг воспринималась как чертовская выдумка. Театр сделался местом, где всякие «ужастики» поэтизировались в некую мрачноватую «чепуху», смакующую идиотизмы и нонсенсы действительности. Только наблюдай и записывай!.. Впрочем, еще Гоголь призывал именно к этому. Да и Чехов шел тем же путем, замечая, как частные подробности и случаи складываются в изумительные сюжеты.

ИЗДАТЕЛЬ. В контексте сказанного Вами не потерялась ли актуальность?

АВТОР. Наоборот! Комедии как жанру был необходим этакий сдвиг, а тут ПРАВДА ЖИЗНИ оказывалась в эпицентре «сдвигов» и сама по себе утверждала гиперреализм как самое точное воспроизведение действительности. Поняв это, я одним махом (или духом!) написал три пьесы: «Красный уголок», «Концерт Высоцкого в НИИ» и «Разде-

валку». Несомненно, эта трилогия была попыткой противостоять нелепой аляповатой театральщине, деланность и искусственность которой всегда меня раздражала. Кроме того, я делал ставку на «актерский театр», а в нем юмор – лишь средство логичного проявления характера в алогичных обстоятельствах.

Пьеса «Красный уголок» была поставлена в Театре «У Никитских ворот» и еще в сорока театрах нашей страны, в Дюссельдорфе и на радио в Швеции… Но особым сюрпризом для меня была постановка «Красного уголка» на Малой сцене Ленинградского БДТ при жизни Г. А. Товстоногова. В тот момент наши отношения с ним были испорчены из-за известного конфликта по поводу «Истории лошади». И вот Георгий Александрович фактически незадолго перед смертью делает в отношении меня этот многозначительный жест – допускает в свой репертуар пьесу «Красный уголок», что несомненно было для меня сигналом если не примирения, то во всяком случае проявлением доброжелательства. Из этого следует одно – Гога переживал наш этический конфликт, и это говорит о высоком сознании Мастера, видимо, чувствовавшего свою вину и желавшего каким-то образом загладить ситуацию. Я высоко ценю этот поступок.

Премьеру в Театре «У Никитских ворот» в 1983 году играли Ирина Знаменщикова (Саруханова) и Маргарита Рассказова (Лика Федоровна).

Конечно, пьеса навеяна временем лигачевско-горбачев-

ской борьбы с массовой алкоголизацией советского народа. Но это внешняя сторона проблемы. В «Красном уголке» мне хотелось сделать главной тему женского одиночества, неприкаянности и опустошения души. Столкновение двух характеров – это схватка человека со своей судьбой и огосударствленного морализирования, совершенно бессмысленного и бессильного помочь падшей личности. А вот когда два одиночества находят друг во друге родственный интерес, тогда-то и возникает коммуникативное взаимопонимание. В «Красном уголке» действие скрыто, но оно возникает в результате дуэтного проникновения в психологию, казалось бы, противостоящих людей. Тут важны юмор и сочувствие. В этом секрет долголетия этой пьески, дорогой мне своей натуральностью и узнаваемостью.

Вторая часть триптиха – «Концерт Высоцкого в НИИ». У этого текста интересная история. По смерти Володи я написал эту пьесу и принес ее на Таганку Любимову, которому она понравилась, и он захотел ее приспособить к своему спектаклю памяти Высоцкого. Сказал мне: сократите и покажите! При этом дал мне своих лучших актеров: Филатова, Демидову, Смехова и др. Я провел с ними четыре-пять репетиций. Получилось действо примерно на полчаса. Юрий Петрович сказал: придется отказаться. Все хорошо, но длинно. У меня другой спектакль вырисовывается…

Ну, не вышло, так не вышло. И вот проходит несколько лет – звонок Анатолия Васильевича Эфроса. Он, оказывает-

ся, обнаружил в литчасти полный текст пьесы «Концерт Высоцкого», удивился подзаголовку «Комедия», прочитал и теперь хочет поставить этот спектакль к 25 января – дню рождения Володи. Начались бурные репетиции. Но премьере не суждено было появиться на великой сцене Таганки.

13 января, то есть за 12 дней до вечера Володи, Эфрос умирает от сердечного приступа. Эта незавершенная постановка моей пьесы оказалась последней работой Мастера.

Проходит еще несколько лет, и «Концерт Высоцкого в НИИ» появляется уже на сцене Театра «У Никитских ворот».

Мы сыграли эту пьесу более 600 раз по всей стране. С бешеным успехом, с аншлагами везде и всюду. Пьесу поставили в Чехии, Эстонии, Польше и Швеции…

А потом я снял на Ленфильме полнометражный художественный фильм, основой которого была наша театральная постановка. Фильм назывался «Страсти по Владимиру», и не раз его показывали по разным телеканалам.

В главных ролях снимались Владимир Долинский, Вера Улик, Галина Борисова, Семен Фарада и др.

И, наконец, «Раздевалка». Сюжет рассказан мне выдающимся советским хоккеистом Александром Мальцевым. С ним произошло именно то, что произошло в пьесе – в Канаде он надел перед матчем православный крестик, а дальше… Дальше – по тексту. С добавлением темы допинга, которая сейчас необычайно актуализировалась, а во время премье-

ры на сцене Театра «У Никитских ворот» была в новинку. Зрители смеялись. Вроде бы пустячок, но заставлял думать о нашей подлой системе. Я имею в виду систему спорта.

Спектакль поставил Владимир Долинский, который сам же сыграл главную роль – роль Шаровского.

Пьеса, повторяю, завершила мой, так сказать, «натуральный блок» из трех комедий – «Концерт Высоцкого в НИИ», «Красный уголок» и «Раздевалка». Общим у них было целенаправленное воспроизведение реальности в формах самой реальности, анекдотичность достоверного быта «совка» с его доходящей до гротеска, до полного абсурда логикой. Мне хотелось найти правду жизни в этих частных, вроде бы случайных историях, которые, будучи разыгранными талантливыми артистами, давали обобщение, несли ярко выраженный разоблачительный смысл.

Когда-то Андрей Тарковский в своей лекции на Высших сценарных курсах в ответ на то, что он снимает «поэтическое кино», сказал поразившие нас тогда слова: «Нет, мое кино – натуралистическое. А вот натурализм – отец поэзии». Действительно, его художественные фильмы были будто сняты «скрытой камерой», в них отсутствовал эйзенштей-новский монтаж, время события почти всегда соответствовало экранному времени…

Наблюдение за обыденной жизнью стало самодостаточно, ибо своей дотошной подробностью давало новый стиль, новый язык – гиперреализм. Образ вырастал из текучести вре-

мени в пространстве и, собственно, фиксация данного времени или его отрезка создавала образ. Театр подхватил этот прием, отказавшись от театральности как таковой. Выхваченные из потока жизни безобразия в силу своей тотальной правды действовали и привели к моде на «чернуху» (Л. Петрушевская, Н. Садур, в дальнейшем опыты «новой драмы»). Я же всеми силами обходил «чернуху», ища в натуре чисто комедийный акцент. Перед вами три пьесы, написанные и поставленные в этом ключе.

К этому циклу, пожалуй, примыкает комедия «Дуэт из Москонцерта», рассказывающая о жизни артистов в советское время. И не просто артистов, а эстрадных артистов. Дело в том, что среди эстрадных артистов в советское время встречались удивительно талантливые личности, которые выступали с какой-то ерундой, а в жизни проявляли свои совершенно уникальные характеры. Они могли быть одновременно пошляками и остроумнейшими людьми – в зависимости от обстоятельств жизни, гигантами и карликами, мелочными и щедрыми, поразительно образованными и фантастическими невеждами… Они бывали циниками и романтиками, честнягами и плутами, добрыми и злыми… Атмосфера, в которой они жили и творили, была по-особому устроенной и неустроенной – из-за гастролей по необъятной стране, из-за постоянной зависимости от количества концертов и успеха или неуспеха у широкой публики… Певцы, музыканты, артисты «разговорного жанра», жонглеры, чечеточники, фо-

кусники, известные и малоизвестные – вся эта огромная семья лицедеев всех мастей жила бурной жизнью творцов и халтурщиков… Но все они, без исключения, были чрезвычайно ЖИВЫЕ люди – со своей судьбой и со своими странностями, взлетами и падениями…

Прочитав однажды прелестные, полные юмора воспоминания Бориса Сичкина, я вдохновился ими на написание пьесы, посвященной артистам эпохи Москонцерта. Сегодня эта «уходящая натура» действительно ушла из жизни и воспринимается как «ретро», но вместе с музыкой тех незапамятных времен, мне кажется, она может взволновать и позабавить сегодняшнего зрителя… Взволновать и позабавить. Это ли не цель Театра?

ИЗДАТЕЛЬ. Можно ли объединить в блок следующие Ваши пьесы – «Крокодильня» по Ф.М. Достоевскому, «Как поссорились И.И. с И.Н.» по Н.В. Гоголю, «Джойс, или Старая сладкая песня любви» по «Улиссу» и, наконец, «Говорит Москва, или День открытых убийств» по произведениям Юлия Даниэля?

АВТОР. Пожалуй, можно. Ведь все они имеют в первоисточниках прекрасную литературу. Но это не в чистом виде «инсценировки». Их комедийная драматургия строится – по крайней мере, мне хочется на это надеяться – не только на воспроизведении сути первоосновы, но прежде всего на толковании этой самой сути. Речь не идет здесь о так называемой АКТУАЛИЗАЦИИ знаменитой в свое время прозы, а о

творческом переложении словесного массива на язык театра. При всей стилистической разности эти пьесы, наверное, роднит глубинное уважение к авторскому миросознанию, посылающему сигнал сценическому воплощению. Сгустки времени и персонажные судьбы в этих комедиях трагикомичны, и Вами отмеченный блок поэтому представляется мне довольно мощным доказательством, что смех как таковой не есть прежде всего развлечение, а возможность думать и страдать из-за несовершенств этого мира.

Теперь о пьесе «Джойс, или Старая сладкая песня любви».

У этой пока непоставленной пьесы есть своя предыстория. Однажды я разговорился о великом романе 20-го века «Улисс» с его великим знатоком – Екатериной Юрьевной Гениевой, директором Библиотеки Иностранной литературы. Мы сошлись во взглядах на роман. И вдруг в конце нашей беседы умнейшая и кристально честная Катя, с которой мы были очень дружны, заявила:

– Вот роман, который невозможно инсценировать. Невозможно представить на сцене.

– Почему? – спросил я, чуток обидевшись за себя и за Театр.

– Потому хотя бы, что в нем тысяча страниц, а в пьесе – 60!

Через какое-то время я принес Екатерине Юрьевне рукопись пьесы (56 страниц). Она прочла и одобрила мною написанное, сказав:

– Я не понимала, как это можно было сделать, но вы, Марк, это сделали. Ставьте!

Мне было чрезвычайно дорога эта оценка.

Сегодня незабвенной Кати нет в живых.

Свою публикацию я посвящаю ее светлой памяти, поскольку Екатерина Юрьевна Гениева стояла у истоков этой работы, феноменально непростой и рискованной. Мне нравится экспериментировать в театре, и я считаю эту работу экспериментальной от начала до конца.

Конечно, «всего Джойса» с его переусложненными метафорами, связями и перекличкой образов, грандиозным языком и переходами из площадного бытия в ирреальность, может быть, и невозможно воплотить в художественной полноте, но, даст Бог, попытаться поискать театральный аналог этой сногсшибательной прозе мне очень хотелось. Зачем? Чтобы стали ощутимы и Авторская философия борьбы дисгармонии жизни с ее всегда ускользающей гармонией, и разноцветность нашего бытия, в котором всесильная чертовщина тщетно пытается совратить человека, сбить его с бесконечного пути – к дому, к любви и к Богу. Всю жизнь я был снедаем желанием превращать несценичное в суперсценичное, в сверхтеатр (даже «Телефонную книгу» хотел инсценировать!), и вот вам «Джойс», которого представить на сцене реализованным казалось практически невозможно.

В связи с этим хочу особо сказать о трагикомедии по прозе Ю. Даниэля. Имя Даниэля для шестидесятников прошло-

го века, как тогда говорили, – культовое. Но если, говоря о Сталине, при слове «культ» люди вздрагивали и напрягались, то при фамилиях «Синявский и Даниэль» те же люди делали акцент на слове «личность». Эти талантливые и смелые личности стали известны всей думающей стране, ибо бросили вызов системе и были осуждены системой на тюрьму и занесение навеки в «черные списки». Суд над ними состоялся между судом над Бродским и вводом советских войск в Чехословакию, то есть в период бурного рас-свобождения общественного сознания в эпоху нескончаемого застоя перед грядущей перестройкой. Интеллигенция вступилась за несогнув-шихся писателей, нарушивших табу и опубликовавших свои произведения за границей. А Контора Глубокого Бурения выявила тысячи «подписантов» писем в защиту Даниэля и Синявского – тем самым придвинув перестройку в нашей истории и подготовив будущий раскол общества. О конечно, никто в мире тогда не знал, что крах Советского Союза неминуем не из-за Горбачева с его спасительной идеей «социализма с человеческим лицом», а именно потому, что это лицо было перебито в кровь событиями, о которых я упомянул.

А дальше… Мы увидели, что произошло дальше. «День открытых убийств» – выдающееся произведение русской сатирической литературы – стало нашей страшной обыденной жизнью. Убийства посыпались одно за другим. Десятки, теперь уже сотни убийств… Контора перели-цевалась, но на-

силие, кровавое насилие, продолжается по сей день.

Разгулявшаяся по нашей реальности Смерть превзошла все фантазии Автора. А мы остались глухи к его пророчествам, как когда-то пропустили мимо ушей и души не менее гениальные предупреждения о приходе «бесов» в российскую историю. Тому доказательством и Великий Октябрь, и Большой террор, и сегодняшние преступления известно кого против кого тоже известно.

Я написал пьесу со стихами поэта Даниэля и поставил спектакль по Даниэлю с целью напомнить об этих незабвенных предупреждениях.

ИЗДАТЕЛЬ. Вы включили в том «Комедии» пьесу «Роман о девочках» по прозе Владимира Высоцкого… Какие были основания для этого?

АВТОР. Главное основание – смех в зрительном зале. Это спектакль – долгожитель, более тридцати лет не сходит с нашей театральной афиши. Кажется, в первую очередь, благодаря первоначальному Автору. Он был чутким первооткрывателем полузапретной темы, – еще до киношной «Интердевочки» рассказал о судьбе дворовой красавицы, погрязшей в своей древнейшей профессии. Ее история – это история о том, как любовь продирается сквозь грязь и пошлость окружающей жизни. Высоцкий не закончил свою прозу, не успел… Я работал с его черновиками, в которых многое не сходилось, многое было недописано… Мне пришлось дополнять Высоцкого своими детскими и юношески-

ми воспоминаниями о детстве и юности, благо у нас они были общими, я с Петровки, он с Мещанской и Каретного ряда, – это рядом… Мне кажется, у нас получилась вполне законченная история о послевоенных годах, всеми узнаваемая и трепетная… Нам помогли так же песни Высоцкого, введенные мною в контексты различных эпизодов. Такое усиление Высоцкого с помощью самого Высоцкого представляется закономерным и работает в полную силу. Придите на спектакль «Роман о девочках» в Театр «У Никитских ворот» и убедитесь, что наш «таганский» подход к первоисточнику вполне оправдал себя.

ИЗДАТЕЛЬ. Есть еще две пьесы, публикация которых нуждается в Ваших авторских комментариях. Во-первых, комедия «ОХ!». Поясните, пожалуйста, что это за «ОХ!», почему «ОХ!» и о чем Вы охаете?

АВТОР. Раскрою секрет. «ОХ!» – это аббревиатура, первые буквы имен гоголевских персонажей – Осипа и Хлестакова, эта комедия – полемика с современной театральной модой, с пустотой эпатажного псевдоискусства, сатира на режиссерскую графоманию и шарлатанство.

ИЗДАТЕЛЬ. Еще один Ваш «опус» названный «Преображение» и почему-то отнесенный к комедийному жанру…

АВТОР. О да!.. Но опять же уточню: «Преображение» – трагикомический мир Серебряного века с его героями – поэтами-символистами, оторвавшимися от реальной истории и жившими в эфирных эмпиреях и потому оказавшимися

жертвами революционной смуты. Их судьбы смешны и печальны. Их жизни были раздавлены новейшим временем. Их гибель печальна и совсем не смешна. Как и положено в трагикомедии.

ИЗДАТЕЛЬ. Теперь я жду Ваших откровений, как Вы дописывали и переписывали Чехова и Горького…

АВТОР. Рассказ Чехова «Пари» занимает три странички. У нас – одноактный метраж – «Удар молотком сзади».

«Пари» – это неизвестный Чехов. Кого ни спрошу: помните ли рассказ «Пари», никто и вспомнить не может. Наверное, и вовсе этот рассказ не читали. А зря. Это рассказ-притча. Это необычный Чехов.

Настолько необычный, что многие скажут: это – не Чехов. Однако ошибутся, ибо авторский мир Антона Павловича действительно необозрим. Лукавый взгляд сквозь пенсне как бы дразнит нас: то, что ждешь от меня, – не получишь, а получишь то, что не ждешь. Рассказ «Пари» – неожиданный рассказ Чехова. А впрочем, почему неожиданный?.. Ведь назвав свой знаменитый поток шедевров «Пестрые рассказы», автор прежде всего настаивает на ПЕСТРОТЕ, а значит, готовит наше восприятие к самому разнообразному диапазону. В том-то вся и штука, господа, что рассказ «Пари» – это тот же Чехов, это та же рука Мастера, тот же лапидарный стиль, находящийся в родственных отношениях с талантом. И как бы чужд не казался ЭТОТ Чехов ТОМУ Чехову, которого мы все знаем и любим, нам придется воистину открыть

для себя в нем еще и еще такое, за что мы полюбим его еще больше. Именно такие чувства я испытал, когда решился на страшное действие – немножко дописать Чехова при перетаскивании его прозы на сцену. Да, да, не пугайтесь, именно дописать. Ах, простите меня, Антон Павлович, ах, простите… Может быть, меня оправдает только тот факт, что в пьесе «Удар молотком сзади» (по рассказу «Пари») весь Ваш текст дословно, скрупулезно сохранен. А вот за остальные мои домыслы и добавления к Вашей блестящей прозе ответственность несу уже я. Теперь бедный зритель пусть попробует сам догадаться, где Чехов, а где ваш покорный слуга, пусть, пусть попробует…

Что касается «На днище», то эта пьеса, имея в основании великую пьесу Горького «На дне», является ее перелицовкой, или, если хотите, переработкой, или, еще жанровое определение, – переделкой известного классического текста. В истории Театра такие рискованные опыты допускаются, но при одном условии – новая версия должна иметь другие (обязательно свои, отличные от первоисточника), идейно-художественные цели. В данном случае я именно это пытался сделать, перенося действие из ночлежки в барак Соловков. Тема нашей игры по Горькому с участием самого Горького, Станиславского и товарища Сталина, фантазийно явленных на Соловках (впрочем, Алексей Максимович посетил первый советский концлагерь в действительности) – насилие. Персонажи преобразованы в знаковые образы как

участники совершенно иного социума, в котором исторически недоказанная история с отравлением Горького по указке Вождя вытекает как повод задуматься о трагической судьбе великого пролетарского писателя, основоположника соцреализма. Театральная игра, таким образом, не без присущего высокой комедии сарказма, в современном театре вмещает пародию и фарс в пространство сталинской дьяволиады.

ИЗДАТЕЛЬ. Для Вашего комментария осталась лишь одна комедия – «Поцелуев день»… Что скажете?

АВТОР. Эта вещица до сих пор не поставлена. Хотя написана несколько лет назад. То ли руки не доходят, то ли еще что-то… А жаль… Скверный анекдот, по выражению Достоевского.

ИЗДАТЕЛЬ. О чем пьеса?

АВТОР. О холуйстве. О лизоблюдстве. О подхалимаже.

ИЗДАТЕЛЬ. Злоба дня?

АВТОР. Именно, злоба. Сюжет рискованный, на грани фола. Но очень уж сегодняшний.

ИЗДАТЕЛЬ. Интересно.

АВТОР. Не то слово!.. Эпиграфом к пьесе я взял слова Гоголя из одного его письма: «Я помешался на комедии… как выдумать сюжет самый невинный, которым даже квартальный не мог бы обидеться. Но что комедия без правды и злости!»

ИЗДАТЕЛЬ. Вы тут мимоходом упомянули «анекдот», без которого комедийная легкость невозможна. Не могли бы

Вы вспомнить в заключение нашего разговора какой-нибудь острый политический анекдот из недавнего времени.

АВТОР. Да пожалуйста!.. «– Папа, а в какой концлагерь нас везут?

– Не знаю, сынок. Я политикой не интересуюсь».

ИЗДАТЕЛЬ. Ну, что ж… На этой веселой ноте открываем последнюю книгу трехтомника Марка Розовского «Драматургия. Комедии» и начинаем чтение.

АВТОР. Если пару раз при этом Вы улыбнетесь, буду безмерно счастлив!

Целый вечер как проклятые

Гротеск в одном действии
1962

Действующие модели

МУЖ (I)
ЖЕНА (II)
СУПРУГ (III)
СУПРУГА (IV)

Действие происходит в обычно обставленной во всех бытовых подробностях квартире. Актеры играют в обычном гриме, в обычных костюмах. Говорят своим голосом. Только иногда вдруг неожиданно каменеют и становятся похожими на идолов. Будто фотографии.

Разговор часто идет по кругу, убыстряясь, теряя логику, приобретая автоматизм.

Последний кусок, начиная с реплики «Хватит! Довольно!», играется, обращаясь прямо в зал.

Музыкальные паузы, как кажется автору, лучше всего заполнить исполнением отрывков из фортепианных произведений Сергея Прокофьева (Гавот, «Сарказмы» № 2, № 5, «Мимолетности»). На музыкальных паузах сцена обяза-

тельно затемняется в сине-красный свет, что придает застывшим фигурам манекенный вид.

В страшных домишках, в страшных квартирах
Страшно живется страшным мещанам.
Вьются по стенам копоть и сырость
Ужасом черным, смертным туманом.
С утра долдонят, бормочут, рядят
Про дождь, про цены, про то, про это.
Один – походит, другой – присядет…
И все – явленья иного света.
(Из Юлиана Тувима)

1

Занавес раздвигается. Музыкальная пауза. На сцене темно. В луче света в одинаковой позе за столом сидит I и II. Застыли. Пауза.

I. Вот люди!.. Припрутся – а мы давай целый вечер с ними разговаривать. А о чем?..

II. Теперь целый вечер будем сидеть, как проклятые!..

I. Да, целый вечер! Как проклятые!

Пауза. Звонок. Зажигается полный свет. Входит III и IV.

I. Здравствуйте!

II. О, как мы рады вас видеть.

III. А вот и мы! А вот и мы!

IV. В метро – давка! В троллейбусе – давка!

I. Здра-а-а-авствуйте!

II. О, как мы рады вас ви-и-деть!

III. А вот и мы! А вот и мы!

IV. В автобусе давка! В трамвае – давка!

I. Здра-а-а-авствуйте!

II. Как рады вас видеть мы о!

III. А вот и мы! А вот и мы!

IV. На улице – давка! В очередях – давка!

I. Здра-а-а-авствуйте!

II. Видеть о рады мы вас как!

III. А вот и мы! А вот и мы!

IV. В аптеках – давка! В кинотеатрах – давка!

I. Здра-а-авствуйте!

II. Мы как рады видеть о вас!

IV. В зоопарках – давка! В почтовых отделениях связи – давка!

I. Здра-а-авствуйте! *(Застывает)*

II. Мы как вас видеть о рады! *(Застывает. Музыкальная пауза. 5–6 аккордов.)*

III *(осматриваясь).* А ничего они живут, не правда ли?

IV. На диване не хватает чехла.

III. Потолки – два семьдесят. Гарнитур – три шестьсот.

IV. Я бы стол поставила сюда, а кресло – сюда. Шкаф я бы убрала отсюда, а в угол поставила бы пуфик.

III. А где бы ты поставила меня, моя дорогая?

IV. Между пуфиком и кроватью, мой дорогой.

III *(I-му, застывшему).* А вы, с тех пор как я вас в последний раз видел, ничуть не изменились. Все такой же бодрый, веселый! Прямо завидую!

IV *(II-й, застывшей).* А вы, милочка, тоже чудесно выглядите! Ни одной новой морщинки, и цвет лица синий. Прямо удивляюсь!

I *(оживая).* Здравствуйте!

II *(оживая).* О как мы рады вас видеть!

III. А вот и мы! А вот и мы. *(Пауза. Напряжение. Все застыли. Напряжение нарастает. Все ждут реплики IV-й. IV-я почему-то молчит. Кульминация.)*

IV *(вспомнила).* На танцплощадках – давка! На кладбищах – давка!

Взрыв общей радости. Все удовлетворены. Кивают друг другу, весело смеются. Шумят, галдят, садятся за стол. Вдруг, как по команде, все замолкают.

I и **II** *(хором).* У! *(Ставят на стол первое блюдо.)*

III и **IV** *(хором).* О, кролик тушеный!

I и **II** *(хором).* Нас! *(Ставят на стол второе блюдо.)*

III и **IV** *(хором).* О, гусь жареный!

I и **II** *(хором).* И! *(Ставят на стол третье блюдо.)*

III и **IV** *(хором).* О, поросенок заливной!

I и **II** *(хором).* Угостить! *(Ставят на стол четвертое блюдо.)*

III и **IV** *(хором).* О, цесарка в лимонном соусе!

I и **II** *(хором).* Вас нечем! *(Ставят на стол пятое блюдо.)*

III и **IV** *(хором).* О, слон в маринаде!

III. Не беспокойтесь!

IV. Не волнуйтесь!

III. Мы только что…

IV. Дома покушали! *(Секундное застывание. А потом – набрасываются на еду, как со старта срывающиеся бегуны на 100 м. Синхронно, ритмично жуют.)*

I. Дома не считается. Если пришли в гости, должны обязательно покушать.

II. Когда мы придем к вам в гости, мы тоже покушаем.

III. Да-да, милости просим…

IV. Милости просим, да-да…

III. Но вы у нас съедите больше, чем мы у вас.

IV. У вас мы съедим намного меньше, чем вы съедите у нас.

I. Не думаю. Вы так хорошо едите, что мы безусловно съедим у вас меньше, чем вы съедите у нас.

III. Нет, нет, ни в коем случае… Вы съедите больше, а мы съедим меньше!

II. Ну, уж нет… Разве вас можно обогнать?.. Как бы мы ни старались, вы съедите больше, а мы меньше!

IV. Это вы-то меньше?! Представляют себе эту картину!.. Да мы против вас ничто!.. Вы съедите, конечно, больше!

I. Нет, меньше!

III. Нет, больше!

II. Меньше!

IV. Больше!

I. Меньше!

III. Больше!

IV. Больше!

II. Меньше!

I. Ну, конечно, меньше!.. Так обожраться можете только вы!

III. Черта с два!.. Вы можете обожраться еще не так!

I *(вдруг очень примирительно).* Ну, ладно!.. Ладно!.. Зачем это слово – «обожраться»! В конце концов… как же иначе?.. Ведь нет же ничего страшного в том, что… Если при-

шли в гости, должны обязательно покушать.

II. Когда мы придем к вам в гости, мы тоже покушаем.

III. Да, да, милости просим…

IV. Милости просим, да-да! Вы должны обязательно дать мне рецепт этого пирога. Где только вы его достали?

II. Я списала у одной своей приятельницы. Она, как и я, большая любительница теста. У нас записано шестьсот семьдесят девять рецептов. Одно целое яйцо разотрите добела на четверть стакана сахарного песка.

IV. На четверть. Ясно.

II. Не переставая мешать, влейте одну треть стакана сливок.

IV. Сли-вок. Дальше?

II. Дальше ставите в горячую духовку, но печь надо на медленном огне.

IV. В горячую. Не в холодную!

II. 30 минут!

IV. На медленном. Не на быстром!

II. Через час у вас получается четыре коржа. Один на другом.

IV. Четыре. Один. Ясно.

II. Верхний корж надо подсечь для выпуска воздуха.

IV. Надо. Верхний.

II. Один лимон можно стереть на терке и смешать с мукой.

IV. Можно.

II. Другой лимон можно не стирать и не смешивать.

IV. Ли-мон.

II. Его можно разрезать на дольки.

IV. Разрезать. Его. Так-так.

II. Первую дольку нужно положить на ночь в банку соли.

IV. Нужно.

II. Вторую дольку можно поставить в темноте на 6 с половиной часов.

IV. Можно. А если… если это… не нужно?

II. Если не нужно, можно не ставить.

IV. Ясно.

II. Третью дольку…

IV. А сколько их всего?

II. Кого?

IV. Долек.

II. Чего?

IV. Их.

II. Что?

IV. Сколько?

II. Аа-а-а. Шестьдесят четыре.

IV. Четыре. Шестьдесят. Так-так, продолжайте.

II. Третью дольку можно пропустить через мясорубку и окунуть в кипяток вниз головой.

IV. Головой. Ясно. Вниз.

II. Четвертую… *(Музыкальная пауза. Застывание.)*

I. Меня всегда интересовал вопрос: для чего ест человек?

II. Мой муж – философ по натуре!

III. Люди едят, чтобы жить.

I. А вот червяк. Он для чего ест?

II. Все мужья философы по натуре.

III. Червяк тоже ест, чтобы жить!

I. Значит, человек все равно что червяк?! *(Пауза. Все поражены.)*

IV. Ясно.

II. Шестнадцатую дольку провернуть, спрятать и никому не показывать.

IV. Никому. А семнадцатую?

II. А семнадцатую…

III. Сегодня человеку надо уметь думать. А червяк думать не умеет.

I. Вот в этом-то все дело!.. Этим мы и отличаемся от червяка, что червяк думать не умеет, а мы – умеем.

III. Вот червяки небось про нас сейчас не думают, а мы про червяков думаем.

IV. Сорок первую. Так-так. А сорок вторую?..

II. Сорок вторую…

I. Человек – это, конечно, человек, а червяк – это, безусловно, червяк.

III. Червяк!.. Очень даже червяк! И я бы сказал: плох тот червяк, который не мечтает стать крокодилом.

I. Но червяк, в известном смысле, это человек, а человек, это, в некотором роде, червяк.

II. Человек!.. Очень даже червяк!

IV. Ясно. Ясно.

II. Шестьдесят четвертую дольку облить керосином и поджечь.

IV. Поджечь. Ясно. Поджечь.

II. Все. Пирог – готов! Теперь его можно есть.

III. Да, теперь на все надо свой аспект иметь. Без аспекта сейчас нельзя.

I. Это верно. Без связей и без знакомства!

III. Без знакомства и без нахальства!

I. Без нахальства и без ванной.

III. Без ванной и без торшера.

I. Без торшера и без эстампа.

III. Без эстампа и без магнитофона.

I. Без магнитофона и без жилета.

III. Без жилета и без штанов. *(Короткая пауза. Напряжение.)*

I. Ну, без штанов и раньше было нельзя!

III. Ну, тогда… без любви! *(Пауза. Напряжение.)*

I *(поразмыслив).* Нет, без любви сейчас можно!

II. Что-оо?.. А ну, сейчас же поцелуй меня в левую ямочку.

I. Но… У тебя нет левой ямочки!

II. Тогда в правую!

I. И правой тоже нет.

II. Как это «нет»?.. Раньше были!

I. Были ямочки – была и любовь!

II. А сейчас нет?

I. А сейчас нет.

II. Боже, как я счастлива! *(Целует его).*

I. Боже, как я счастлив! *(Целует ее).*

II. Что у меня нет ямочек!.. *(Целует его).*

I. Что у нас нет любви… *(Целует ее).*

II. И несмотря на это… *(Целует его).*

I. И совершенно несмотря на это… *(Целует ее).*

II. Я все-таки твоя жена! *(Целует его).*

I. А я все-таки твой муж! *(Целует ее).*

II. Ты мне не изменяешь! *(Целует его).*

I. И ты мне верна! *(Целует ее).*

II. И семья у нас крепкая… *(Целует его).*

I. Настоящая семья! *(Целует ее).*

II. И нет в мире такой силы, которая могла ее разрушить!

I. И нет в мире такой силы, которая бы могла бы нас разлучить!

II. Боже, какая я была идиотка, когда вышла за тебя замуж!

I. Более отвратительной женщины я не встречал. *(Продолжительно целуются).*

III. Гхгм…

IV. Апчхи…

I *(озираясь).* Мы так рады вас видеть!

III. А вот и мы! А вот и мы!

IV. В электричках – давка! В животе – давка!

I. Здравствуйте!

III. А мы давно уже здесь сидим!..

II. Разве?..

IV. У вас так хорошо. Мы чувствуем себя как дома.

I. По правде говоря, мы даже забыли, что вы у нас в гостях.

IV. Это очень приятно. Когда вы придете к нам в гости, мы тоже забудем, что вы у нас в гостях.

II. Спасибо. Большое спасибо.

III. Не за что. Милости просим, милости просим.

I. Спасибо – спасибо. Обязательно придем.

III. Но еще лучше будет, если вы не придете.

II. Да, это было бы очень хорошо. Но раз уж вы пришли к нам, то мы к вам не можем не прийти.

IV. Не можете? Жаль, очень жаль. Мы к вам пришли, а вы к нам уж, пожалуйста, не приходите!

II. Спасибо за приглашение. Не волнуйтесь, во что бы то ни стало постараемся не прийти.

III. Нет, нет! Мы очень волнуемся! Ведь вы только говорите, что не придете, а на самом деле придете!

I. Но ведь вы тоже говорили нам, что не придете, а на самом деле пришли.

IV. Мы к вам пришли?.. Ошибаетесь. Это вы к нам пришли.

II. Вы уверены?.. А мне казалось, что это вы к нам пришли.

III. Казалось!.. Разве можно в наше время верить тому,

что казалось! Поверьте мне, что – что, а мы к вам не приходили!

I *(показывает на опустошенный стол).* А кто же к нам пришел тогда, я спрашиваю?!.

III. Вы сами к себе пришли!

II. Сами!.. Значит мы пришли к нам?!.

III. Да-да, вы пришли к вам.

I. А вы? Вы к кому пришли? Вы!

III. А мы… мы… пришли к МАМ!

II. К «мам»? Это к каким еще «мам» вы пришли?

III. Как к каким? К вам – вот каким «мам»!

II. Ах, к на-а-ам? Значит, мы – это вы! А вы – это мы!..

I. Нет, вы – это мы, а мы – это вы.

III. Здра-а-авствуйте!

I. А вот и вы!.. А вот и вы! *(Застывают).*

IV. О как мы рады вас видеть!

II. За колбасой докторской давка! За противогазами давка! *(IV застывает).*

I *(осматриваясь).* А ничего… вы… живем, не правда ли?

II. На диване не хватает чехла.

IV. Апчхи!

I. Здра-а-авствуйте!

III. Ладно-ладно. Уже здоровались. Хватит. *(Все шумят, галдят, улыбаются друг другу. Повторяется подход к столу.)*

IV. Будь осторожен. Не бросай на брюки салат «Оливье».

III. Будь спокойна. Мои брюки останутся чистыми.

IV. Будь осторожен.

III. Будь спокойна.

IV. У нас на работе можно с ума сойти. Один порядочный человек директор. И тот живет с начальницей отдела перевозок.

II. А у нее есть муж?

IV. Конечно. Он работает у нас же, но с ней не живет.

II. А с кем он живет?

IV. Он живет с машинисткой из отдела технического распространения, но все думают, что он живет не с ней, а с заведующей секцией периодики.

II. А он с ней не живет? Почему вы так считаете?

IV. Потому что заведующая секции периодики живет с инженером по технике безопасности. Я своими глазами видела, как они были вместе в обеденный перерыв.

II. То есть как?

IV. А так. Все ушли. Почему бы им не воспользоваться?!

II. Но вы не ушли?

IV. Но я – не все?!

II. А он женат?

IV. Трое детей.

II. Как интересно!

IV. Но он с ними не живет.

II. А с кем он живет?

IV. С матерью.

II. С матерью? Как интересно!

IV. Ничего интересного. Он же живет не со своей матерью. Он живет с матерью троих детей, с которыми не живет.

II. А трое детей с кем живут?

IV. С секретаршей из отдела планирования.

II. А она с кем живет?

IV. С мужем.

II. Ну, это не интересно!

IV. Это очень интересно! Она ж ведь живет не со своим мужем!

II. А с кем она живет?

IV. Она живет с мужем заместительницы председателя комиссии по проверке, который, в свою очередь, живет с младшей научной сотрудницей из отделения технического распространения, в то время как ее любовник, с которым она постоянно живет, старший инструктор группы пролонгации, уезжает в командировки, где живет с кем придется.

I и III *(хором).* Живут же люди!

II. По-разному. Не все, конечно… Вот у нас на работе на днях был ужасный случай. Умер один человек.

I. Очень интересно, очень.

II. Решили мы его похоронить.

I. Очень правильно, очень.

II. Собрались. Ждем! Час – два. А его все нет и нет!

I. Кого его?

II. Покойного. Представьте, не пришел на собственные

похороны. Не явился! Мы туда, сюда, начальство волнуется…

I. Ну, и чем кончилось?

II. А ничем. Сегодня пришел на работу. Глаза мутные, руки холодные.

I. Еле живой?

II. Еле мертвый. Ну, его сразу директор – к себе. Так и так, нехорошо, говорит, получается. Мы за вас беспокоимся, а вы, а вы… нас… так… э-э… подводите!

I. А он что?

II. Извините, говорит, больше не буду. Если хотите, я, говорит, даже в нашей самодеятельности буду выступать.

I. А директор?

II. А директор раскричался. Да я вас за такие штучки, говорит, премии лишу!

I. Очень правильно, очень… А почему же он все-таки не пришел?

IV. А кто его знает?

II. Ну, выпил, наверное.

III. Ну и что?.. Уже и этого нельзя. Свобода. Кто мертвецки?.. Он?.. Он же на работу все-таки пришел. Сообразил. Жене сначала позвонили, она говорит: «заболел, лежит»… Ну, думаем, значит, все в порядке.

I *(сосредоточенно).* Заболел?.. М-да… А что же вы его хоронить-то решили?

IV. А мы всех, кто у нас заболел, хороним. Это уж в нашей

шараге такой порядок.

I *(поражен).* И неужели все вот… так вот… и не приходит?

IV. По-разному. Кто – как! Поэтому у нас на работе и не поймешь, кто живой, кто мертвый. Я, например, уже давно умерла.

II. Вы???

IV. Я.

II. Вы умерли?

IV. Давно.

II *(поражена окончательно).* Оч-чень интересно, оч-чень интересно!

Музыкальная пауза. Все застыли.

III *(очень глубокомысленно).* А вот раньше говорили, что Гитлер умер…

I. Гитлер? Что это?..

IV. Что вы шьете?

II. Чехол для дивана.

III. Ну, такой… Ну, неужели вы забыли? Ну, Гитлер.

I. Гитлер? О ком вы говорите?

IV. Чехол для дивана?

II. Чехол для дивана.

III. Ну, этот… тот, который… Ну, помните еще он… Ну, не может быть, чтоб вы забыли Гитлера!

I. Гитлера?.. А какой он из себя?

IV. Не держите иголку во рту.

II. Ничего.

III. Ну, низенький такой… не слишком высокий. Такой, в сереньком костюмчике ходил…

I. Что-то не помню.

IV. Ничего?

II. Ничего.

III. Брюнет. Чубчик.

I. Брюнет?.. Брюнет-брюнет-брюнет… Нет, брюнета не помню. А может быть, вы путаете? Может, он блондин?

IV. Она еще разговаривает!

II. Я всегда разговариваю, когда держу иголку во рту.

I. Может быть.

III. Как вы сказали, его фамилия?.. Гитлер?

I. Ну, да… да… Гитлер… С усиками еще такой!

IV. Нехорошо. Опасно. Когда держите иголку во рту, лучше не разговаривать. Молчите.

II. Не могу. Когда я шью, мне всегда хочется разговаривать.

I. Ах, с у-усиками?.. Ну, как же, как же! Помню! Конечно, я помню! Это что-то во время войны… Да?

III. Ну да!.. Во время войны!!

IV. Тогда не держите иголку во рту.

II. Ничего.

I. Ну, конечно! Мы же с ним воевали?!! С чубчиком этим.

III. Совершенно верно. Я это как раз и хотел вам напомнить.

IV. Ничего?

II. Ничего.

I. Гитлер!.. Ну, конечно!! И напоминать не нужно было. Зачем?.. Зачем, я вас спрашиваю, вы напоминаете мне о войне?.. Надоело!.. Радио включил – про войну, журнальчик открыл – про войну. В кино пошел – опя-я-ять про войну!.. Зачем? Я же и так все прекрасно помню. У меня же у самого сын погиб во время войны!

IV *(вежливо поправляет).* Дочь!

III. Сын.

IV. Дочь!

III. Сын!

IV. Дочь!

III. Сын!

IV. До-оо-очь.

III *(смущенно улыбаясь).* Ну, ладно-ладно… Сын- дочь… С этими детьми вечная путаница! Никогда не разберешься, кто живой, кто мертвый. И вообще, это уже не имеет значения. Все умрем!

IV. Я, например, уже давно умерла.

III. А я еще жив. Но это тоже не имеет принципиального значения. Так что же вы говорите – Гитлер?

II. Я говорю: раньше говорили, что Гитлер умер, а он – знаете что? Он в Аргентине живет!..

I. Вранье.

II. Здра-авствуйте!

III. А вот и мы!.. А вот и мы!.. *(Все в ужасе смотрят на третьего. III страшно смущается, словно сказал что-то невпопад. И находит выход…)*

III. А вот и мы… тоже живем… Не в Аргентине, правда, но все-таки!

IV *(обидчиво).* Ты за всех не говори. Я, например, в Аргентине живу.

I. Вранье.

IV. Здра-а-авствуйте!

I. А вот и… А вот и… не «здравствуйте»! И не в Аргентине! Мы в Советском Союзе живем, понятно?!.

IV. Я, например, уже давно умерла.

III. Бросьте!.. Все мы в Антарктиде живем, а ни в каком не в Советском не Союзе.

I. Кто это «мы»?

III. Вы.

II. Мы – это вы! А вы – это мы!?.

I. Ну, уж нет!.. Мы с Гитлером не воевали. Мы во время войны знаете где были?

IV. Где?

I. В чулане. Бывало, залезешь в угол, когда бомбежка, и начинаешь дрожать. Дррр… Дрррр… Дрррррр… Дррр… Так боялись, так боялись…

IV. Чего?

I. Что урюк скоро кончится!

IV. Урюк?

I. Урюк. У нас в чулане много урюка было. Если бы не он – нам бы крышка.

Пауза.

IV *(тихо, задумчиво).* А интересно, в Антарктиде урюк есть?..

I. Наверное. А что?..

IV. Гитлер его, небось, ест сейчас.

I. Как мы. В Аргентине.

III. Как вы! В Антарктиде.

IV *(вскрикивая).* Все, кто хотят жить, должны есть урюк!

I. Без урюка нельзя на свете прожить!

III. Пока мы живы, и Гитлер живет. Мы умрем – и Гитлер умер.

I. Да здравствует урюк – корень жизни!

IV. Да здравствует жизнь! Хотя я, например, уже да-авно умерла.

Музыкальная пауза. Танец.

II. А вот клопы – это наше бедствие. Я слышала, что клопы живут на свете в среднем по 300 лет.

I. Кушайте яблоки.

III. А человек всего 60.

IV. У меня никогда не хватает терпения съесть яблоко. Всегда недоедаю.

I. Значит, клопы в пять раз превосходят человека? Какая несправедливость!

II. Ну, это смотря какой сорт. Ранет, антоновка, китайка,

бельфлер, бергамотный!

III. Ах, почему я не родился клопом, я бы жил в пять раз больше, чем сейчас!

IV. Ой, для меня все равно какой сорт! Какое яблоко не ем, всегда недоедаю и бросаю.

I. Вранье. Клопы не могут так долго жить.

II. Кушайте яблоки. Кушайте яблоки.

III. Почему вы так думаете? Сейчас наука шагнула далеко вперед. Ей все по плечу. Создан специальный институт, в котором научно установлено, что клопы живут 300 лет.

IV. Спасибо. *(Берет с подноса яблоко, откусывает и бросает.)*

I. А сколько лет, как он создан?

III. 6 лет.

I. Не понимаю, как можно было узнать, что клопы живут 300 лет, если институт работает всего шесть лет!

IV *(берет с подноса второе яблоко, откусывает и бросает)*. Во всем мире люди недоедают и бросают, бросают и недоедают…

Музыкальная пауза.

III. А вы случайно не знаете, сколько Гагарин получил за свой полет?

I. А сколько – никто не знает. За такие деньги и я бы полетел!

IV. Вы слышали – скоро будет реформа?

I, II, III. Какая реформа? Какая реформа? Какая рефор-

ма?

IV. Деньги отменят!

II. Чтоб ты полетел и не вернулся!

II, III. Деньги отменят? Деньги отменят?

I. Вранье. Деньги никогда не отменят.

IV. Что значит «вранье»? Я собственными ушами слышала. Мне одна моя приятельница рассказывала. Большая.

II. Какой ужас! Вот стоит вам немного послушать свою большую приятельницу, как сразу вы начинаете говорить страшные вещи. Будем жить на доллары. Без копейки.

I. Без копейки?

IV. Без ничего.

I. Да вы путаете. Просто путаете. Пока человек будет – до тех пор и деньги будут.

III. Почему вы так думаете?

I. Потому что известно: лучшее качество денег – это их количество.

II. Бабки, бабки, бабки… И это вторая молодость.

IV. А я вам говорю: скоро будет реформа.

II. Будет, но не та.

III. Как не та?

I. А вот так, не та. Деньги никто не отменяет. Они остаются. Их только переименовывают.

IV. Как переименовывают?

I. А вот так. Деньги будут называться не рублями, не долларами, не гинеями, не тугриками, а – идеалами.

IV. Идеалами?

II. И-де-алами.

III. Как это?

I. А вот так. Пришли, скажем, вы в магазин и спрашиваете. Ну, спрашивайте.

III. Сколько стоит эта вещица?

I. А продавец отвечает: «Недорого. Всего семь идеалов!»

III. А я что делаю?

I. Вы? Очень просто. Вы идете к кассе, вынимаете кошелек и платите.

III. А потом?

I. А потом дома вас ругает жена. Вот так.

II. Зачем ты это купил? У нас до получки осталось так мало идеалов! На что мы будем жить?

I. Вечно ты паникуешь! Сколько раз мы оставались без идеалов!.. Казалось, были в безвыходном положении – и никогда ничего страшного не происходило. Уверяю тебя, без идеалов можно прожить! Мне, например, кажется, что жить без идеалов, жить бедно – это даже лучше, чем жить по-другому. Как-то спокойнее себя чувствуешь! Никто тебя не тронет, не ограбит, не ударит…

II. Перестань! Не юродствуй. Вот Вася… Э… Василь Васильевич…

I. Что Василь Васильевич?

II. Идеальный человек… Не то, что ты! Он умеет спокойно жить и притом быть богатым! У него тысячи идеалов!..

Он швыряет ими направо и налево. Идеалы – не пахнут!! Господи, ну, почему я вышла за тебя, а не за Васю… эээ… не за Василь Васильевича!.. Была бы идеальная жена!..

I. Ну, успокойся, пожалуйста, успокойся… Я человек маленький, в масштабе один к десяти тысячам, идеалов у меня меньше… Но зато их легче потратить на всякие безделушки. Признайся, тебе ведь нравится, когда я трачу свои идеалы на безделушки?..

II. Да. У кого много денег, тому все бесплатно.

I. Ну, вот и отлично. Вот мы и помирились.

II. Бабок нет – и молодость прошла!

Пауза.

III. Ерунда.

I. Что «ерунда»?

III. А то, что «реформа», о которой вы говорите, что она будет, – уже была!

I. Почему вы так думаете?

III. Потому, что я, например, уже давно живу на идеалы, как на деньги. И вы, между прочим, тоже.

I. Кто это вы?

III. Мы.

I. Вы – это мы, а мы – это вы?

III. Нет, мы – это вы, а вы это мы.

I. Хорошо. А остальные как же живут?

III. Какие «остальные»?

I. Ну, эти… они…

III. Кто это «они»?

I. Ну, не мы и не вы, конечно. *(Высшая степень презрения.)* Те, кто без денег, но с идеалами!

III. Ах, они?.. А разве они живут? И потом: какое нам дело до остальных?

I. Правильно. Мы – это вы, а вы – это мы… Люди маленькие, в масштабе один к десяти тысячам…

II. Десять тысяч – это, конечно, деньги.

IV. Да. Да. Но десять тысяч – это, конечно, еще не идеал!

I. Теперь вы понимаете?

III (*весело*). Это я понимаю. Одного я только не понимаю. Одного!

IV. Чего?

I. Как можно узнать, что клопы живут 300 лет, если институт всего работает… 6 лет!

Музыкальная пауза.

III. А вы слышали про этого…

II. Про кого?

III. Ну, про этого, который… Ну, как его?

I. Про кого, про кого?..

III. Ну, про того. Он пенальти полякам не забил. И арестован.

II. За что?

III. Он еще какую-то девку, говорит, на какой-то даче изнасиловал.

IV. За что?

II. Я б его расстреляла. За то.

I. А я бы повесил. За это.

III. За что? За пенальти или за «изнасиловал»?

IV. Сейчас вся страна гудит. Мнения разделились. Дискуссия о смертной казни…

III. Не нужна. Расстреливать надо. Но лучше гуманно, как в Америке. Инъекцию в ногу – и привет!

I. У него нога золотая. В ногу – нельзя.

III. В какую ногу? Я б ему эту ногу сначала оторвал, а потом голову отрубил. Он пенальти смазал!

II. Голову рубить нехорошо. Не в Средневековье живем.

IV. В Средневековье лучше было. Там за изнасилование в рыцари посвящали.

I. Почему нехорошо? Ты ж курице голову рубишь, а иной человек хуже курицы.

II. Да он петух. Молодой петух.

III. Ага. Цыпленок тоже хочет жить!

IV. Ты еще яйцо сырое пожалей.

III. И пожалею. Как подумаешь, что на сковородке живое неродивше-еся существо, слезы так и текут.

IV. Это от лука. Яичница с луком – твое любимое блюдо.

I. Нет, я люблю яйцо в кипяток – тогда вареное вкуснее!

II. Этак и до людоедства скоро дойдем.

I. Уже дошли. В Германии двое договорились: один другого съест. И съел. Друг детства.

II. Это что? В Сибири шестерых детей сожгли и нашли в

канализационном люке.

IV. А в джунглях африканских солдату уши отрезали и прислали командиру части.

III. Подумаешь! Я когда в школе учился, училке по химии ртуть в сумочку налил.

IV. За что?

III. Она мне трояк в четверти вывела.

IV. Но не пару же!

III. За пару я б ей азотную кислоту в личико плеснул. А так я ее пожалел, а она чуть не околела!

IV. Добрые мы стали. Никого добрее нас в мире нет.

III. Дурак ты!.. Тебе язык надо вырвать. Хочешь училке отомстить – подойди сзади и дай бутылкой по голове в подъезде. Зачем химию примешивать!

I. А что в газетах пишут?.. Гуманизма стало выше крыши. Добро должно быть с кулаками, а кулаки у нас железные.

IV. Только не надо о политике. Просто предлагается министра экономики – четвертовать, министра финансов – утопить, а министра здравоохранения просто катком переехать и в асфальт закатать.

I. А может, просто с работы всех их снять и на пенсию отправить?.. Это им потяжелее будет!

III. И все же… футболиста великого жаль. Он хоть пенальти не забил, а арестован зря: не он девку, а девка его.

II. Что?

III. Да ни за что!.. За это самое место. Я б ее повесил.

I. А я б ее расстрелял.

Музыкальная пауза.

IV. Будь осторожен. Не выступай.

III. Будь спокойна. Мои брюки останутся чистыми.

IV. Будь осторожен. Не выступай против.

III. Будь спокойна. Пусть все думают, что я без штанов.

II (*закончив шитье, встает*). Ну, вот и конец. Закончена работа. Хотите примерить?

IV. Примерить?.. Чехол для дивана?

II. А почему бы и нет?.. Уверена, вам очень пойдет.

Набрасывает чехол на всех четверых. Копошатся. Весь дальнейший

разговор из-под чехла.

IV. Чехол для дивана?

II. Какой чехол?.. Это платье.

IV. Какое платье? Это чехол!

I. Где-то в чем-то?

III. Да… Как-то… и в чем-то и где-то!

IV. Разве вы шили не чехол для дивана?

II. Нет.

IV. Уверяю вас, вы шили чехол для дивана.

II. Нет.

IV. Вы просто путаете. Вы шили чехол для дивана.

II. Нет.

IV. Хорошо. Если это не чехол для дивана, я примерю, хорошо?

III. А по-моему 20-й век с его фантасмагориями страха и рационализмом уже сейчас не в силах противостоять автомату, который заменит человека в будущем. Где выход? Где выход? (*Старается выбраться из-под чехла.*)

I. Выхода нет. Недавно я вступил в кооператив – так там на весь дом один вход и ни одного выхода!

III. Да… да… где-то вы правы. Разве у нас умеют строить? Все как-то и в конце концов никак. Где-то почему-то.

IV. Вы путаете!.. Да вы просто путаете!.. Только что вы говорили, что это не чехол для дивана, а платье. Платье! Вам идет.

I. Вы тоже правы. В чем-то, где-то. Как-то и я почему-то вступил в какие-то разногласия с кем-то, но, поверьте, это тоже… не выход!

II. Ну, конечно! Чехлы для диванов сейчас очень модны! Среди буфетов и шкафов.

IV. И главное, как просто!.. Как удобно!.. Сначала, значит, шьют чехол для дивана, потом меряют, носят его, как платье, а после того, как мода сойдет, используют его как чехол для дивана!

I, II, III, IV *(хором)*. У настоящих хозяев в доме ничего не пропадает!

Музыкальная пауза, во время которой все четверо, находясь под чехлом, шевелятся, перекатываются. Словно это не чехол для дивана, а чехол для людей. Гигантский чехол. Наконец выползли из-под него и как ни в чем не бывало про-

должают разговаривать.

III. А что сегодня по телевизору? Может, «Голубой огонек»?

I. Нет. Сегодня не суббота.

III. Жаль. Если бы сегодня была бы суббота, было бы хорошо.

I. Да. Если бы и завтра была суббота, то было бы тоже неплохо.

III. Да. Если бы сегодня, и завтра, и послезавтра была бы суббота, то было бы совсем хорошо.

I. Да!.. Если бы сегодня, и завтра, и послезавтра, и послепослезавтра была бы суббота, то было бы то, чего не было и никогда.

III. Да. И если б послепослепослепослепослепослепослезавтра была бы суббота, то было бы… Да ничего бы не было, потому что все уже было.

I. Если бы каждый день была бы суббота, то вся наша жизнь была бы одна суббота!

III. О как бы мы жили тогда!

I. Сегодня мы бы смотрели «Голубой огонек».

III. И завтра мы бы смотрели «Голубой огонек».

I. И послезавтра мы бы смотрели «Голубой огонек».

III. И послепослезавтра мы бы смотрели «Голубой огонек».

I. И послепослепослепослепослепослепослепослепослепослезавтра мы бы смотрели «Голубой огонек»!

III (*вдохновенно*). Ниночка… лучше Валечки. А Валечка лучше Светы.

I. Хемингуэй лучше Ремарка. А Ремарк лучше всех.

IV. А вы были на «Ла Скала»? Как поют, как поют!.. И так громко!

II. А вы были в «Современнике»?

IV. Нет, а что?

II. Как, и вы не смотрели «Голый король»?

III. Нет, а что?

II. Ну как же!.. Это же изумительная комедия!..

IV. Да, я слышала!..

II. Слышали! Это надо видеть!.. Там, знаете, что… там он… вот вы пойдете и увидите… там он… это совершенно потрясающе сделано… там он… ну, король, мужчина в общем… там он… И как это пропустили?.. там он голый по сцене пробегает!..

III. Как «голый»?

II. А вот так. Голый.

IV. Без ничего?

II. Абсолютно. Выскакивает – раз-раз и за кулисы!..

III. И все видно?..

II. Все. А вы как думали?..

IV. Не может быть.

I. Что значит «не может быть»? Мы собственными глазами видели!.. Вы пойдете, и вы увидите.

IV. А может, он все же в таких… ну в… трусиках… спе-

циальных… и вы просто не заметили?

II (*очень обидевшись*). Я не заметила?.. Слава богу, меня одна большая приятельница «предупредила»… Я не заметила! Да я целый вечер сидела, как проклятая, и ждала, ждала, ждала, когда же он без ничего пробежит! Революция в театре! Новое искусство!

IV. Да, надо пойти, надо пойти.

I. Обязательно. Без искусства сейчас нельзя. Без нового.

IV. Да, да. Без искусства сейчас совершенно невозможно. Без голого.

I. Конечно… Искусство сейчас необходимо во всех областях жизни. Какую бы отрасль мы ни взяли, всюду требуется вмешательство художественного мироощущения…

IV. Вы правы!.. Ведь ничего так не облагораживает, не воспитывает и не возвышает, как искусство…

I. Но нам нужно не всякое искусство…

IV. Безусловно. Нам нужно только такое искусство, которое было бы не таким, как то искусство, которое не является искусством…

I. Искусство – это праздник.

IV. Искусство – это красота…

I. Возьмем, к примеру, меня.

IV. Я ведь утром иду на работу, а вечером иду в театр… Или в баню!

I. На работе я устал, и теперь хочу отдохнуть, отвлечься, поразвлечься… Я голый и все вокруг голые!

IV. А вы заставляете меня думать, решать для себя какие-то вопросы, мыслить, чувствовать, переживать…

I. Вот!.. Ведь как раньше хорошо-то было! Спокойно. Я, например, никогда ни о чем не думал!

IV. За нас начальство думало. И жили мы в свое удовольствие. Одетые.

I. А что теперь? Прихожу я в театр…

IV. И что же мне показывают?.. Голого короля?..

I. Хватит!

II. Довольно!

III. Мы протестуем!

IV. Мы требуем!

I. Просим!

II. Умоляем!

III. Жалуемся!

IV. И мечтаем!

I. Да, мечтаем!.. Что придет наше время, когда суббота будет каждый день, а каждый день будет суббота.

II. И по телевизору чтоб показывали «Голубой огонек»!

III. И не только по телевизору! В театре «Современник» чтоб тоже каждый день показывали один «Голубой огонек»!

IV. И не только в театре «Современник». Хочется, чтоб и во всех других театрах каждый день показывали «Голубой огонек».

I. И не только в театрах. Хочется, чтоб и во всех кинотеатрах был «Голубой огонек».

II. И не только в кинотеатрах. Хочется, чтоб во всех стихах, рассказах, повестях и романах был «Голубой огонек»!

III. И во всех консерваториях – чтоб был один «Голубой огонек»!

IV. И чтоб в каждом доме, в каждой квартире и в каждом окне был и горел свой «Голубой огонек»!

I. И чтоб в каждой аптеке, в каждом автобусе…

III. …В каждом трамвае и в каждой кастрюле…

IV. В каждой бочке и в каждой затычке…

I. В каждом одуванчике и в каждом яйце…

II. Был сплошной…

III. «Голубой»…

IV. «Огонек»…

I. И на каждой тропинке…

II. И на каждом пригорке…

III. На всех морях, реках и океанах…

IV. Под землей, на земле и на небе…

I. Во всех уголках космического пространства… в длине, ширине, высоте и объеме…

II. Слева, справа, сзади и спереди…

III. Внизу, наверху, сбоку и из-за угла…

IV. Там, сям, везде и всюду…

I. …Показывали один! Сплошной! «Голубой! Ого-не-е-ек»!

I, II, III, IV (*хором*). И ничего боль-ше!

Все поворачиваются спиной к зрителю.

Пауза.

II (*полуобернувшись*). Но, главное…

IV (*очень спокойно*)… Главное – в том, чтобы «Голубой огонек» был в сердце, ушах и в носу, в горле и позвоночнике, в пятках и в копчике, в мозгу и в кишках каждого человека.

III. Вот о чем мы мечтаем…

Все садятся за стол.

I, II, III, IV (*хором*). Сидя целый вечер, как проклятые.

Все садятся за стол.

I *(встает).* Ну, нам пора!..

II *(встает следом за I).* Посидели и хватит.

III. Ну что вы так рано?!

IV. Посидите еще!

I. Нет, нет. Завтра на работу вставать!!

II. Уже поздно. И так засиделись!

III. Вы уж извините…

IV. Нам и угостить вас было нечем!

I. Здрав-а-а… То есть… (*смеясь*). До свидания.

IV. До свидания.

I. Спокойной ночи.

II. Спокойной ночи.

III. Спокойной ночи.

IV. Спокойной ночи.

I и II надевают пальто III-го и IV-й, уходят. III и IV остаются вдвоем. Садятся за стол в тех же позах, как сидели I и II в начале спектакля. Застыли в луче света. Музыкальная

пауза. Медленно гаснет свет.

ЗАНАВЕС



Эстрадная студия МГУ «Наш дом». Муж – Леонид Щварц, Жена – Оксана Кириченко, Супруг – Михаил Кочин, Супруга – Лилия Долгопольская



Сцена из спектакля



Сцена из спектакля



Сцена из спектакля

Смерть Архимеда

Люди умирают раньше, чем вянут цветы на их шляпах…
В. Шекспир. Макбет

В одном действии для двух актеров
1965

Действующие модели

АРХИМЕД, ученый из города Сиракузы
ВОИН, безымянный убийца Архимеда

Действие этой пьесы происходит в древнем городе Сиракузы (третий век до нашей эры).

На скамеечке в виноградном саду сидит Архимед и чертит что-то прутиком на песке. Рядом – кувшин с вином.

То и дело слышится грохот, топот, чьи-то крики, стоны, испуганное кудахтанье всполошившихся кур. Время от времени в течение действия откуда-то сверху (а может быть, сбоку) на двор падают стрелы. Они вонзаются перед самым носом Архимеда, но он не обращает на них внимания.

Музыкальная увертюра. Пауза. Входит Воин, человек средних лет, весьма приятной наружности,

с элегантными манерами.

ВОИН. Простите, пожалуйста, не вы ли будете знаменитый карфагенский ученый Архимед?

АРХИМЕД. Это я.

ВОИН. Здравствуйте. Я пришел вас убить.

АРХИМЕД. Очень приятно. Но я сейчас занят.

ВОИН. Извините… не понял.

АРХИМЕД. А чего тут понимать?.. Я ясно сказал: занят я… Работаю. Не видите разве?

ВОИН. Вижу-вижу… Но как бы вам это лучше объяснить?.. Дело в том, что в настоящее время, вы, наверное, об этом не знаете, – идет война. И мы, римляне, вас победили. Ваши Сиракузы пали. Но на вашей улице еще идет бой. И вот я, случайно проходя мимо вашего дома, решил, что будет лучше всего, если я зайду сюда на минутку и убью вас.

АРХИМЕД. Интересно, откуда у вас возникло такое решение?

ВОИН. Видите ли… Я с детства обожаю всех талантливых интеллигентных людей. Я, можно сказать, перед ними преклоняюсь. Я всегда, всю свою жизнь мечтал делать для них что-нибудь хорошее, доброе. И вдруг эта война, мобилизация, эти зверства вокруг…

АРХИМЕД. Короче.

ВОИН. Короче – иду я только что по улице… кругом, повторяю, война… вижу, вы дома, и думаю: ведь убьют, наверняка убьют, укокошат за милую душу наши подлецы этого замечательного, всемирно известного ученого. Вас то есть.

И мало того что убьют. Изувечат! Оскорбят!.. В лицо вам какой-нибудь дурак плюнет. Помои, сволочи, заставят пить. От закона вашего, изверги, попросят вас же самого отречься! На тело, скажут, погруженное в жидкость, не действует выталкивающая сила, равная весу вытесняемой жидкости, – и все тут! Нет, думаю, если я действительно честный человек, если действительно мне дороги интересы науки и гуманизма, я должен ему помочь. Я! Именно я должен помешать этому потоку издевательств, этой чудовищной кровавой расправе. Я должен сейчас же пойти к нему в дом и убить его. То есть вас. Просто. По-хорошему. Одним ударом.

АРХИМЕД. Благодарю вас. Теперь мне ясно. Но, к сожалению, вынужден вас огорчить: в настоящий момент у меня срочная работа. Приходите как-нибудь в другой раз.

ВОИН. Я понимаю, понимаю… (*Грозит пальцем.*) Но вы должны учесть: время дорого, оно сейчас работает не на вас. Промедление сделает вашу смерть мучительной. Не я, так другие.

АРХИМЕД. К сожалению, ничем не могу помочь.

Пауза.

ВОИН. И все-таки в интересах гуманизма и справедливости я буду настаивать…

АРХИМЕД. Вон отсюда! (*Выталкивает воина за кулисы.*)

ВОИН. Как вы смеете!.. Я к вам от всего сердца, от всей души… Ну хорошо, хорошо!.. Я уйду… Но вы пожалеете!

Вы еще вспомните! Вы пожалеете! (*Уходит.*)

Пауза.

Архимед, склонившись над своими чертежами, думает о чем-то. Вдруг крик. На сцену выбегает знакомый нам Воин. Но сейчас он ранен – из ляжки у него торчит стрела. По его телу течет кровь.

ВОИН. Помогите! Помогите!

АРХИМЕД. Опять вы? Я, наконец, начинаю злиться.

ВОИН. Простите!.. Простите меня, пожалуйста, господин Архимед. Но я ранен, истекаю кровью.

АРХИМЕД. Признаться, это приносит мне большое удовлетворение – ведь вы враг Сиракуз.

ВОИН. Враг?.. Какой я враг? Я ваш друг, именно поэтому я здесь. Ах, эта проклятая, никому не нужная война!.. Не успел я выйти из вашего дома, как из-за угла, подло, в меня стреляли в упор из лука. По-моему, это даже был вовсе не сиракузец, а наш, римлянин…

АРХИМЕД. Весьма сочувствую. Но, повторяю, помочь ничем не могу.

ВОИН. Как!.. Вы отказываетесь мне помочь?! Мне, который так вас любит?.. Который хотел для вас столько сделать?!

АРХИМЕД. Прошу оставить меня одного.

ВОИН. Но это невозможно! Теперь я не могу отсюда уйти, даже если захочу. Вы должны помочь мне, господин Архимед.

АРХИМЕД. Чем?

ВОИН. Если вы вытащите из моей задницы стрелу, я убью вас не сразу, а дам вам поработать полчасика.

АРХИМЕД. Полчасика?.. Нет, полчасика, пожалуй, мне мало. К тому же… Э-э-э… ваша… как вы это сказали… задница меня совершенно не интересует.

ВОИН. Но ваша жизнь должна вас интересовать?!

АРХИМЕД. Да, но не та, которая зависит от вашей задницы.

ВОИН. Мне больно, поймите…

АРХИМЕД. До вашей боли мне нет никакого дела.

ВОИН. Ах вот как… Тогда я буду говорить с вами иначе… В конце концов кто я – победитель или нет?.. Хоть вы… хоть ты и Архимед, я заставлю вас… тебя подчиниться! (*Слегка ударяет Архимеда по шее, но тот отвечает Воину сильным ударом кулака по спине. Воин отскакивает.*) Ишь ты какой! Дай же мне хотя бы прилечь на эту скамейку!..

АРХИМЕД. И не подумаю.

ВОИН. Не видишь, я – ранен! Я – умираю!

АРХИМЕД. От стрелы в задницу еще никто в мире не умирал.

ВОИН. Я буду первый: о, как мне больно!.. О, как мне жалко себя!

АРХИМЕД. Замолчи. Мне нужна тишина.

ВОИН. Плевал я на твою тишину. Эгоист! Если ты мне не поможешь, я буду кричать. Вот так.

Аааааааааааоооооооооооооуууууууууууууыыыыыыыыыы-аааааа!

АРХИМЕД. Поди вон, я сказал. Ты мне мешаешь. Карфагенским языком тебе говорю. (*Дает Воину под зад.*)

ВОИН. Ты чего дерешься?.. Интеллигент, называется. Ученая морда. С ума, что ль, сошел?

АРХИМЕД. Беги. Беги отсюда, пока цел. (*Снова дает Воину под зад.*)

ВОИН. Вот это да… я к нему пришел как друг, как товарищ и брат, а он… Негодяй!.. Я тебя убью как собаку, негодяй. Слышишь?

АРХИМЕД. Попробуй только.

ВОИН. И попробую.

Пауза.

АРХИМЕД. Ну, я жду.

ВОИН. Чего?

АРХИМЕД. Когда ты меня убьешь.

ВОИН. Я это сделаю, но не сейчас.

АРХИМЕД. А когда?

ВОИН. Через час – вот когда.

АРХИМЕД. Через час – это меня вполне устраивает. Через час – пожалуйста. А сейчас – прошу тебя: не можешь уйти – сиди. Сиди! Но, черт возьми, молча!..

ВОИН. Ты собака!.. Правильно нам про вас персы говорили: все вы – карфагенские собаки. И ты в том числе.

АРХИМЕД. Ты мне надоел.

ВОИН. А ты мне.

АРХИМЕД. Ну и занимался бы своим делом. Войной. Ну чего ты сюда пришел?

ВОИН. Война – не мое дело. Я по профессии музыкант. На арфе в оркестре играю. А пришел я от своей доброты, вечно хочу помочь талантливым людям, а они не ценят. Почему ты выгнал меня из своего дома? Почему ты отказался вынуть из меня стрелу? Потому что ты – недобрый человек. Гениальный, но недобрый. Почему ты не даешь мне себя убить?

АРХИМЕД. Хотя бы потому, что мне некогда!

ВОИН. Что значит «некогда»? Что значит «некогда»? Я – простой римский человек, впервые в жизни пришел к тебе – гениальному ученому – сделать добро, а тебе некогда. Стыдно, господин Архимед. Мне за вас стыдно.

АРХИМЕД. Хорошо. Перейдем снова на вы. Мне вас жаль. Я хочу вас успокоить. Через час я кончу работать, и вы убьете меня. Если уж вам так этого хочется!

ВОИН (*с обидой*). Нет, этого не будет.

АРХИМЕД. Почему же? Вы же сами сказали: «через час». Это ваши слова?

ВОИН. Мои. Я сказал их… не подумав. Это вы, гении, взвешиваете каждое слово. А у нас, простых людей, вылетело – и привет!

АРХИМЕД. Почему вас не устраивает через час?

ВОИН. Потому что за это время и война кончится, и Си-

ракузы будут разграблены, все достанется не мне, а другим победителям, а я тут, значит, буду с вами сидеть, как дурак, целый час, чтобы потом только в один миг – миг удара – испытать удовольствие?! Нет, через час не пойдет, нет!

АРХИМЕД. Очень вы интересный человек. Пришли убивать – жаловались на зверства, на такую-сякую войну, а сейчас, кажется, не прочь и сами пограбить?!

ВОИН. Что значит – пограбить?.. Победитель имеет право на компенсацию своих страданий. Знаете, сколько мне пришлось испытать? Но я всегда был против войны. Против крови. И раньше, и сейчас, и через час. Если бы вы знали, как мне трудно. В нашем полку много ветеранов. Я не могу слушать их фронтовые байки. Боже, вы бы слышали, что они говорят: раньше, говорят, в былые времена убивать было куда интереснее. Каждый раз, – говорят, – в этом было что-то новенькое, потому что все боялись смерти, а это вело к тому, что то и дело герой становился трусом, а трус – героем… Сейчас – не то. Герой – это герой, а трус – всегда трус. И, заметьте, к смерти стали относиться совершенно равнодушно. Такое впечатление – всем теперь наплевать – и тем, и другим!.. Это ужасно, – говорят ветераны, – потому что все убийства стали похожи друг на друга. Такое однообразие. Такая скука, аж противно… Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему я, наслушавшись этих разговоров, пришел к вам. Я, во-первых, хотел проверить, справедливы ли эти выводы старых вояк, и, во-вторых, мне самому показалось, что

единственный раз в жизни я сегодня смогу убить честно, не причинив зла такому человеку…

АРХИМЕД. Вы очень любезны.

ВОИН. Ах, дорогой Архимед, если бы вы знали, как мне надоела эта идиотская война! Эта бессмыслица!.. Это узаконенное насилие!.. Как надоели мне все эти дикие, нечеловеческие страдания, недостойные всякого мало-мальски культурного индивида. Эта тупая, скотская дисциплина!.. Девять месяцев кряду мы осаждали ваш действительно прекрасный город – и мне, признаться, уже совсем неохота валяться в грязи, спать в душной палатке, надевать вонючую тунику, кормить в лагере знакомых крыс тухлым зеленым мясом, которое осточертело им не меньше, чем нам, и ждать, ждать решающего боя – с кровью, беготней и пожарами… Ах… сегодня, слава богу, все это кончилось. Все. Теперь сразу – в госпиталь – прийти в себя, подлечиться, отлежаться, успокоиться – и домой. А дома меня ждет любимая жена, дети и драгоценная арфа!

АРХИМЕД (*хмуро*). В самом деле… вам можно позавидовать. Хотите выпить? (*Предлагает кувшин.*) Лучшее обезболивающее средство.

ВОИН. С удовольствием. (*Вдруг с опаской.*) А вы меня не отравите?

АРХИМЕД. Ну что вы?.. За кого вы меня принимаете?

ВОИН. Извините, но… (*Пьет.*) Сейчас нам надо быть особенно бдительными. Обидно сдохнуть в последний день

войны. (*Спохватываясь.*) Ах, простите, я не хотел вам об этом…

АРХИМЕД. Ничего, ничего.

Оба пьют из одного кувшина.

ВОИН. А боль действительно сразу как-то прошла.

АРХИМЕД (*обрадованно*). Ну вот видите. Я же тоже плохого вам не желаю. В определенном смысле вы мне даже нравитесь.

ВОИН. Ну что вы. Я по сравнению с вами – ничтожество, посредственность – больше ничего. Таких, как я, – миллионы, а вы – один. Один на весь мир.

АРХИМЕД. Ну уж так… Теперь вы прославитесь. Войдете в историю. Вас будут вспоминать все поколения как знаменитого убийцу Архимеда!

ВОИН. Нет-нет!.. Не дай бог им узнать мое имя!.. Что вы? Истинно добрый человек должен вершить добро, оставаясь в неизвестности, не надеясь на славу. Пусть все думают, что вас по ошибке убил неизвестный воин.

АРХИМЕД. Может быть, вы сделаете еще одно добро для меня и все же дадите поработать часок… Последний раз в жизни!

ВОИН. Ни в коем случае. У вас усталый вид. Мне кажется, вы должны немного отдохнуть. Пред смертью.

АРХИМЕД. Да какой там отдых. Работы – много.

ВОИН. Бросьте… Бросьте немедленно все!.. И потом – какой в этом смысл? Что это вам даст? Что прибавит? Сла-

вы? Но слава у вас уже есть. Деньги? Но деньги сейчас будут меняться – реформа неминуема. Так зачем вы себя мучаете? Раньше времени в гроб загоняете. Поберегите себя. Хватит. Вы достаточно поработали, пусть другие теперь за вас постараются. Это же в ваших интересах. Ну сами посудите. Кому вы будете нужны, если у вас не будет здоровья?

АРХИМЕД. Да я, в общем-то, не жалуюсь. Я здоров.

ВОИН. Это вам кажется!.. Вы себя не знаете!.. Никто себя не знает!.. Я же вижу ваш цвет лица. У вас, случайно, температуры нет?

АРХИМЕД. Думаю, что нет. Просто – жара, оттого и горячий лоб.

ВОИН. А вы меньше сидите на солнце. Хотите солнечный удар получить?.. Не выйдет. Я вас ударю. Я!

АРХИМЕД (*сам себе*). Солнце я люблю. У нас в Сиракузах самое лучшее солнце в мире.

ВОИН. Теперь оно будет греть нас, римлян. А вы уберетесь в тенек. Вам теперь будет прохладно.

АРХИМЕД (*задумчиво*). Я-то лично со своего места не сойду.

ВОИН. И правильно. Вам не надо двигаться. Вам надо себя беречь. Я ж об этом и говорю. Я сам к вам подойду и… хлоп! Вы даже ничего не почувствуете.

АРХИМЕД (*угрюмо*). Как прекрасен этот мир. И как жаль, что я так мало успел.

ВОИН. Не наговаривайте на себя, не наговаривайте…

Что за привычка вечно чувствовать себя неудовлетворенным?

АРХИМЕД. Давайте выпьем еще.

ВОИН. Нет-нет, мне больше нельзя. Я хочу вас… как говорится, шлепнуть на свежую голову.

АРХИМЕД. Да какая разница?.. Пейте.

ВОИН. Вы думаете, если я буду пьян – это будет лучше? А если я промахнусь?

АРХИМЕД. Не промахнетесь.

ВОИН. Промахнусь. У меня же руки будут дрожать. Я себя знаю. Выпью – и сразу движения становятся не те. Правда, самочувствие хорошее.

АРХИМЕД (*смеясь*). Это верно. Хотите, анекдот по этому поводу расскажу?

ВОИН. О, конечно, конечно!.. В наших казармах мне так надоел этот солдатский юмор!

АРХИМЕД. Мой анекдот тоже простоватый, но он мне нравится. Однажды приходит пьяный муж домой и валится на кровать. Вбегает жена и плачет: «Орест!»… или там – Ахилл… это не важно… «Ну как тебе не стыдно!.. На кровать лег в сандалиях! Тунику не снял! А у меня, между прочим, сегодня день рождения. Так хотелось посидеть, поговорить…

А ты напился как последняя скотина!.. Нажрался как последняя свинья!» А он с кровати икает в ответ: «А зато я себя хорошо чувствую!»

ВОИН (*хохоча*). Чудно!.. Просто чудно!.. Еще! Еще чего-нибудь расскажите.

АРХИМЕД. А чего? Чего вы хотите?.. Я уж и не знаю больше ничего.

ВОИН. Как же! Как же! Поверил я вам! Ну пожалуйста.

АРХИМЕД. Право, как-то неохота вас забавлять.

ВОИН. Понимаю. Очень вас хорошо понимаю. Я для вас чудовище. Убийца с большой дороги. А вы забудьте об этом и пейте. Не стесняйтесь меня! Пейте, забудьте и рассказывайте! И вам станет легче. И меня отвлечете, и сами голову проветрите.

АРХИМЕД (*хмуро*). Нет. Больше я вам ничего не хочу рассказывать.

ВОИН. Но отчего же?.. Вы же так хорошо начали. Ну?

АРХИМЕД. Сказал – нет. Значит, нет.

ВОИН. Фу, какой капризный… Ну, не хотите – не надо. Я вам тогда расскажу.

АРХИМЕД. Вас я тоже не хочу слушать.

ВОИН. Опять вы…

АРХИМЕД. Ничего не опять. Я всегда такой.

ВОИН. Ну хорошо. Я вижу, вы снова нервничаете. Давайте тогда снова выпьем. Я – с вами.

АРХИМЕД. Давайте. Только я не нервничаю. (*Пьют оба.*)

ВОИН. Нет, нервничаете. Я же вижу. Я же понимаю ваше положение. Я же не дурак.

АРХИМЕД. Дурак – я. Мне надо работать, работать, работать, а я тут с вами сижу, пью и разговариваю.

ВОИН. Да что вы переживаете?.. Если вы даже на миг почувствовали себя дураком, – ничего страшного!.. Вам лично это не грозит. Кому-кому, но не вам!.. Вы столько раз в жизни бывали умным, что можете позволить себе хотя бы перед смертью немного подурачиться. А?..

АРХИМЕД. Слушайте, мне это надоело. Что вы мне все время говорите о моей смерти… неужели вы всерьез думаете меня убить?

ВОИН. Абсолютно всерьез. Стал бы я тут всю эту комедию валять.

АРХИМЕД. А не хотите ли вы, чтобы я вас снова выгнал взашей?

ВОИН. Меня… Раненого… Выбросить на улицу… Как вы можете даже себе такое представить… И потом – где справедливость?.. Я прошел всю войну без единой царапины и геройски сражался за вашу же жизнь… Да! Да! Когда мои товарищи говорили: «Вот возьмем Сиракузы, схватим этого ихнего Архимеда – и на костер!» – я не молчал, я с ними спорил!.. Я им доказывал: «Архимед – поймите вы, дегенераты, – это же крупнейший ученый. Это талантище! Это грандиозная личность!.. Удивительный мозг! Разве можно его на костер?.. Его надо расстрелять из лука!.. В крайнем случае – удавить. Как всех приличных людей удавливают». Вот что я им говорил. Я честный человек! А что же теперь?

Да и теперь, если вдуматься, я ранен, я пролил кровь из-за вас, только из-за вас! Если бы вы меня в первый раз не вытолкали, разве мне всадили бы в задницу стрелу?.. Стрелу, которую вы отказались из меня вытащить, предпочтя лучше оставить меня истекающим кровью, нежели ускорить мое выздоровление! Да вас надо убить, убить хотя бы за это! И я совершу это чистое, благородное убийство, потому что я честный, я добрый, я хороший человек!..

АРХИМЕД. Тогда выпьем. Выпьем три раза. За всех вас – хороших, добрых и честных.

Оба три раза пьют.

ВОИН. Вы, кажется, на меня немного обиделись.

АРХИМЕД. Ну что вы, что вы!.. Вы были так искренни. Так великолепны.

ВОИН. Знаете, я тоже всегда такой… Я люблю правду. Я люблю правду говорить в глаза. А не можешь сказать правды – тогда молчи. Я так считаю.

АРХИМЕД. Я тоже. За правду!

ВОИН. За правду.

Оба пьют.

Фу-у, горько.

АРХИМЕД. Правда – она иногда бывает горькой.

ВОИН (*пьянея*). Эх, Архимед… Умница!.. Головка!.. Архимедик ты мой хороший. Архимедик ты мой золотой… Дай я тебя поцелую.

АРХИМЕД. Нет-нет… Ты все-таки победитель. А с по-

бедителями я лично целоваться не хочу.

ВОИН (*лезет с поцелуями*). Да брось ты… Слушай, ну какой я победитель… Ну кто я такой?.. Кто?

АРХИМЕД. Сам же сказал. Хороший человек.

ВОИН. Именно. Я хороший. И ты хороший. Мы вместе оба хорошие. Давай споем.

АРХИМЕД. Давай.

ВОИН. Я про тебя песню знаю, в лагере один наш местный Гомер сочинил.

АРХИМЕД. Да ну!

ВОИН. Вот те ну. Слушай. И подпевай. (*Поет.*)

Есть на свете город Сиракузы,
Он стоит уж много тысяч лет.
Там растут и дыни, и арбузы…
И вообще – чего там только нет.

АРХИМЕД (*повторяет*).

Там растут и дыни, и арбузы…
И вообще – чего там только нет!

ВОИН.

В Сиракузах жил большой ученый.
Звали его просто – Архимед.
Мускулы Геракла, торс точеный
И феноменальный интеллект.

АРХИМЕД (*повторяет*).

Мускулы Геракла, торс точеный
И феноменальный интеллект!

ВОИН.

Знал он все про все на белом свете,
На песочке что-то рисовал.
И однажды чертежи все эти
Другу Пифагору показал.

АРХИМЕД.

И однажды чертежи все эти
Другу Пифагору показал.

ВОИН.

Пифагор был паренек – что надо!
Он носил красивые штаны
И любил произносить тираду:
«Они во все стороны равны!»

АРХИМЕД.

И любил произносить тираду:

«Они во все стороны равны!»

ВОИН.

Посмотрев рисунки в Сиракузах,
Пифагор бессмертным тут же стал.
Про квадрат своей гипотенузы
Теорему быстренько создал.

АРХИМЕД.

Хм… Про квадрат своей гипотенузы
Теорему быстренько создал.

ВОИН.

И при этом, сидя на песочке,
Он свою тираду повторил.
Архимед расстроился до точки –
В плагиате друга обвинил!..

АРХИМЕД. Не было этого! Не было!..
ВОИН. Это же песня! (*Продолжает пение.*)

С той поры и в радости, и в горе
Этот случай нам не позабыть.
В память об ученом Пифагоре
Архимеду будем страшно мстить!

АРХИМЕД.
Давайте, давайте!.. (*Поет.*)

Архимеду будем страшно мстить!..

ВОИН.

Нас волнует очень эта тема:
Чтоб в истории торжествовала честь.
Пусть теперь Закону теорему
Каждый пожелает предпочесть.

АРХИМЕД (*смеется*).
Если сможет, конечно! (*Поет.*)

Закону теорему предпочесть!

Ну что ж, очень милая песня.

ВОИН. Я рад, что она тебе понравилась. Музыка, между прочим, моя.

АРХИМЕД. Тем не менее на что-то похоже. Где-то я ее уже слышал.

ВОИН. Неважно. Это я нарочно так. Мотивчик, конечно, примитивный, но зато кому ни спою – всем нравится.

АРХИМЕД. Видишь, и у тебя есть успехи. И ты – талант, а говоришь – посредственность!..

ВОИН. Спасибо. Похвала из твоих уст – большое достижение. Но я – посредственность, ибо именно посредственности особенно приятно, чтоб ее оценили еще при жизни. После смерти лично мне это было бы совсем не нужно.

АРХИМЕД. Ты не прав. Каждый человек живет и после своей смерти.

ВОИН. Тогда что же это такое – смерть?!

АРХИМЕД. Я думаю, что это продолжение жизни, только в иных измерениях.

ВОИН. Измерениях. С точки зрения математики это, может, и так. Но с т о ч к и з р е н и я ч е л о в е к а…

АРХИМЕД. По-твоему, я – не человек?

ВОИН. Ты гениальный человек. Следовательно, не человек.

АРХИМЕД. Чепуха. Софистика. Что такое – гений?.. Это наиболее нормальный человек. Это скорее универсальность, чем уникальность. И то, что гении редки, свидетельствует только о ненормальности всех остальных людей!

ВОИН. Я думаю – наоборот. Я завидую тебе. Мне никогда не быть таким, как ты. Ты – единица. Я – нуль. Но сегодня я сильнее тебя.

АРХИМЕД. Ты убьешь меня, потому что ты – посредственность… и ты победитель.

ВОИН. Да, я – посредственность. И всегда был ею. Я всегда был «как все». В школе, на работе, в армии.

АРХИМЕД. Где ты родился?

ВОИН. В Спарте. Да ты, наверное, знаешь – там была первая в истории человечества музыкальная школа. Целыми днями мы лежали на гвоздях и пели песни о счастье. А наш мудрый учитель по имени Педагог ходил по рядам и следил, как бы кто-нибудь не сфальшивил.

АРХИМЕД. Музыка близка математике. Когда я считаю, мне иногда кажется, я слышу какую-то никому не ведомую гармонию.

Воин стонет от боли.

Странно, ты – спартанец, а не можешь перенести боль.

ВОИН. Спартанец!.. Хочешь, я признаюсь тебе?! Именно потому, что я спартанец, у меня с детства ненависть к физическому страданию. Палец наколол – уже событие, собственной крови видеть не могу, тошнит.

АРХИМЕД. Первый раз вижу воина-неженку, да еще спартанца.

ВОИН. Однажды, еще в первом классе, я спел неправильно. Тогда Педагог взял свечу, подошел ко мне и попросил вытянуть руку. «Ну, какой будет верный звучочек?» – нежно спросил он меня, подставив свечу под мою ладонь. «А-а-а!» – закричал я. «Нет, не то», – так и вижу его печальную улыбку на холеной морде. «О-о-о-о!» – завопил я. «Опять врешь», – сказал Педагог и приблизил свечу к ладони. «Ы-ы-ы-ы!» – «Протяжней!» – «ЫЫЫЫЫЫУУУУАААААЫЫЫЫ!» Вот после этого моего звука он спокойно сказал: «Вот теперь хорошо. Теперь правильно. Запомни этот зву-

чочек на всю жизнь». И отошел. Звучочек! Звучочек! Я запомнил «звучочек». И с тех пор стал круглым отличником, ибо совершенно не могу переносить ни малейшей физической боли.

АРХИМЕД. Неужели можно петь всю жизнь безошибочно, ни разу не соврав?

ВОИН. Я лично научился не ошибаться. Я даже придумал хороший способ: бывало, все поют, стараются, а я себе сижу, молчу и только раскрываю рот в общем хоре. Как все!

АРХИМЕД. Я бы так не смог. Я бы лучше убил себя.

ВОИН. Смог бы! Еще как смог бы!.. Спарта сделала бы из тебя человека.

АРХИМЕД. Я сделал себя сам. Я тоже учился в школе. Но я не любил хор.

ВОИН. Вас тоже заставляли петь?

АРХИМЕД. Нет, мы не пели. Мы говорили хором. Это гораздо хуже. Мой учитель, помнится, каждый урок арифметики начинал одним и тем же вопросом: «Сколько будет дважды два?» – «Четыре!» – отвечали хором мы. «Правильно, – радовался мой Педагог. – Дважды два будет четыре. Не три, не пять. Не семь, не сорок, не сто двадцать восемь, не семьсот сорок шесть, а, обратите внимание, четыре!..» Однажды мне это надоело, и, не успел хор открыть рот, чтобы ответить, сколько будет дважды два, я выкрикнул: «Корень из шестнадцати!» Что тут было! Я получил восемнадцать палок по нижнему эпидермису.

ВОИН. Нас тоже били туда же.

АРХИМЕД. Тогда выпьем за наше прекрасное детство!

ВОИН. Выпьем. Но прежде, будь другом, вытащи наконец из моей задницы стрелу.

АРХИМЕД. Пожалуйста, освободи меня от этой просьбы.

ВОИН. Ничего не понимаю!.. Кажется, мы подружились. Кажется, ты понял, что я не враг тебе. А ты опять отказываешься? Почему?

АРХИМЕД. Есть причина.

ВОИН. Скажи ее мне.

АРХИМЕД. Нет.

ВОИН. Скажи, скажи. Или ты мне не доверяешь?

АРХИМЕД. Доверяю.

ВОИН. Тогда скажи.

АРХИМЕД. Нет. Нет. И не проси.

ВОИН. Упрямый, собака.

АРХИМЕД. Прошу тебя, если ты мне действительно друг, не называй меня больше собакой.

ВОИН. Это я так, не со зла. Извини.

АРХИМЕД. Извиняю.

ВОИН. Так скажи мне, черт возьми!.. В чем дело? Ты боишься меня?

АРХИМЕД. Нет.

ВОИН. Так что же?.. Я чувствую между нами все время какой-то барьер. Что-то разделяет нас – я по одну сторону,

ты – по другую. Я всеми силами стараюсь преодолеть это разделение. А ты мне мешаешь.

АРХИМЕД. Нет, это ты мне мешаешь. Я работаю.

ВОИН. Да работай!.. Работай себе, дурачок, сколько влезет. Работай, милок, если не хочешь меня слушать! Но ведь я тебя сейчас только об одном прошу – вытащи из моей задницы стрелу!

АРХИМЕД. Лучше выпьем.

ВОИН. Не буду я больше пить.

АРХИМЕД. Пей.

ВОИН. Не хочу.

АРХИМЕД. А я не хочу вытаскивать.

ВОИН. Я смотрю, ты мне немного сопротивляешься. Уж не думаешь ли ты так, потихоньку-помаленьку спасти свою шкуру?

АРХИМЕД. Не думаю.

ВОИН (*злобно*). И правильно. Сопротивляться – глупо. Я убью тебя, как бы ты ни сопротивлялся.

АРХИМЕД. А я и не сопротивляюсь. Я прошу об одном: дай мне возможность немного поработать. И лишь потом… На коленях тебя молю! Убей потом!

ВОИН. Когда потом? Сколько можно ждать?

АРХИМЕД. Посиди тихо часок.

ВОИН. Часок уже прошел. Теперь – пора.

АРХИМЕД. Сиди тихо, я сказал.

ВОИН (*стонет*). Не могу тихо. Мне больно.

АРХИМЕД. Терпи, спартанец.

ВОИН. Не могу.

АРХИМЕД. Попробуй через не могу, римлянин.

ВОИН. Мучитель! Изверг!.. Собака!..

АРХИМЕД. Еще одно слово, и я не знаю, что с тобой сделаю.

ВОИН. Что?

АРХИМЕД. Убью – вот что!

ВОИН (*очень удивленно*). Убьешь?.. Ты меня убьешь?

АРХИМЕД. Да, друг мой. Вот выпью еще из своего кувшина и кокну тебя не хуже, чем ты хотел меня.

ВОИН. Но за что?.. За что?

АРХИМЕД. За то, что ты – хороший человек. О, как я вас ненавижу – так называемых хороших людей, которые так легко становятся убийцами. Плохих убийц на свете не бывает, нет! Вся наша беда на земле – в том, что нас окружают вполне хорошие, вполне приличные люди…

Множество хороших, но посредственных людей! Поговорите с ними – и у каждого своя судьба, свой характер. И рассуждают они всегда так правильно, так логично, их так легко понять. Они ведь такие бедные, такие несчастные – в детстве им всем руку жгли. Сейчас, правда, лучше стало – у каждого своя жена, своя арфа. Но главное – у всех у них исключительно добрые намерения. И в каждое свое дело они вкладывают всю душу, все сердце. Однако вопрос – зачем же в каждое?..

Может быть, лучше выбирать?! Нет!.. На это посредственность себя не может потратить. Она тут же теряет свое обаяние и ждет одного – злодейства. Массового злодейства. Ну, например, такого, как война.

Где, как не здесь, снова можно будет сохранять внешнюю честность и добропорядочность? Где, как не здесь, вы сможете убивать из добрых намерений?! Где, как не здесь, ваши скрытые, потенциально живущие в вас отвратительные, самые темные качества смогут раскрыться во всем блеске наигранного благородства и псевдогероизма? Пшел вон от меня, подлый, ничтожный человек. Ты мешаешь мне жить и работать. Пшел вон! Или я убью тебя!

Пауза.

ВОИН. Во-от как ты заговорил!.. Браво, браво. Значит, если я тебя правильно понял, хороший человек – на самом деле плохой. А вот ты, хороший, – хорош на самом деле. Ты – истинно хороший, я – истинно плохой. Ладно, собака.

АРХИМЕД. В последний раз тебя предупреждаю: не зови меня собакой!

ВОИН. А кто же ты?.. Кто же ты есть на самом деле? Тебя зовут Архимед – это нам известно. Это ты придумал этот свой гадкий закон, от зубрежки которого воротит каждого еще в школе. «На тело, погруженное в жидкость…» Тьфу! Ну ладно. Это еще терпимо. И миллионы людей всего мира стерпят, конечно, это издевательство. Между прочим, массовое издевательство, тоже заметь! Но ведь это чепуха, жал-

кая чепуха в сравнении с тем, что ты еще обрушил на наши головы.

АРХИМЕД. А что я еще обрушил на ваши головы?

ВОИН. И ты еще спрашиваешь, собака?

АРХИМЕД. Ну?

ВОИН. Не ты ли, собака, изобрел на нашу голову эту сиракузскую военную новинку – эту механическую рогатку, что стреляет огромными булыжниками?

АРХИМЕД. Вы имеете в виду катапульту?

ВОИН. Ее. Самое страшное оружие всех времен и народов! Не ты ли его изобрел?

АРХИМЕД (*явно гордясь собой*). Я!

ВОИН (*хрипло*). И после этого я плохой, а ты хороший?! О-о-о, какое же это будет счастье – убить тебя. Ты ведь тоже убийца!.. Хороший убийца. Плохих не бывает, верно. И я опять-таки жалкое ничтожество в сравнении с тобой, на моем счету не больше трех десятков людей, а ты… Ты убивал нас сотнями, тысячами… Ты, гений, сидящий в этом виноградном саду с прутиком в руках, – самый страшный убийца из всех, которых знает мир!

АРХИМЕД (*с нескрываемой радостью*). А что? Моя катапульта действительно была опасна для вас?

ВОИН. Опасна – не то слово. Это дьявольское оружие, несущее к тому же унизительную смерть! Еще бы!.. Метать камни величиной с корову в самых смелых на свете воинов!.. Тысячи римлян погибли при осаде этих твоих проклятых

Сиракуз прежде, чем мы не выдержали и не пошли в атаку на город напролом… Они погибли. Но как?! Не в бою, не в честном сражении, а просто так – от удара твоего дурацкого булыжника.

АРХИМЕД (*самодовольно*). Видите ли… господин победитель… Прошли времена, когда все решала только тупая грубая сила… Теперь один умный одиночка может выиграть битву у целой армии.

ВОИН. Но вы все равно проиграли.

АРХИМЕД (*машет рукой*). У нас бездарные военачальники.

ВОИН. Ну, у нас полководцы не лучше. Вот все говорят: Марцелл! Марцелл! А что Марцелл?! Что – Марцелл?..

АРХИМЕД. А и в самом деле… что – Марцелл?

ВОИН. Да ну его! Строит из себя Александра Македонского. А на самом деле – пустое место, увешанное орденами. Недавно вызвал к себе армейских художников и говорит: «Господа… Что это вы в самом деле рисуете нашу войну с Карфагеном только черной краской?» А это на седьмом месяце нашей осады было, мы как раз благодаря твоей катапульте только что полполка похоронили. «А разве, – говорит, – на этой нашей войне не было радостных моментов?» Тут же один художник и кричит: «Посмотрите мою картинку». И показывает Марцеллу свою новую работу. Называется «Бой героев с гадами». То есть наших с вашими.

АРХИМЕД. Это понятно. Ну и что же на этой картине

было изображено?

ВОИН. В центре, значит, стояла такая огромная ваза с цветами, по бокам – ковры, фрукты… Наши воины сидят на розовых подушках, бражничают, одной рукой обнимают нагих женщин, другой котят гладят, козочек разных… Сам Марцелл на белом коне, конечно, в уголке, скромный.

АРХИМЕД. А наши где?

ВОИН. Гады, что ль? А гады тут же. Все, подняв руки, на горе стоят. Невдалеке, где-то в голубом тумане, в светлой радостной перспективе…

АРХИМЕД. Ну и что же Марцелл?

ВОИН. А что Марцелл?.. Что Марцелл? Посмотрел и говорит: «Вот что мне нравится в этой картине, так это правда. А без правды, говорит, нет настоящего искусства!»

АРХИМЕД. Остряк.

ВОИН. Ничуть. Все приняли его речь всерьез. А один поэт даже назвал Марцелла основоположником мифического реализма.

АРХИМЕД. Ваше искусство гибнет. Следовательно, Рим обречен.

ВОИН. Совершенно с вами согласен. Мы, гуманисты, не можем думать иначе.

АРХИМЕД. Реализм мифов!.. Додуматься надо!..

ВОИН. Мне очень приятно, дорогой Архимед, что наши точки зрения на пути развития искусства сходятся. Это говорит о том, что наши противоречия носят временный ха-

рактер.

АРХИМЕД. Что вы имеете в виду?

ВОИН. Экий вы недогадливый!.. Вот убью вас – и кончатся все наши противоречия. Да, кстати… все забываю вас спросить. А что это вы все время рисуете на песке? Зачем вам понадобился этот часок?

АРХИМЕД. Видишь ли, то, над чем я сейчас работаю, не очень-то объяснимо.

ВОИН. Ну конечно!.. Где уж нам… Нам, дуракам, не понять!

АРХИМЕД. Напротив, все очень просто. И одновременно чрезвычайно неожиданно и серьезно. Скажу тебе прямо, без лишней скромности: это новая эра в науке и сознании. Если я доведу сейчас это дело до конца, человечество отныне заживет совершенно по-новому. Это будет революция в умах. Переворот в чувствах. Прыжок в бессмертие.

ВОИН. Эка куда хватил!.. Неужели все это – на этом песочке? Что-то не верится. Растолкуй мне хоть что-нибудь. Только популярно. Только прошу тебя, проще… и пошлее. Пошлее и проще.

АРХИМЕД. Понимаешь… Ну, как бы тебе популярно объяснить?.. Ну… Понимаешь… совсем недавно я понял, что все в мире относительно.

ВОИН. Ну?

АРХИМЕД. Что «ну»?

ВОИН. И это все?

АРХИМЕД. Все.

ВОИН. Ты что, издеваешься надо мной? Зачем голову мне морочишь?!

АРХИМЕД. Я не издеваюсь. Я в этом сейчас только что окончательно убедился. Только что в моем жалком мозгу родилась совершенно новая теория – теория относительности. Это потрясающе! Мое сердце ликует… Мне хочется выпить залпом Средиземное море!.. Хочется повернуть колесо истории!.. Как-то в молодости я нечаянно сказал: дайте мне точку опоры – и я переверну мир! Теперь у меня есть точка опоры. Мир будет перевернут.

Пауза.

ВОИН. Не надо. Прошу тебя, Архимед, оставь все как было.

АРХИМЕД. Поздно. Я уже вывел формулу. Разум Эвклида рухнул. Мой завистник Пифагор может идти на пенсию. Я смеюсь над ним. Я плачу.

ВОИН. Что за формула? Покажи, где она?

АРХИМЕД. Вот.

ВОИН. Эта?.. Такая маленькая?.. Такая крохотулечка?

АРХИМЕД. Да, милый. Эта крошка больше вашего Колизея и красивее Парфенона. Она величественнее миллиарда марцеллов и миллиарда картин.

ВОИН. Эти три закорючки?

АРХИМЕД. Они сильнее тысяч моих катапульт. Они выше неба, в них все мироздание.

ВОИН. Пожалуйста, прочти мне вслух эту формулу.

АРХИМЕД. «Е» равняется «эм це квадрат».

ВОИН. И это все?

АРХИМЕД. Все, дорогой мой.

Пауза.

ВОИН. Тогда я просто обязан, я должен вас убить. Боже мой, какой ужас он рассказал. Мне страшно!!! Я вас боюсь. Я вас убью! Убить тебя мало!

АРХИМЕД. Зачем? Ну, через год, через два, через три – не я, а кто-нибудь другой все равно до этого додумается.

ВОИН. Через год?.. Через два?.. А через три тысячелетия – не хочешь?

АРХИМЕД. Не хочу. Я хочу, чтоб быстрее, сейчас… Я при жизни хочу!

ВОИН. А я как раз не хочу «при жизни». Этого еще не хватало!.. Чтоб мир перевернулся! Я тебе покажу! Я тебя с твоей относительностью на куски разорву. Так дам, что родная мама не узнает. Убью гада!

АРХИМЕД. Опять за свое. Это я вас всех уничтожу. (*Дает Воину под зад.*)

ВОИН. Нет, я вас.

АРХИМЕД. Ты первый полез. (*Бьет Воина еще раз.*)

ВОИН. Кончай, слушай.

АРХИМЕД. Сам кончай. Я тебя не знал и знать не желаю. (*Дает Воину подзатыльник.*)

ВОИН (*горестно*). Вот и плохо. Тебя-то все знают. А ме-

ня никто.

АРХИМЕД. Ты – нытик.

ВОИН. От стоика слышу.

АРХИМЕД. Я не стоик.

ВОИН. Кто же ты?

АРХИМЕД. А ты кто?

ВОИН. Я – никто, понял?

АРХИМЕД. Ну и я никто…

ВОИН. Врешь, собака… Ты – Архимед, изобретатель чертовой катапульты. Я тебя убью, гада, за твою относительность. Я спасу мир. Все останется по-прежнему.

АРХИМЕД. Я тебя раньше… (*Ударяет Воина по морде*.) Тебя, наемную скотину, пришедшую завоевать мой родной город. Тебя, врага моей родины, для защиты которой я сделал свою адскую машину. Сколько тебе платят, скотина?.. Небось, получаешь за каждого убитого сиракузца в отдельности?! (*Дает пинка Воину*.)

ВОИН. А ты как думал?

АРХИМЕД. Ну так приготовься к смерти. Долго же я ждал этой минуты. (*Допивает из кувшина остатки вина*.)

Пауза. Воин вдруг понимает, что Архимед всерьез намерен его убить.

ВОИН. Ты пьян. Что ты хочешь сделать?

АРХИМЕД. ААУЫЫАООАА! (*Берет с земли булыжник*.)

ВОИН. Ты сошел с ума. Это же мой звучочек!.. Брось

камень на землю.

АРХИМЕД. В тебя! Только в тебя!

ВОИН *(падает на колени)*. Подождите, господин Архимед. Не убивайте меня. В конце концов надо разобраться. У нас же очень много общего – у обоих несчастное детство и плохие военачальники… Мы оба интеллигентные люди, одинаково относимся к вопросам искусства… Что нас разделяет?.. Что?.. Я даже смеялся над вашим анекдотом!.. Мы способны понять друг друга, когда оба этого хотим. Ну почему нам обязательно быть врагами?.. Пусть я маленький, ничтожный человечек, но я хотел вас убить из чисто доброго к вам отношения. Я желал вам лучшего! Я хотел сделать вашу жизнь прекрасной в конце, чтобы никто другой не смог причинить вам боль, не смог юродствовать над вашим трупом. Нет!.. Мы не убийцы!.. Мы оба жертвы друг друга!.. (*Нечаянно наступает на песок.*)

АРХИМЕД. АУУЫЫЫОАААА! (*Замахивается на Воина.*)

ВОИН. Что ты сказал?.. не понимаю!

АРХИМЕД. Не трогай моих чертежей!

В ту же секунду Воин усилием воли, не обращая внимания на невероятную боль, вырывает из себя стрелу и коротким коварным движением всаживает ее в горло Архимеда. Кровь.

Ты спрашивал, что такое смерть?.. Вот она. Теперь я знаю лучше. На тело, опущенное в жидкость, действует сила, сила… сила, равная… равная… Смерть – это дважды два. Это

корень из шестнадцати. (*Умирает.*)

И долго, пока не закрылся занавес, Воин с остервенением нашкодившей кошки топчет песок, стирая с него навеки формулы и чертежи.

КОНЕЦ



Гравюра с картины Гюстава Куртуа



Гравюра с картины Эдуарда Вимонта

Красный уголок

Комедия в 1-м действии
1983

Действующие лица:

ЛИКА ФЕДОРОВНА – воспитательница в рабочем общежитии

САРУХАНОВА – рабочая

Красный уголок в рабочем общежитии. На стенах – агитплакаты, грамоты, портреты советских вождей. Идет ремонт. Ведра с краской, пол покрыт газетами, лестница-стремянка, стол…

Входит Лика Федоровна В руках у нее бутылка с недопитой водкой. Включает магнитофон. Звучит песня А. Пахмутовой «Птица счастья». Лика Федоровна прячет бутылку, расставляет стулья. Стук в дверь. Лика Федоровна выключает магнитофон. Появляется Саруха-нова. Она в халате, домашние тапки на босу ногу. Вид заспанный, волосы спутаны…

САРУХАНОВА. Вызывали?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Садись, Саруханова!

САРУХАНОВА *(делает пару шагов, но, теряя равнове-*

сие, ухватывается за рядом стоящий стул). Пос-сс-стою.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я сказала садись, значит, садись.

Саруханова, медленно покачиваясь, подходит к столу, с шумом придвигает стул. Садится.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Опять?

САРУХАНОВА. Что?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Между прочим, ты в общежитии живешь.

САРУХАНОВА. Ну, живу.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А как ты живешь?

САРУХАНОВА. Как?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот именно – как?

САРУХАНОВА. Ну и чего?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А то, что будь любезна подчиняться правилам нашего общежития.

САРУХАНОВА. А я что – не подчиняюсь?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Саруханова! Я с тобой буду сегодня серьезно разговаривать!

САРУХАНОВА. Разговаривайте!

Пауза.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ты пьешь, Саруханова, ты каждый день пьешь.

САРУХАНОВА. Все? *(Пытается встать.)*

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Нет. Объясни свое поведение.

САРУХАНОВА. Я, что, нарушаю? Я кого-нибудь трогаю?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это не объяснение.

САРУХАНОВА. Ну и пусть. Я, по-моему, никому не мешаю.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Правильно, Саруханова, ты никому не мешаешь, но ты мешаешь себе. Потому что пьешь, теряешь свой моральный облик…

САРУХАНОВА. Ничего я не теряю.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ты пьешь, Саруханова. Ты пьешь. Как мужик. Узнаешь? *(Ставит на стол бутылку с недопитой водкой.)* Вещественное доказательство. Так вот, ты приходишь с работы, выпиваешь то, что у тебя в тумбочке хранится, и спать ложишься. И так каждый день. Я тебя спрашиваю: так?

САРУХАНОВА. А кому какое дело?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Саруханова! Ты в общежитии живешь!

САРУХАНОВА. Ну, живу. Ну и что?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А то. Ты не одна тут.

САРУХАНОВА. Я что, кого-нибудь трогаю?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Не хватало, чтобы ты еще кого-нибудь здесь тронула!

САРУХАНОВА. Я к кому-нибудь пристаю? Я стекла бью или песни по ночам горланю?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Нет, стекла ты не бьешь, но вести себя ты не умеешь!

САРУХАНОВА. Докажите! У вас данных нет!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я ничего тебе не собираюсь доказывать! Это ты мне должна…

САРУХАНОВА. Ничего я не должна!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Должна-должна! И не спорь со мной, потому что спорить со мной бесполезно. Порядочные люди себя так не ведут.

САРУХАНОВА. А я что, непорядочная?

Лика Федоровна что-то ищет в своей сумочке, в карманах своего пальто.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Слушай, а ты куришь?

САРУХАНОВА *(с вызовом)*. Не курю!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Да я не о том. У тебя спички есть?

Саруханова шарит по карманам, находит спички. Кидает их на стол Лике Федоровне. Та ковыряет в зубах. Пауза.

ЛИКА ФЕДОРОВНА *(придвигаясь)*. Слушай, давай поговорим по-хорошему, по-человечески. Только по-быстрому.

САРУХАНОВА. Говорить не о чем.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Есть о чем. О твоем поведении.

САРУХАНОВА. Ну, говорите!.. Я слушаю.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это я тебя хочу послушать.

САРУХАНОВА. Слушайте! (*Зажигает спичку и пристально глядит на огонь*).

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну, я слушаю, что ты молчишь-то?

САРУХАНОВА. Я не знаю, что вас интересует.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Все интересует. Все. Вся твоя, Саруханова, жизнь.

САРУХАНОВА. Всю мою Саруханову жизнь вы и так знаете.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Да. Знаю… Я все о тебе знаю. Кроме…

САРУХАНОВА. Кроме чего?

ЛИКА ФЕДОРОВНА (*понизив голос*). Я хочу, чтобы ты мне доверилась. Я обещаю, что это останется между нами…

САРУХАНОВА. Что «это»?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А то.

САРУХАНОВА. Что «то»?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. То самое…

САРУХАНОВА. Что?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я понимаю, что это может быть интимное, не мое дело вмешиваться… Но бывает, надо вмешаться! Чтобы человеку помочь!

САРУХАНОВА. Мне не надо.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А почему ты пьешь? Скажи мне причину!

САРУХАНОВА. Да нету никакой причины!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Есть.

САРУХАНОВА. Какая?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это ты мне объяснишь. Только по-быстрому.

САРУХАНОВА. Ничего я не буду объяснять!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ты мне просто не доверяешь, Саруханова. А нужно, чтобы доверяла. Тебе же это нужно.

САРУХАНОВА. Мне лично от вас ничего не нужно!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Хорошо. Это мне нужно. Но тебе нужнее.

САРУХАНОВА. Я что, исповедоваться перед вами должна?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Если хочешь, да! Именно исповедоваться!

САРУХАНОВА. Не хочу!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Твоя ошибка!

САРУХАНОВА. Ну и пусть!

Пауза.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Только начали с тобой говорить, а я уже устала от тебя! У меня голова от тебя болит!

САРУХАНОВА. Болит – не говорите! Я вас не заставляю.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Почему ты мне грубишь?

САРУХАНОВА. А что я такого сказала?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ты мне ничего не сказала, Саруханова! Ты пьешь и не говоришь, почему!

САРУХАНОВА. А если я скажу почему, что изменится?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А ты попробуй, скажи!

САРУХАНОВА. Что?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Почему ты пьешь?

Пауза.

САРУХАНОВА. Хочется.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Все?

САРУХАНОВА. Все.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это не объяснение!

САРУХАНОВА. Вы меня спрашиваете – я объясняю.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ты мне не все говоришь.

САРУХАНОВА. А больше я ничего не могу прибавить! Вообще, если вам не нравится, что я говорю, не надо меня спрашивать!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Хватит! А с меня спрашивают, ты что, этого не знаешь, что ли? Я здесь за все отвечаю, за всех вас! Я тебя предупреждаю: пока все честно мне не расскажешь, отсюда не уйдешь! А если хочется, к мамочке своей давай поезжай, там перед ней выкаблучивайся. Хочется ей! Мало ли что кому хочется! Мне, может, тоже хочется!

САРУХАНОВА. Что?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Что?

САРУХАНОВА. Хочется вам что?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Саруханова! Ты со мной так не разговаривай! Мы с тобой цацкаться не будем. Ты учти, мы тебе…

САРУХАНОВА. Кто это «мы»?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Мы – это общежитие. Мы не дадим… Мы тебе…

САРУХАНОВА. Да пошли вы все!

Саруханова встает и неровной походкой направляется к двери. Лика Федоровна бежит за ней, грубо разворачивает Саруханову, та падает на пол.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я тебе сказала, ты отсюда так просто не уйдешь!

САРУХАНОВА *(встает и надвигается на воспитательницу, делает неожиданный резкий выпад).* А я и не ухожу.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А ты меня не пугай!

САРУХАНОВА. А я вас и не пугаю.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот так!

Пауза.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Мы с тобой если начали разговор, то доведем его до конца. Понятно?

САРУХАНОВА. Мне-то все понятно, что вам что-то непонятно.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ты нас позоришь, Саруханова. Ты облик человеческий теряешь. Ну-ка, протяни руки! Зажмурь глаза. Зажмурь, зажмурь, ну!

САРУХАНОВА. И что будет?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Увидишь!

САРУХАНОВА. Что же я увижу?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Не задавай дурацких вопросов. Делай, что говорят.

Саруханова закрывает глаза. Протягивает руки.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Трясутся.

САРУХАНОВА. Кто?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Руки твои трясутся! Ты подумай! Уже трясутся.

САРУХАНОВА. Ну и что?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Следствие хронического алкоголизма.

САРУХАНОВА. Теперь вы руки протяните и глаза закройте.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Зачем?

САРУХАНОВА. Ну, пожалуйста, я прошу!

Лика Федоровна вытягивает перед собой руки.

САРУХАНОВА. У вас тоже.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Что?

САРУХАНОВА. Дрожат.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот! У меня дрожат, а у тебя – трясутся. Разница есть?

САРУХАНОВА. Какая же?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Такая! Дрожать они могут, а трястись не должны! И ты со мной не спорь, Саруханова! Со мной бесполезно спорить! А будешь спорить, я твоим родителям напишу!

САРУХАНОВА. Пишите!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я им все твое поведение опишу. Все твои московские гастроли!

САРУХАНОВА. Пишите!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Саруханова, в твоей анкете, в

графе про родителей ничего не написано. Почему? У тебя кто родители?

САРУХАНОВА. Мать умерла, отец в тюрьме.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Так. Прости, я этого не знала. Но это не основание, чтобы ты пребывала в пессимизме! За что отец сидит?

САРУХАНОВА. Да там…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. За что? За дело, небось?

САРУХАНОВА. Ну…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Тем более. Ты за него не волнуйся. Ты за себя переживай. Он небось сидит там и за тебя не переживает… Небось и знать не знает, какая у него дочь, что она и где. А ты… Ты умная девушка!

САРУХАНОВА. Я не девушка.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну, женщина. Ты должна понять, что при таком поведении ты в Москве просто пропадешь. У тебя не будет никакой пе-респективы!

САРУХАНОВА. Чего?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Пе-ре-спек-тивы (*в сторону),* село!

САРУХАНОВА. Ну, мне, к примеру, и без вашей перспективы хорошо.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Нет, тебе не хорошо, я же вижу.

САРУХАНОВА *(с вызовом*). У меня все хорошо. Ясно?

Пауза.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ясно. А что ты тогда в песси-

мизме? Ты молодая девушка… Ну, человек… молодая… то есть, молодой. У тебя депрессия… временная. Она пройдет, и все будет по-другому.

САРУХАНОВА. Как?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Прекрасно!

САРУХАНОВА. Вашими устами, Лика Федоровна, да мед пить!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Мед! А ты что пьешь? Ты другое пьешь! А пьешь, потому что не веришь в себя! А ты поверь! Поверь по-настоящему! Знаешь, жизнь, – она как зебра. Черная полоса сменяется светлой, светлая – темной. Но светлых полосок, уверяю тебя, гораздо больше!

САРУХАНОВА. У зебры, может, и больше.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Хватит, Саруханова. Ты не должна опускать крылья!

САРУХАНОВА. Я их не опускаю и не подымаю.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Почему ты так говоришь?

САРУХАНОВА. Потому что крыльев у меня отродясь не было.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я тебе запрещаю так говорить! И даже думать тебе так запрещаю!

САРУХАНОВА. Ну, от этого они у меня не вырастут.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. У таких, как ты, никогда не вырастут, потому что нужно идти по жизни с гордо поднятой головой и с открытым забралом. Ну, попробуй, подними голову и открой забрало…

САРУХАНОВА (*смеется*). Это как?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это… внутреннее состояние.

САРУХАНОВА. А, внутреннее…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я в переносном смысле говорю.

САРУХАНОВА. Да, в переносном.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. На меня смотри, Саруханова. И все будет хорошо. Вот я – как бы трудно мне в жизни не было, я подняла голову, открыла забрало – и у меня все прекрасно! А что ты смеешься? Ты со мной не согласна?

САРУХАНОВА. Согласна.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Тогда почему ты смеешься?

САРУХАНОВА. Потому что согласна.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Если согласна, тогда не надо смеяться. Так всю жизнь и просмеешься.

САРУХАНОВА. А чем плохо?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А тем. *(Пауза. Лика Федоровна заваривает чай. Саруханова подходит к столу. Лика Федоровна отливает ей чай в свободный стакан. Саруханова берет со стола сахар, высыпает себе в стакан большую часть, остатки высыпает в стакан воспитательницы.)*

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это соль, Саруханова! А заварки у меня больше нет!

Пауза. Лика Федоровна выливает содержимое стаканов в ведро.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот кончится твой лимит, кем ты будешь?

САРУХАНОВА. Дворником!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот те раз! Чтобы только в Москве остаться? Прописку получить?

САРУХАНОВА. Да при чем тут прописка?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Что? Прописку тебе и на заводе дадут. Только останься по лимиту на второй срок.

САРУХАНОВА. Не останусь! Я уже третий срок.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Так. Значит, бросишь завод? Родной завод?

САРУХАНОВА. Родной!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ты катишься по наклонной плоскости! Пойми, Москве нужны рабочие руки, очень нужны. Потому что наша столица – это огромный индустриальный центр мира… И десятки, может быть, сотни людей работают здесь по лимиту… Ты мне веришь? Верь мне, Саруха-нова, я же не враг твой, а друг. А другу надо верить. Вот Михаил Сергеевич чему нас учит?

САРУХАНОВА. Учиться, учиться и еще раз учиться…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Он нас учит трезвиться, трезвиться и еще раз трезвиться! Так вот, Москва – это мощный индустриальный центр… Сколько здесь людей, которые каждое утро идут через проходные!.. И многим из них необходимо общежитие! Сколько новых общежитий построено! Сколько судеб! Сколько индивидуальностей! Сегодня за каждым квалифицированным рабочим стоит личность, индивидуальность. И мы не должны об этом забывать, никогда,

ни при каких обстоятельствах!

САРУХАНОВА. Может, я спать пойду?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я вообще-то о тебе говорю!

САРУХАНОВА. Да не обо мне. Я не кавалифицированная.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Так получи квалификацию. Это разве трудно? Тебе завод двери открыл, тебе завод предоставил возможность!

САРУХАНОВА. Да не нужно заводу, чтобы я была квадралифициро-ванная. С квалификацией много у нас, а простые операции делать – рук не хватает. Это вы понимаете?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Понимаю. На большом производстве необходимы как квалифицированные рабочие, так и подсобные…

САРУХАНОВА. А я не подсобная. Я у пресса стою.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А я бывала в прессовом. Ты, наверное, уже привыкла и не обращаешь внимания. А на человека, попавшего в прессовый в первый раз, все, что там, производит колоссальное впечатление. Этот огонь… Эти громоподобные молоты, которые обрушиваются на болванки и одним ударом сплющивают их… Придают деталям нужные формы… Это здорово! Честное слово, это производит впечатление!

САРУХАНОВА. Ну да. А если каждый день?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Понимаю. Жара и грохот. Грохот и жара. Но есть же и масштаб самого современного произ-

водства, и ощущение причастности…

САРУХАНОВА. Да не современное оно, производство наше! Все оборудование устарело и его менять будут!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Скоро?

САРУХАНОВА. Ага. В будущей пятилетке.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Во-о-от. Это значит, что прогресс есть! Что научно-техническая революция…

САРУХАНОВА. Это значит, что в будущей пятилетке я заводу буду не нужна. Будет автоматика, а пока я, понимаете, я, работаю вместо автомата! Это вы понимаете?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Понимаю…

САРУХАНОВА. Да ни хрена ты не понимаешь! Вот прихожу я со смены…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. И выпиваю бутылку! Да? Да?!

САРУХАНОВА. Полбутылки. И спать ложусь. Потому как устала я!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Да, у тебя тяжелый труд, и потому ты хорошо зарабатываешь. Это я знаю. Это все на заводе знают. Но тебе же помочь хотят. Оставайся на заводе, закрепись. Здесь твое будущее. Здесь твоя семья…

САРУХАНОВА. Семья? Какая семья?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну, я в переносном смысле.

САРУХАНОВА. Ах, в переносном!

ЛИКА ФЕДОРОВНА *(решительно)*. А, может, и не в переносном! Кто знает?! Завод наш не только план перевыполняет, но и делает людей счастливыми. Это как бы сверх пла-

на! Ты хоть знаешь, что при заводе втуз открыли? Люди об институте мечтают. А ты… Чем плохо – поступить во втуз, получить высшее образование… Делайся человеком, Саруха-нова! Отправляйся в полет! Расправь крылья и отправляйся! Но ты не хочешь. Вот ты, что ты хочешь?

САРУХАНОВА. Спать хочу!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну вот, дурацкое дело не хитрое.

САРУХАНОВА. Да! Я вот пришла сегодня со смены и заснула… Полбутылки сожрала и заснула. А девчонки меня разбудили: «Тебя Лика Федоровна вызывает». А кто меня спросил, хочу я к вам на разговор идти или не хочу… Личность!.. Индивидуальность!.. А моя личность после смены спать хочет. Спать – и только! Вы меня разбудили, а мне завтра в шесть вскакивать и к семи через весь город на трех видах транспорта переть…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ох, Саруханова! Зря ты так со мной… Я ведь по-хорошему хочу, по-человечески.

САРУХАНОВА. Если бы хотели по человечески, то не стали бы будить спящего рабочего человека.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну хорошо, хорошо. Рабочий человек, рабочий человек… Чуть что – сразу рабочий. Палочку-выручалочку нашли… А рабочие сегодня разные бывают. Один – герой труда, личность гармоническая, в разговорах академика за пояс заткнет. А другой – в том же цеху работает, на том же заводе, станки рядом стоят – из вытрезвителя не вылезает. И в кювете валяется. Почему? Вот кто мне

скажет, почему?

САРУХАНОВА. Ну я пока что в кювете…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот именно – «пока что»! *(грозно)* В профилакторий захотела? Могу устроить, могу посодействовать… Хочешь? У нас при заводе открыли. Да, да! И втуз открыли, и профилакторий…

САРУХАНОВА. Вы меня не пугайте, я пуганая!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну и кто же тебя напугал?

САРУХАНОВА. А вам все обязательно знать надо.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Пойми, Саруханова, если кто-то тебя обидел или обманул… Мы ж его, сукиного сына, так прижмем, что ему деваться некуда будет! Сразу на тебе женим!

САРУХАНОВА. Сразу?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Возьмем под локти, и в ЗАГС. Ты только фамилию назови.

САРУХАНОВА *(придвигается)*. Только фамилию?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Коллектив – сила. И ты ею не пренебрегай! Мы его живо на чистую воду выведем!

САРУХАНОВА. И под локти?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А что? Не веришь, что можем? А я… А мы… Мы знаешь какую штуку тут провернули! Невеста на шестом месяце ходила, а жених, черт такой, все увиливал, пока мы им… комсомольскую свадьбу не предложили! Завалили их подарками, голубчиков, и все! Им деваться некуда! Думаешь, развелись? Как же! Живут уже год, лю-

бо-дорого глядеть. И ребеночек толстый. Вот такой. Мордатенький!

САРУХАНОВА. Здорово у вас получилось.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это жизнь, Саруханова, а в жизни все бывает, все. Потому твоя судьба меня беспокоит! Я давно слежу за тобой… Помню, как ты приехала… Первый твой день в Москве помню. Ты все за нос платком держалась… Это с чего? Кровь, что ли, у тебя носом шла?

САРУХАНОВА. Ну, кровь.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Без «ну». Шла?

САРУХАНОВА. Ну, шла.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А потом?

САРУХАНОВА. Шла-шла и перестала.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ты вроде не слабенькая. Я тогда в твою медкарту заглянула: все вроде у тебя нормально – давление 120 на 80. Как у космонавта. Сердце в порядке, щеки пышут – здоровая, в общем, баба, как все деревенские… И поди ж ты – кровь из носу ручьем! Это что такое? Ты в Москве что, ни разу до того не была?

САРУХАНОВА. Не было такого счастья.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Значит, в первый раз тогда приехала? Ну да, это бывает с лимитчицами… Приезжают в Москву и сразу обалдевают, прямо с вокзальной площади… Шок! И кровь из носу, головокружение…

САРУХАНОВА. Не было у меня головокружения.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А ты гордая. Быстро к Москве

привыкла?

САРУХАНОВА. Не быстро.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А как? Медленно?

САРУХАНОВА. Не медленно.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну а как? Как?

САРУХАНОВА. Нормально.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну ладно, не хочешь говорить – не говори, тебя никто не заставляет. В конце концов, это дело твое… Действительно личное… Очень мне надо из тебя вытягивать… Все равно я вам больше нужна, чем вы мне… Я вам всем и мамка, и нянька, и кто хочешь… Одна приходит и просит джинсы продать, ей велики. Что делать. Бегала по этажам, продавала! Другая спрашивает, что было на последнем съезде партии. Ей завтра политинформацию делать у себя в бригаде, а она не знает. Для нее съезды только на сборе урожая и были. Третья капнула на единственное платье чернилами и плачет, не в чем на свидание идти. Спрашивается, как она могла его закапать? Оказывается, письмо своему солдатику писала. Пришлось ей свое отдать – ни разу не надеванное, новое!

САРУХАНОВА. Это вы зря.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. И лифчик впридачу французский…

САРУХАНОВА. О-о-о, это вы тем более зря…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Да она как увидела – Лика Федоровна, дайте поносить, дайте поносить… Дала… Черный

такой, «Анжелика»… о-хо-хо… Каких советов только я не давала! Сколько слез ваших девичьих в мою жилетку выплакано. Многие своей жизни без меня представить не могут.

САРУХАНОВА. Многие, да не я.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Да, Саруханова, вот ты ко мне ни разу не приходила. А почему? Почему?

САРУХАНОВА. Незачем было. У меня размер другой.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Не в размере дело! Всем есть зачем, а ей незачем. Да приди ко мне, попроси, что тебе нужно. Я ведь все для тебя сделаю. Последнюю рубашку с себя сниму. Мне ничего для вас не жалко. Скажи мне, Саруханова, что тебе надо?

САРУХАНОВА. Ничего мне от вас не надо.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Заладила «незачем», «не надо», «размер другой». Ну как к тебе пробиться, Саруханова? Я ведь тебе добра желаю. Понимаешь ты это? «Не надо!» А если надо? Есть такое слово «на-до»! Ты о нем слышала вообще?

САРУХАНОВА. Ну слыхала…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Слыхала! Вон я в прошлом году организовала женский шахматный турнир. Потому что надо было! Надо! И сама в нем участвовала, хотя играть не умею.

САРУХАНОВА. Я и не сомневалась.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А я предпоследнее место заняла, между прочим. И горжусь, что не последнее!

САРУХАНОВА. Последнее я заняла.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Как так?

САРУХАНОВА. За то, что не участвовала.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Во-от! Ты всегда особняком держалась! (*Раскрыв тетрадку, листая странички*). Вот! В музей ты с нами не ходила… В Гра-новитую палату не ходила… И в парк… Ты даже на Пугачеву с нами не ходила!

САРУХАНОВА (*поет*). Ах, Арлекино, Арлекино! Нужно быть смешным для всех! Арлекино, Арлекино! Есть одна награда – смех! Охохо-хо-хо-охохо-хо!

ЛИКА ФЕДОРОВНА *(ждет, когда Саруханова закончит петь).* Ты хоть в новом цирке была?

САРУХАНОВА. Нет.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Во-о-от… А ведь в Москву приехала! Ты хоть знаешь, что новый Московский цирк на Вернадского – крупнейший в Европе?! Жуть.

Саруханова в это время вынимает рулон туалетной бумаги, отрывает две полоски и старательно сворачивает их, затем вставляет в уши «заглушки».

ЛИКА ФЕДОРОВНА (*замечая это и выдергивая из ушей Саруханової «заглушки»*). Саруханова! Я все равно достучусь до тебя! Я все равно до тебя докричусь, ты хоть наушники надень! А ты мне потом еще спасибо скажешь! Все! Хватит! *(Листает тетрадку, хватает ручку.*) В следующую субботу поедешь в Таллин поездом здоровья.

САРУХАНОВА. Чего?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я тебя записываю. Билет – скид-

ка на 50 %. За полцены увидишь мир.

САРУХАНОВА. Не поеду я никуда.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Почему?

САРУХАНОВА. Не хочу.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А чем плохо? Что тебя не устраивает?

САРУХАНОВА. А чего хорошего в этом поезде здоровья? Приедут в город на два дня, и что? По магазинам с утра до ночи шастают, высунув язык. «Поезд здоровья»! Возвращаются и барахлом торгуют… Здоровье! В узлах и чемоданах!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Неправда. Там экскурсия в старый город, в парк Кадриорг, в краеведческий музей, потом…

САРУХАНОВА. Да не хочу я в Таллин на экскурсию со скидкой в краеведческий музей поездом здоровья, как вы не понимаете? Не хочу мир за полцены!

Пауза.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ладно. Тогда в воскресенье давай сделаем вылазку Балашиха-Купавна. Я с тобой пойду. Лично!

САРУХАНОВА. Какую еще вылазку?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Групповую, пешеходную. С облегченным маршрутом.

САРУХАНОВА. Это что такое?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это с компасом вдоль шоссе. Потом через лес к Бисерову озеру.

САРУХАНОВА. И что делаем, когда до озера доходим?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Сидим.

САРУХАНОВА. Где?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. На берегу.

САРУХАНОВА. И что делаем?

ЛИКА ФЕДОРОВНА *(смутившись, но не сдавая позиций*). Гуляем!

САРУХАНОВА. Понятно. Уже без компаса?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ох, Саруханова, ничто тебя не интересует, не увлекает. Ты хоть в библиотеке записана? Хоть одну книгу в руках держала?

САРУХАНОВА. Больше вас.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот как? И что же ты читала?

САРУХАНОВА. Я все читала.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ишь ты, какая читающая! Все! А что все, что?

САРУХАНОВА. Что мне надо, и точка.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Нет, ты поконкретней давай… Вот что ты конкретно прочитала за последний месяц?

САРУХАНОВА. Отстаньте вы от меня!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Нет, ты скажи, скажи… Хотя бы одно название!

САРУХАНОВА. Много названий.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А конкретней?

САРУХАНОВА. Спать хочу.

Пауза.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это что за сборник? Стихи? А, это ты у Толстого… Нет, «Спать хочу» – такого названия у книги быть не может.

Пауза.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Саруханова, не смотри в одну точку! Слышишь?

САРУХАНОВА. Куда смотреть?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А на меня смотри.

САРУХАНОВА. Ну?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Мой нос видишь?

САРУХАНОВА. Ну, вижу.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Без «ну». Так вот, Саруханова, это не мой нос.

САРУХАНОВА. Как это не ваш?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. У меня нос картошкой. Да, картошкой, представь себе! Был…

САРУХАНОВА. Что-то с трудом…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это потому, что я от своего носа отказалась. Мне картошкой не нравилось. Хотя родилась и многие годы носила картошкой…

Лика Федоровна достает из сумки маленькую фотографию и показывает ее Саруха новой. Та смеется.

САРУХАНОВА. Вижу. Вот шнобель-то!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Так вот. Как это называется?

САРУХАНОВА. Картошка!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это называется «воля к жизни»,

«тяга к красоте»… Это «безвыходных положений не бывает» – вот как это называется! Человек, если захочет, может над собой любой опыт совершить. Нужно только захотеть. Вот ты и захоти! Почему ты не хочешь?

САРУХАНОВА. Да мне что, тоже нос поменять, что ли?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Да не нос, а образ жизни! Тебе надо проявить то, чего тебе не хватает!

САРУХАНОВА. Мне всего хватает.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Не говори так, Саруханова, не говори…

САРУХАНОВА. Да не хочу я…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Не говори так, Саруханова, не говори!

САРУХАНОВА. Не хочу я опыты на себе совершать, не хочу никаких пластических операций. Не хочу! Не хочу! Не хочу!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А ты захоти! Захоти! Захоти! Я тебе помогу! Надо очень сильно захотеть!

САРУХАНОВА. Хочу захотеть, а не хочется!!!

Пауза.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я не представляю, Саруханова, как ты живешь. Не представляю.

Пауза.

Слушай, Саруханова, а как ты живешь?

САРУХАНОВА. Как живу? Да никак не живу.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А подробней.

САРУХАНОВА. Жизни нет.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А что же у тебя вместо этой самой жизни?

САРУХАНОВА. Что?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Что?

САРУХАНОВА. А вот кроссовки на прошлой неделе купила.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. И что?

САРУХАНОВА. И все.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. За прошлую неделю больше никаких событий?

САРУХАНОВА. Никаких.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Не может такого быть! Я тебе не верю! Давай мне подробности.

САРУХАНОВА. А нету в моей жизни подробностей.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Не может такого быть! Ты мне только что сказала, что купила кроссовки… Ты купила кроссовки?

САРУХАНОВА. Ну, купила…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Без «ну». Для чего ты их купила?

САРУХАНОВА. Как для чего? Носить…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Носить вещи можно по-разному. Ты как носишь?

САРУХАНОВА. Не знаю, как. Одеваю и ношу.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Неправильно! Вот и неправильно!

САРУХАНОВА. А как надо?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вещи, голубушка, надо затем покупать и для того носить, чтоб быть красивой, чтоб чувствовать себя женщиной. Новой, свежей… Ты чувствовала себя красивой, когда кроссовки мерила, или не чувствовала?

САРУХАНОВА. Чувствовала. А домой пришла – другое почувствовала.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Что?

САРУХАНОВА. Жмут.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Жмут – поменяй или продай. Хочешь, я помогу?

САРУХАНОВА. А я их уже три раза одела и разносила. И они мне уже не жмут.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Так это значит…

САРУХАНОВА. Что?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это значит, что… Ну? Ты купила кроссовки, они тебе жали, ты их разносила, и они тебе больше не жмут. Это значит… Ну?! Это значит, что…

САРУХАНОВА. Что их можно носить?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну, допустим! А это, в свою очередь, значит, что… Ну соображай, Саруханова!

САРУХАНОВА. Да не знаю я!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ох! Это значит, что ты стала красивой, ты стала новой, ты стала выше…

САРУХАНОВА. Не, выше я не стала. Они ж без каблуков…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Да я в переносном смысле!

САРУХАНОВА. А, в переносном!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Не важно, что без каблуков! Это не важно, поверь! Ты купила кроссовки. Так порадуйся!

САРУХАНОВА. Я радуюсь.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Чему?

САРУХАНОВА. Тому, что не жмут.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Опять неправильно. Ты должна радоваться покупкам, которые украшают твою жизнь, делают ее, как бы это сказать, веселее, что ли. Конечно, это мелочи, Саруханова, но вся наша жизнь, вся наша огромная жизнь как раз и состоит из этих маленьких…

САРУХАНОВА. Кроссовок?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Подробностей, Саруханова, подробностей. И надо уметь извлекать из всего то, что тебе нужно.

САРУХАНОВА. А что нужно?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Нужно оберегать себя от излишних отрицательных эмоций. Прежде, чем что-либо сделать, надо подумать: а что это мне даст – положительную эмоцию или отрицательную?

САРУХАНОВА. А я знаете о чем думаю, когда в магазин иду?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. О чем?

САРУХАНОВА. Сколько часов я в очереди простою.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну и что? И в очереди можно

с разным настроением стоять. Я себя, например, приучила только с хорошим настроением стоять. Стоишь и думаешь: хватит – хорошо. А не хватит – еще лучше. Значит, кому-то другому хватило! Это же радость! Это же и есть счастье, когда не только тебе, но и другим хорошо!

САРУХАНОВА. А если тебе нехорошо?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Встань в другую очередь! Будь первой, и тебе тоже достанется!

САРУХАНОВА. Да не хочу я в очереди стоять ни единой минуты, не то что часов!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Не хочешь – не стой. Тоже прекрасный вариант! Все ждут чего-то, мучаются, а ты – в порядке. У тебя никаких мучений – сплошные положительные эмоции. Знаешь, как это по-научному называется? Аутогенная…

САРУХАНОВА. Сварка!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Тренировка! Тебе надо попробовать. Даешь себе сигнал: «Все прекрасно». И через пять минут все действительно становится прекрасно.

Пауза.

САРУХАНОВА. А я, между прочим, так и делаю…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Как?

САРУХАНОВА. Прихожу домой, наливаю в стакан сигнал – и все прекрасно!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Саруханова, я тебе объясняю научный метод, а ты…

САРУХАНОВА. Ну что я, что-о?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. В стакан наливаешь!

САРУХАНОВА. А иногда даже и не наливаю, иногда прямо из горла…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Прекрати, прекрати сейчас же, Саруханова!

САРУХАНОВА. Прекратила, Лика Федоровна! Вот вы тут со мной по-научному поговорили, я сразу и прекратила.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А ты прекратишь, моя милая, прекратишь… Вот увидишь!

САРУХАНОВА. Я уже увидела.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Что ты увидела?

САРУХАНОВА. Все.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Что все?

САРУХАНОВА. Ничего.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Тогда помолчи.

САРУХАНОВА. Могу и помолчать, но вы же сами просите меня говорить.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Хватит, я уже устала от тебя и не хочу тебя слушать.

САРУХАНОВА. А я хочу?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Не хочешь, не слушай.

САРУХАНОВА. Я спать хочу.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Единственное, что ты хочешь.

САРУХАНОВА. Единственное… да!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот и помолчи.

САРУХАНОВА. Могу и помолчать.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот и помолчи.

САРУХАНОВА. Молчу, молчу.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот так.

САРУХАНОВА. Вот так.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот и все.

Пауза.

САРУХАНОВА. Ну и все.

Пауза.

Воспитательнице приходит новая идея. Она быстро встает.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Саруханова, ну-ка встань, встань! Выпрямись, ты же у нас женщина! Давай-давай! И крикни что-нибудь хором! Крикни, крикни, я разрешаю.

САРУХАНОВА. Как это хором?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. В смысле… Вместе со мной. Давай… Знаешь, что крикнем… *(вспоминает подходящий текст).* А, вот, слушай, Саруханова, и запоминай:

По тропинке узкой горной Вместе с песенкой задорной Мы с тобой идем в поход!

За горой нас солнце ждет!

САРУХАНОВА. Зачем?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Что зачем? Я тебя в агитбригаду хочу определить. Там необходимо чувство ритма и умение кричать хором.

САРУХАНОВА. Зачем?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Тебе делом надо заняться. Самодеятельность – очень хорошее средство.

САРУХАНОВА. Против алкоголизма?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Перестань, Саруханова. В агитбригаде веселое, боевое настроение. Дух молодости и бодрости. Тебе этого как раз не хватает… Ну, давай, вместе крикнем!

Лика Федоровна отбивает ритм, приподнято начинает, не забывая подсказывать Саруxановой текст.

ЛИКА ФЕДОРОВНА.

По тропинке узкой горной
Вместе с песенкой задорной
Мы с тобой идем в поход!
За горой нас…

САРУХАНОВА *(смеется)*. Чего-то там ждет!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ты бездарна, Саруханова. Даже в агитбригаду не годишься. Плакать надо, а ты смеешься!

САРУХАНОВА. Я в поход не хочу, а спеть – пожалуйста!

ЛИКА ФЕДОРОВНА *(оживляясь).* Правда?

САРУХАНОВА. Ну.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Так давай!

САРУХАНОВА. Прямо сейчас, что ли?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А чего медлить-то? Ты не стесняйся, давай!

САРУХАНОВА. Ну ладно, сами напросились… *(подхо-*

дит к стулу и отбивает на его сиденье ритм руками, как на барабане. Поет протяжно, подыгрывая себе):

Я иду по росе,
Я в ней ноги мочу,
Я такая, как все
Я е … ться хочу!
О-опа!

(Смотрит на воспитательницу.)

Пауза.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну наконец-то я узнала, чего ты хочешь! *(Вдруг начинает смеяться.)* Слушай, Саруханова, а давай мы тебя в консерваторию определим, а? Ну а что? От завода скорее примут!

САРУХАНОВА. На барабанный факультет?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Зачем на барабанный? Может, арфу освоишь?

САРУХАНОВА. Это такая, по которой пальцами перебирать?..

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ага. Саруханова, представляешь, выходишь ты – вся в белом и с арфой под мышкой!

САРУХАНОВА *(подыгрывая).* Здорово!

ЛИКА ФЕДОРОВНА *(оглядывая Саруханову).* Нет, лучше флейту освой.

САРУХАНОВА. Это попроще?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Да. Есть, знаешь, флейта – спе-

циально для тебя. Пикколо называется.

САРУХАНОВА. Во, во… Как раз для меня… Вернусь на завод и в прессовом своем на флейте буду… Пикколо-сикка-ло-миккало-каккало… Ой, умру… *(Хохочет, имитируя игру на флейте Пикколо.)*

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Саруханова, не надо сдаваться. Надо чувствовать себя женщиной. Ты хоть знаешь, что такое женщина?

САРУХАНОВА. Догадываюсь.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Женщина – это не мужчина!

САРУХАНОВА. Ну? А я-то думала…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А ты не думай! Ты на деле докажи, кто ты есть. В теории мы все сильны. А на практике – на какую бабу ни посмотришь – мужик. То есть живет и вкалывает, как мужик. Да ты возьми любой наш вечер здесь в общежитии… А, ты ведь никогда не ходишь… Так вот, кто здесь стенки подпирает? Девки да бабы наши заводские. Я им магнитофон выношу и музыку включаю. А они танцуют друг с дружкой. А появись какой-нибудь мужик, так они наперегонки бегут и прямо ему на шею вешаются! Никакой скромности, никакой женственности! И каждая норовит его к себе в комнату затащить. А там начинается: песни – гитары, гитары – песни… И бутылка на столе! Это же ужас! Ужас!

САРУХАНОВА. Это нормально.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ненормально, в том-то и дело. А

всем плевать. Все вокруг даже об этом и не задумываются. А тут кричать надо…

САРУХАНОВА. Хором! В агитбригаде!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Нет, зачем, у агитбригады другие задачи. Саруха-нова, я, может, не то или не так говорю, но я по сути права. Я верю, что могу для тебя что-нибудь сделать, Саруханова. Я могу тебя понять. Я, в конце концов, тоже женщина.

САРУХАНОВА. Вы-то как раз девушка, Лика Федоровна.

ЛИКА ФЕДОРОВНА (*растерянно).* То есть?.. Что ты имеешь в виду, Са-руханова?

САРУХАНОВА. Я имею в виду… в сравнении со мной.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Чепуха какая! *(чуть смущенно*) Да у меня знаешь, сколько их было?

САРУХАНОВА. Кого?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Этих… мужиков – дураков!

САРУХАНОВА. Сколько?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Видимо-невидимо.

САРУХАНОВА. Невидимо, видимо, больше!

ЛИКА ФЕДОРОВНА (*волнуясь).* Почему ты так говоришь? Что ты обо мне знаешь, Саруханова? Да ты же обо мне не знаешь ничего! Так почему ты так со мной разговариваешь?! Так, все, мне надоело *(начинает одеваться, собирать вещи в сумку).* У меня больше нет никакого желания с тобой разговаривать! Знаешь что? Делай, что хочешь,

пей, сколько хочешь, катись, куда хочешь! Пошла ты… Живи, как хочешь! *(Идет к выходу, но перед дверью поворачивает обратно к Са-рухановой.)* Только запомни одну вещь из нашего разговора. Только одну!

САРУХАНОВА. Ну, валяйте.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Запомнишь? На носу ее себе заруби, Саруханова. На ус намотай!

САРУХАНОВА. Намотаю, намотаю…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Мотай, чтоб не спадывало! Так вот: все мужики – подонки и сволочи. Они даже нашего мизинца не стоят. Они все могут только горе приносить! С ними осторожней надо!

Лика Федоровна идет к двери, Саруханова в этот момент идет к бутылке водки, но Лика Федоровна снова поворачивает обратно, и Саруханова вместо того, чтобы добраться до бутылки, поспешно садится на ближайший стул – стул Лики Федоровны.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот у меня один был…

САРУХАНОВА. Всего один?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Один из многих! Все мне предложения делал – раз пять или шесть, а я ему отказывала.

САРУХАНОВА. Сколько-сколько?!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну, четыре… Или три… Это неважно, Саруханова! Я ему все отказывала… Потому что знала – это у него не настоящее. Я ему так и говорила: «Нам надо, пойми, Толик, надо нам сначала проверить свои чув-

ства!» А он лез и лез. Ужасно нахальный тип. «Чего, – говорит, – проверять, мне и так ясно, что я без тебя жить не могу!» Но ведь смог же! Смог! Я ему говорю: «Алик!»

САРУХАНОВА. Толик!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Да, да… «Толик! Я тебе нужна только… (*понижает голос*) только вот для этого дела… ну… для этого…»

САРУХАНОВА. Я поняла.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. «А так ты меня не любишь!» А он: «Нет, люблю, и так люблю». И дальше опять начинает трепаться.

САРУХАНОВА *(с некоторым сочувствием).* Ну почему «трепаться?» А если он не трепался?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Трепался, трепался… Он трепач был страшный, этот Алик.

САРУХАНОВА. Толик!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Да разница-то какая? Ты меня сбиваешь, Сару-ханова! Ну Толик… Я уж стала его забывать… А чего его помнить? Уехал, и больше я его в жизни не видела! Под-донок! Если бы он действительно любил, не уехал бы ни за что! Вот и верь после всего мужикам, этим гадам, подонкам, подлецам… «Нужна!» Не нужны мы никому! А я потом плакала, так плакала, жить не хотелось…

САРУХАНОВА (*с видимым интересом*). Но, может, он действительно любил.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Нет, он меня не любил.

САРУХАНОВА. А вы его любили?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я любила, конечно, а он нет.

САРУХАНОВА. Почему вы так считаете?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Потому что все они подлецы! И Алики, и Толики! И Шарики, и Шурики! И Бобики с Тобиками тоже! Все! Страдай из-за них, водку пей… Вот как ты!

САРУХАНОВА. Я не из-за них.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Врешь, Саруханова! Кривишь душой. Из-за них! Мы все всегда делаем из-за них! Есть они у нас – мы страдаем! Нет их – места себе не находим! Вот и получается, как ни кинь, – все из-за них! И когда есть они – плохо, и когда нет – не лучше! Ты меня слушай. Осторожнее надо с ними. Осторожнее… (*увлекаясь)* Вот у меня случай другой был…

САРУХАНОВА *(придвигаясь, с интересом).* Да?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Познакомился со мной один миллионер…

САРУХАНОВА. Советский?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Саруханова, ты в своем уме? Разве бывают миллионеры советскими?.. Конечно, иностранец!

САРУХАНОВА. Ого!..

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Швед… Высокий такой, блондин, симпатичный… Мы с ним в Алупке на пляже познакомились… Город такой есть, представляешь? Алупка… Алупкинские горы, парк Алупкинский, а в нем замок… Там граф еще жил… этот, как его…

САРУХАНОВА. Алупкин!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Глаза, фигура, борода… Такой мужик (*мечтательная пауза)*… в плавках! Кстати, из-за бороды этой самой мы и поссорились… Мне с ним неудобно было ходить, на нас все внимание обращали…

САРУХАНОВА. Ну и что? Ну и пусть.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Нет, я не могу, когда на меня все смотрят… Я ему предложила: сбрей бороду! Он удивился сначала. Я ему: сбрей! Он отказался. Наотрез. Говорит: я с ней, с бородой этой, десять лет живу, всю Сибирь объездил…

САРУХАНОВА. Швед?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Какой еще швед, Саруханова? Он геолог из Иркутска.

Пауза.

САРУХАНОВА. А швед?..

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вспомнила шведа! Швед… это так… Тем более он смылся, когда я его ликером угостила…

САРУХАНОВА. А геолог?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А геолог долго со мной был, долго… Димка Пахомов… Он меня называл «любимая моя!»

САРУХАНОВА. Да?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Он даже для меня песню сочинил…

САРУХАНОВА. Ого!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Там еще такие слова были *(по-*

ет):

Для меня открылась суть,
Пешка превратилась в ферзя:
Женщину легко обмануть,
Только предавать нельзя!

Пока мы не поссорились! Представляешь, он юбилей ее справлял!

САРУХАНОВА. Кого?..

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Бороды этой! И ни в какую! Я ему: «Значит, ты меня не любишь?» Он говорит: «Ну почему же?» А я ему: «Тогда сбрей бороду!» – «Да причем тут борода?!» – «Да потому что она мне не нравится! Я с тобой целоваться не могу – она колется! Сбрей!» – «Не буду!» – «Значит, ты меня не любишь! Тебе какая-то паршивая бороденка дороже, чем я! Ну сбрей!» – «Не буду!» – «Сбрей!» – «Не буду!»

Пауза. Саруханова с интересом слушала Лику Федоровну. И с явным сочувствием. И теперь застыла вся во внимании…

САРУХАНОВА. Понятно.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Чего тебе понятно?

Пауза.

САРУХАНОВА. Ох, и хитрая вы, Лика Федоровна! Вы все сейчас для меня придумали! Не было этого!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Чего?

САРУХАНОВА. Ничего не было!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Чего – ничего?

САРУХАНОВА. Ничего из того, что вы сейчас рассказали!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Как не было? Было.

САРУХАНОВА. Не было!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну я же рассказала.

САРУХАНОВА *(кричит*). Не было!

ЛИКА ФЕДОРОВНА *(кричит).* Было, было! Черт бородатый, он же мне всю жизнь искалечил… (*плачет).*

САРУХАНОВА (*хочет как-то успокоить Лику Федоровну*). Ну… Но… Да вы сами виноваты… «Сбрей бороду»… Это ж додуматься надо…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Нет, он меня не любил… Не любил!

Пауза.

А у тебя как? Все в порядке?

САРУХАНОВА *(просто*). У меня все в порядке.

ЛИКА ФЕДОРОВНА (*задумчиво).* Значит, твое, не твое, как мое… мое…

САРУХАНОВА. Что-то я совсем перестала понимать… твое… не твое… мое… швед, геолог, Алик, Толик… Что-то много их сразу на мою голову.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А ты брось! Брось их всех! Без мужиков можно прожить! Только привыкнуть надо. Плюнь на них! Будто их и нет вовсе! Плюнь и разотри!

САРУХАНОВА. Да я давно уже плюнула.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Вот и молодец! Вот и умница! А от чего же ты пьешь? Отчего? Признавайся!

САРУХАНОВА. Я уже вам давно во всем призналась, Лика Федоровна!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Правда?.. А я что-то не заметила…

САРУХАНОВА *(беззлобно)*. Ох, Лика Федоровна, ну и хитрая же вы!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я хитрая?.. Да ты что?! Я просто в людях разбираюсь… У меня опыт жизненный есть. Я сколько лет с вами, лимитчицами, работаю?

САРУХАНОВА. Не помню…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А я помню. Три года! Не три дня! Думаешь, легко? Просто! По четырнадцать часов в день, с утра до вечера, с утра до вечера, как заводная… И ночью дежурства… Ой, чего только ночью в нашем общежитии не бывало! Однажды на седьмой этаж мужики по трубе лезли! Я их веником по голове, веником! Согнала к чертям! Все вниз, скоты, попадали!

САРУХАНОВА. Как «попадали»?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну, спустились… Они меня на всю жизнь запомнили! Больше по трубе ни разу! Никто! Никогда!

САРУХАНОВА *(восхищенно).* Ну вы даете, Лика Федоровна! *(Смеется.)*

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я тут за все отвечаю. За всех вас… Понимаешь ты это, Саруханова?

САРУХАНОВА. Где уж нам уж тут?!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ты думаешь, я из-за денег здесь? Ну и глупая же ты, Саруханова… Я же для души! Чего смеешься? Не веришь? Я вот раньше… ну когда совсем-совсем юная была – в детском доме работала. Дети с особенностями развития. Сутки отработаешь – мотыльки перед глазами… Зато они нас мамами звали. Приятно… Самое страшное, если кто-то из них заболевал… Один, пятилетний – Илюшка – я по коридору иду – он за мной. И молчит. Я оборачиваюсь – он останавливается. Смотрит на меня своими большущими голубыми глазами и говорит: «Мама Лика, полюбайте меня…» Полюбайте… Я это запомнила… Но – ушла! Честно скажу: не выдержала. Теперь вот с вами… Но это не легче… намного…

Пауза.

САРУХАНОВА. Лика ФЕДОРОВНА. Лика Федоровна?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А?..

САРУХАНОВА. Не смотрите в одну точку, Лика Федоровна. В одну точку не смотрите!

Обе смеются.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну ладно, все, хватит. Давай закончим этот разговор. Я поставлю вопрос прямо… А ты на него прямо ответишь. Договорились?

САРУХАНОВА. Ага.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ты только не обижайся… (*собравшись с силами)* С кем ты спишь?

САРУХАНОВА. С кем сплю?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну… кого ты там любишь, ладно.

САРУХАНОВА. Я люблю Кузю и с Кузей сплю.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Так. И кто он твой Кузя? На нашем заводе работает? В каком цеху?

САРУХАНОВА. Он безработный.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Хорошо.

САРУХАНОВА. Что хорошо?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Хорошо, что этот твой подлец не работает на нашем заводе. Это уже хорошо.

САРУХАНОВА. Почему вы считаете, что он подлец?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Потому что ты из-за него пьешь, Саруханова! Кузя! Имя-то какое гадкое! Мерзкое, прямо скажем! Кузя! Тьфу! Где же ты его нашла, Саруханова?

САРУХАНОВА. На помойке.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. И с таким подонком спать?! Такая хорошая девушка…

САРУХАНОВА. Я не девушка…

ЛИКА ФЕДОРОВНА (*вспыхнув, резко*). А я не Кузя, чтобы это проверять! Ну не стыдно тебе?! Как вообще у тебя хватило?.. Где твоя честь девичья была?

САРУХАНОВА. А если это любовь?

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Это – не любовь! Это – постель!

САРУХАНОВА. Верно. Мы с Кузей практически встре-

чаемся только в моей постели…

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Как это – в твоей? И что значит – практически? Он что, в общежитии с тобой ночует?

САРУХАНОВА. Да, в общежитии.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. А кто его пропускает? Как ты его сюда проводишь, Саруханова?

САРУХАНОВА. Его не надо проводить. Вот он, Кузя.

Достает из кармана плюшевого медвежонка, ставит игрушку на стол перед Ликой Федоровной, смотрит на нее.

Познакомься, Кузенька: эта смешная тетя в очках – Лика Федоровна *(от имени игрушки).* Здравствуйте, Лика Федоровна!

ЛИКА ФЕДОРОВНА (*кричит*). Саруханова! Ты мне тут кончай крутить-вертеть! Нашла, понимаешь, себе дурочку – воспитательницу!

САРУХАНОВА (*кричит*). Да что вы от меня хотите, Лика Федоровна?!

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Я хочу, чтобы ты мне все рассказала! Все как есть!

САРУХАНОВА. А если ничего нет?! Ничего! Кроме вас, Лика Федоровна, и этого помойного медведя у меня никого нету. Это вы понимаете?

Пауза.

ЛИКА ФЕДОРОВНА (*тихо, проникновенно*). Ты знаешь, Саруханова, я очень рада… Сегодня у нас с тобой произошел очень хороший разговор… Мне кажется, Саруханo-

ва, он давно должен был произойти, потому что я давно за тобой наблюдаю и… я не могу видеть, как ты спиваешься… Я ведь, если правду сказать, тоже одна живу, не в общежитии, правда, а в однокомнатной квартире, но это не имеет никакого значения. Я совершенно одна, даже Кузи у меня нет, даже Кузи… Но сегодня я прошу тебя, умоляю: не пей больше!

САРУХАНОВА. С одним условием, Лика Федоровна.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну с каким еще условием, Саруханова?

САРУХАНОВА. Я вам Кузю подарю. Хорошо?

Пауза. Воспитательница пристально смотрит то на Кузю, то на Саруханову.

ЛИКА ФЕДОРОВНА (*растроганно*). Хорошо.

Лика Федоровна вынимает из-под стола конфискованную из саруховской тумбочки недопитую бутылку водки и придвигает ее к Саруховой. Та молча отодвигает ее к Лике Федоровне. Она снова придвигает к ней бутылку. Саруханова берет бутылку, смотрит на Лику Федоровну и выливает всю водку в помойное ведро.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ни капли?

САРУХАНОВА. Ни капли.

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Ну вот и молодец, Саруханова. Вот и умница! *(В зал.)* А я же говорила. Вот и все *(поворачиваясь к Саруховой).* Ну, иди спи, Саруханова. Иди.

Саруханова не уходит. Смотрит на Лику Федоровну и

чуть-чуть улыбается.

ЛИКА ФЕДОРОВНА *(убирая со стола газеты, мусор).* Саруханова! Иди же! Иди, иди. Все, спасибо, иди, наш разговор окончен. Ну ты же спать хотела! *(Саруханова не двигается с места.)* Надежда!..

САРУХАНОВА. Спокойной ночи, Лика Федоровна. *(Саруханова пошла к двери.)*

ЛИКА ФЕДОРОВНА. Спокойной ночи, Надя!

САРУХАНОВА *(останавливаясь у двери*). Мама Лика! *(Лика Федоровна опускается на стул.)* Полюбайте меня!

Звучит песня «Птица счастья». Лика Федоровна смотрит на плюшевого медвежонка, берет его и заводит. Медвежонок, смешно двигая лапами, танцует на столе. Лика Федоровна задумчиво смотрит на танцующего Кузю и улыбается светлой улыбкой.

Медленно гаснет свет. Музыка продолжается.

КОНЕЦ

Концерт Высоцкого в НИИ

Сатирическая комедия
1987

Действующие лица:

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ
РИТА, его секретарша
ШУРИК, молодой человек интеллигентного вида
СТАНИСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ, он же СТАСИК
ЭРА ГЕОРГИЕВНА
МАХОНЯ
МОРОЗОВ
АНУФРИЕВ
ЩЕГОЛЕВ

Время действия – 1973 год.

Кабинет большого начальника. Несколько разноцветных телефонов.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*разговаривает по красному телефону*). У аппарата. Слушаю более чем внимательно. Спокойно, спокойно… Куда повесили? Где? Какой текст? Помедленней. А размер? Ясно. А вы не в курсе, кто повесил? Понятия не имею. Меня никто не ставил в известность.

Да нет, я сегодня первый день из отпуска… Нет-нет, был в круизе. По Европе, да. Семь стран вокруг Европы. Спасибо. Ясно. Да не волнуйтесь, сейчас снимем. Хорошо. Понял вас. Понял. Спасибо за сообщение. Я вам позвоню. Счастливо. (*Кладет трубку*.) Вот паразит. (*Нажимает на кнопку*.) Рита, зайди ко мне, девонька.

Входит секретарша.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Здравствуй, Ритон!

РИТА. Здравствуйте, Игорь Николаевич!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ритуленька, детонька, это тебе прямо из Парижа! (*Протягивает коробочку*.)

РИТА. Ой, Игорь Николаевич, спасибо!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. На еще. Еще одни духи. «Шанелью» пахнет!

РИТА. Ну вы даете, Игорь Николаевич!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. *(И третья коробочка.)* Эх, Ритуля, держи до кучи! Нам для вас ничего не жаль! Ритуля, говорят, там у входа какое-то объявление висит?

РИТА. Что, будете отменять?

Звонит белый телефон.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Вот. Началось. (*Берет трубку*.) У аппарата… Здравствуйте, Зинаидочка Порфирьевночка! Семь стран, да. Знаю. Уже знаю. Висит на видном месте. Зинаида Порфирьевна, миленькая, неужели вы не понимаете, что мне неудобно ходить смотреть? Нет, размер небольшой, с тетрадный листок. Но вы же понимаете, что де-

ло не в размере, а в тексте. Как в каком тексте? Текст самый обычный: «У нас в гостях артист Театра на Таганке… тра-та-та, тра-та-та». И все. Что значит «этого достаточно»? Зинаида Порфирьевна, ми… Зинаида Пор-фирь… Зин… Да, я понял, понял вас. Сделаем. Не волнуйтесь, все будет в порядке! (*Кладет трубку, набирает номер*.) Шурик, зайди ко мне. А то не знаешь зачем?! Быстро! (*Кладет трубку*.) Ритуля, ты что стоишь? Помогай мне, помогай… Найди мне Эру нашу, культорга нашего, срочно!

РИТА. Будете отменять, да? Отменять будете?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Рррrита, не буди во мне зверя!

РИТА. Тьфу, аж противно! К вам Махоня просится.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Это какой Махоня? Который Достаевский?

РИТА. Ну да. *(Выходит.)*

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ох, этот Махоня… Не до Махони сейчас. (*Набирает номер на зеленом телефоне*.) Стасик, ты? Ну? В курсе? Я тоже в курсе. Да, уже были звонки. Пятнадцать минут висит объявление – и уже звонки из города. А ты не знаешь, кто его повесил? А кто тебе звонил? Башкиров? А Башкиров не знает? Ну, да, ему, наверное, эта дура Курганова доложила… Нет, Курганова сама не знает! Ладно, Кургани-ху я возьму на себя, а ты Башкирову выдай звоночек, успокой, скажи, чтоб не дергался! В баню его пригласи! У меня на четверг финская баня намечена… От моего

имени, конечно, от моего! Хе! У нас с тобой будет сегодня баня… Русская! Попаримся мы с тобой, это точно! А все-таки поразительное у нас с тобой, Стасик, учреждение, а? Закрытое совершенно, режимное, можно сказать, предприятие, и вот… пятнадцать минут всего висит объявление, а город уже знает. Весь! О-хо-хо! Откуда? От верблюда… (*Кладет трубку.*)

Звонит черный телефон.

У аппарата. У нас? С чего вы взяли?! У нас никакого объявления и никакого концерта! Это я вам говорю. Не знаю, не знаю. Лично я никого не приглашал. До свиданья. *(Кладет трубку.)* Вот не было печали, так черти накачали!

Входит Рита.

РИТА. Махоня спрашивает, когда все-таки вы его примете?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Никогда!

РИТА. Ему срочно нужно.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Как срочно?

РИТА. Вчера.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Тогда скажи – пусть приходит завтра.

РИТА. А Эры Георгиевны нет на месте.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Где ее носит? Когда надо, ее нет! Где она?

РИТА. А Железный Шурик здесь, в приемной.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Зови Железного Шурика.

Рита уходит. Появляется Шурик.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ну как? Что? Как это понять?

ШУРИК. Что?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ты комсомол? Отвечай за свои действия.

ШУРИК. Я?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Да, ты… Ты! Твоя организация!

ШУРИК. Какая организация?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Подпольная.

ШУРИК. Игорь Николаевич, о чем вы говорите?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Будто не знаешь о чем? Ах, Шурик! Ох, Шурик!

ШУРИК. Ох, Игорь Николаевич…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ты железный парень, Шурик, но я еще желез-нее… Ты ответишь мне за эти дела!

ШУРИК. Да я тут при чем? Я ни при чем.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Кто вывесил объявление?

ШУРИК. Кто?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Я тебя спрашиваю, Шурик, – кто?

ШУРИК. А я вас спрашиваю, Игорь Николаевич, – кто?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Не придуривайся, Шурик. Молод придуриваться.

ШУРИК. Не знаю, о чем вы это.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Шурик! Шу-урик!. Ты-ы…

ШУРИК. Да что я? Что я? Я, между прочим, ровно столько, сколько и вы…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что?

ШУРИК. Что «что»?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ничего.

ШУРИК. Вот и я ничего.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что ты мне лапшу на уши вешаешь, Шурик? Ты думаешь, я не умею вешать? Я сам таким был, как ты! Я сам это умею! А ну сейчас же… сейчас же сними!

ШУРИК. Да какую лапшу?!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. С моих ушей, Шурик! Ты думаешь, я с тобой тут в бирюльки буду играть? Ты знаешь, чем это грозит? И тебе, и мне? Пойди сейчас же и сними объявление.

ШУРИК. Отпадает.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Я тебе приказываю, Шурик, понял? Понял?

ШУРИК. Не я его вешал, не я. Зачем же вы меня подставляете, Игорь Николаевич? Мне здесь работать! У нас все же интеллигенция… техническая… Ей палец в рот не клади… Этот, с гитарой который… артист сра-ный… похрипит сегодня – и отвалит… А мне важно с людьми отношения сохранить! А вы что предлагаете? Завтра же вы сами, Игорь Николаевич, мне же… вы же мне же людей поручите на картошку, скажем, организовать – они же все меня пошлют по

холодку! И будут правы! А зачем это мне нужно, спрашивается? Зачем? Ну сами посудите…

Звонит белый телефон.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. У аппарата. Сейчас, сейчас снимем. Как раз занимаюсь этим вопросом. Зинаида Порфирьевна, миленькая, вы должны понять: если объявление уже висит, значит, около него стоят люди. Они стоят и смотрят, КТО его пришел снимать. Вы поймите, Зинаида Порфирьевна, у нас все-таки интеллигенция… техническая. Почему «все-таки»? Потому что техническая… Люди сложные, им палец в рот… Зинаида Порфирьевна, миленькая… Зинаид… Зин… Я с вами согласен. Сделаем. Завтра с утра висеть не будет, обещаю! Завтра не будет! *(Прикрывая трубку, Шурику.)* Эта дура не знает, что концерт сегодня! (*В трубку*.) Да, Зинаида Порфирьевна, да, да, да… Конечно, конечно… Голову даю на отсечение – завтра хоть сами к нам приезжайте и смотрите! Не будет завтра объявления этого и в помине. Договорились! Ну, я рад, что вы понимаете наши сложности! До свиданья, миленькая, до свидания… (*Хочет положить трубку, но вдруг что-то вспоминает*.) Да! Да, Зинаи-дочка Порфирьевночка, а как у вас с Финляндией? Не забыли про меня? Я в списке? Ну, рад, спасибо, что вы про меня помните, рад, рад, очень рад! (*Кладет трубку.*) Ф-фу-у! Елки зеленые! Курганова слетела! Теперь Башкирова нейтрализовать…

Входит Рита.

РИТА. Игорь Николаевич, там в приемной люди, они спрашивают, будет или не будет.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. А чего же они спрашивают, если объявление висит?

РИТА. Они сомневаются. Не верят своим глазам.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Не стой над душой, не буди во мне…

РИТА. Мне все ясно.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что тебе ясно? Мне ничего не ясно, а ей уже ясно!

РИТА. Что мне людям сказать?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ничего не говори.

РИТА. Если ничего не говорить, будет только хуже. И очень скоро.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*вспыхнув*). Это черт знает что такое! Что ты меня пугаешь? Я пуганый!

РИТА. Мне все ясно! Отменяется! Так и скажу! (*Плачет.*)

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Погоди… Что вы все раньше времени реагируете? Рита! Перестань! Все будет в порядке, Рита, правда, Шурик? Скажи ей.

ШУРИК (*едва сдерживая улыбку*). Железно.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. А Рита не верит.

Звонок. Рита берет трубку.

РИТА. Игорь Николаевич, возьмите трубочку.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Кто там еще?

РИТА. Это по делу.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Я все дела отменил.

РИТА. Это по личному делу.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ну кто, кто? Сказать не можешь?

РИТА. Это ваша мадам. Ее вы тоже отменили?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. О боже, ей-то что надо?!

РИТА. То же, что и всем, вероятно. Она просит два места на нее записать.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ох ты, черт…

РИТА. У вас то бог, то черт на языке. Не поймешь, кого вы больше любите…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Передай ей, чтоб больше сюда мне не звонила!

РИТА. Это вы сами ей скажите. В ваши семейные дела меня не впутывайте!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Рита! Ох, Рита! Ритулька!

РИТА. Так вы записали? Два лица!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Записал, записал!

Рита выходит.

Интересно, с кем она припрется?

Пауза.

Ну вот, Шурик, ты сам все слышал, все видел… Что хочешь делай, а объявление тебе все же придется снять. И сейчас же!

ШУРИК. Отпадает.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Шу-уурик!

ШУРИК. Я уже сказал: я снимать не буду. Гольдина вешала, пусть Гольдина и снимает. Но я вам этого не говорил.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Кто такая Гольдина?

ШУРИК. Эра Георгиевна, кто ж еще?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ах, та-ак? А я смотрю, какая-то мымра в очках занимается нашей культурой… Помню, что ее Эра зовут… Все! Эра, Эра, наша Эра! Так это ее рук дело?

ШУРИК. А чьих же? Я же вам втолковываю, Игорь Николаевич, – это вечер-то не молодежный. Это общеинститутский вечер. И комсомол тут ни при чем.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Но молодежь придет? У нас ведь много молодежи…

ШУРИК. Все придут. Не сомневайтесь, будет столпотворение.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. О-хо-хо… (*Набирает номер.*) Стасик, до Башкирова не дозвонился? Так… Вот что, Стасик, Ильину позвони. Обязательно позвони Ильину. (*Кладет трубку.*) А ты хитрый парень, Шурик, ты железный парнишка, Шурик, я даже от тебя не ожидал! Молодежь, значит, придет в полном составе, а вечер не твой, не молодежный, а ты… ты со всеми в хороших отношениях, со всеми хорошими людьми… Ловко сделано! Ты хитрый мальчик, Шурик, так вот, Шурик, послушай меня, это у тебя не прохонжэ, понял?

ШУРИК. Что, что не прохонжэ?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Знаешь, закон есть? Тот, кто сегодня поет не с нами, тот против нас!

ШУРИК. Вы имеете в виду Высоцкого?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Я тебя имею в виду! Ты прав: тебе еще здесь работать. Высоцкий приедет, выступит и уедет. А мы с тобой останемся. С глазу на глаз, между прочим! И нам вместе надо будет много чего… ох, много!

ШУРИК. Все понял. Понял вас. Что я должен сделать, что?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Снять объявление.

ШУРИК. Отпадает, железно отпадает.

Входит Рита, Шурик как бы незаметно выскальзывает в приоткрытую дверь.

РИТА. Там к вам народ пришел, Игорь Николаевич.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Какой еще народ?

РИТА. Инженеры из КБ-9.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что им надо?

РИТА. Они говорят, что если вы отмените концерт, они завтра на работу не выйдут.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что-о? Почему?

РИТА. По болезни. Все бюллетени возьмут!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Шутка, что ли?

РИТА. Конечно, шутка. Но в каждой шутке, знаете ли… Перед дверью Махоня сидит.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Я занят сейчас. Скажи им

всем, что занят я!

РИТА. Вы же знаете, он вас все равно достанет.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Правильно! За это мы его и взяли. Доставала по прозвищу Достаевский! Когда нам что-нибудь надо – сразу к нему: Махоня сделает, Махоня пробьет, Махоня достанет… А теперь сами от него спасаемся! Объясни ему, Рита…

РИТА. Он не слушает. Он сам говорит.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что он говорит?

РИТА. Что он референт и имеет право на вход к вам в любое время дня и ночи.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ну, ночью, положим, лично мне референты не нужны. Пока что обхожусь без референтов. Худо-бедно. Ночью. А чей, собственно, референт?

РИТА. Этого никто не знает. Вот его визитная карточка… только что мне подарил… видите? (*Показывает визитку*.) Крупно фамилия: «Махо-ня». И ниже мелкой прописью, витиевато – «референт».

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Жулик он. Обыкновенный жулик. Нет, чтобы на карточке правду написать: крупно фамилия и ниже прописью – жулик… Насколько легче б нам всем жилось.

РИТА. Он не жулик. Он хороший человек, полезный.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ну да, туда полез, сюда полез… И уже считается полезным! Нет, Рита, нет, этот Достаевский меня сегодня не достанет!

РИТА. Хорошо, я скажу, чтоб не сидел.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. А где Шурик? Он же тут был? Исчез, паразит! Испарился! Вот молоток! Вот железный парнишка! Вот с кого пример нам всем надо брать! Ритуля, давай беги догони его. Догони и верни.

РИТА. Как же, как же… Догонишь его! Если Шурик исчез, его с собаками не найдешь.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. А я тебе говорю, догони и верни. Ясно?

РИТА. Обрыдло.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что? Что ты сказала? Что тебе не ясно?

РИТА. Я сказала… Я сказала, что мне все ясно и все обрыдло. Слово такое есть хорошее: о-бры-дло.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что?

РИТА. Все. (*Уходит.*)

Звонит белый телефон.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. У аппарата. Да, Зинаида Порфирьевна, да… Концерт действительно намечен на сегодня, а не на завтра. А я разве говорил вам, что завтра, я говорил? Я вам этого не говорил! Нет, нет… А что Башкиров вам сказал? Ну, в смысле, он что-нибудь вам посоветовал? В смысле, что бы вы мне посоветовали? А до Ильина дошло? А до Суслопарова? А до самого? А что сам сказал? Понял вас. Вас понял. Хорошо, хорошо, Зинаида Пор… Я сам понимаю, что ничего хорошего… Но… я уже принял меры. Кое-какие

принял. И еще приму, обещаю… Обещаю вам: сегодня, все сделаем сегодня… Сейчас, сейчас все сделаем, не волнуйтесь! (*Кладет трубку, откидываясь в кресле.*)

Ффу-уу… Чтоб он провалился, этот концерт! Чтоб его…

Звонит телефон.

Чтоб тебя… (*Берет трубку.*) У аппарата. (*Очень раздраженно и грубо.*) Не знаю, будет или не будет. Не знаю, кто знает. Звоните не мне. Не знаю, кому вам звонить. Кому хотите, тому и звоните. Все. (*Кладет трубку.*) Бардак, а я в нем священником.

Входит Стасик.

СТАСИК. Я звонил Ильину. Он молчит.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Да, но хоть что-то он же должен был сказать?

СТАСИК. Он ничего не сказал. Принял к сведению, и все.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ты не понял, Стасик, ты ничего не понял. Он сейчас с Башкировым советуется.

СТАСИК. Да Башкиров ему тоже ничего не скажет. Что ему может сказать Башкиров?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Башкиров Дубомудрову позвонит, Дубомудров – Ильину, Ильин – Суслопарову. Так и будут перезваниваться, звонари!

СТАСИК. Нам от этого не легче. Вам надо что-то делать! Нам надо меры принимать!

Звонят сразу несколько телефонов.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Спокойно! Меня нет. Я тоже могу быть на бюллетене.

Входит Рита.

РИТА. Шурика ищут. Как найдут – сразу приведут. А ему я все сказала, он не уходит. Сидит.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Кто?

РИТА. Референт.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Убийца! Мало того, что жулик, он еще и мой убийца. Достаевский проклятый! Ну что у него, не знаешь?

РИТА. Он сказал, чтобы я сказала вам всего два слова… За это – вот! – подарил шоколадку! Хотите попробовать?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*раздраженно*). Какие два слова?

РИТА. «Тавризян не подписывает».

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Это три слова. Это во-первых. Во-вторых, скажи ему, что я сказал: «Если Тавризян не подпишет сегодня, мы с него, с Махони, вычтем полтора миллиона рублей!»

Рита выходит. Пауза.

Хороший денек сегодня! В суете я забыл, вы забыли, мы все забыли, что сегодня Тавризян подписывает у министра… Два часа этот Махоня сидит у меня под дверью, и я даже не понял, почему сидит! И все из-за этого чертова объявления! Конец света! Финиш!

СТАСИК. Если Тавризян действительно не подписывает,

придется вам лично министру звонить.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Щас! Разбежался! Калошки надел и…

СТАСИК. Могу спорить, что этот Махоня, когда понял, что Тавризяна не достал, сразу к вам прибежал, чтобы об этом звонке просить.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Это пожалуйста! Просить меня можно! Просить у нас никому не запрещено!

Входит Рита.

РИТА. Я сказала.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ну и?..

РИТА. Он сказал: «Вычитайте. Только вы сначала позвоните министру».

СТАСИК. А я про что?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Как же, вычтешь с него! Достал-таки, Достаев-ский! (*Рите.*) Впусти! Но я за себя не отвечаю с этим бандитом!

Входит Махоня – грузный лысый человек лет 60-ти. Тяжело опускается в кресло, наливает себе воды в графин, пьет…

Пауза.

Ну, что там Тавризян? Капризничает?

МАХОНЯ (*допив воду*). Хуже.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Не подписывает?

МАХОНЯ. Хуже.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что может быть хуже?

МАХОНЯ. Сегодня уезжает.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Это значит…

МАХОНЯ. Это значит, что он не подписал и не подпишет. Мы его упустим, полгода будем ловить, еще полгода уговаривать, через год он согласится, через два мы утвердим, через три начнем… Без его подписи проект реконструкции «двадцатки» недействителен. Полтора миллиона уйдут в трубу. И все из-за того, что он сегодня отказывается подписать и уезжает в Сибирь. На симпозиум.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Аргументы?

МАХОНЯ. Тысяча аргументов.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Назови хотя бы один.

МАХОНЯ. Веселкин.

СТАСИК. Я так и знал.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. М-да… Веселкин – это, конечно, аргумент в тяжелом весе. Тут мы бессильны.

Пауза. Входит Рита.

РИТА. Звонила ваша мадам, просила на сегодня четыре билета.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Хорошо.

РИТА. Не «хорошо», а запишите.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Записал.

Рита выходит.

МАХОНЯ. Заметьте, я вас пока на эту тему ни о чем не прошу. Я действую всеми доступными средствами, но они не действуют.

СТАСИК. Кончай, Махоня! Кончай!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. От тебя уже голова болит! Как тебя Таври-зян выдерживает? Мы ж тебя специально к нему… мол, сдадут нервы от общения с Махоней – и сразу подпишет… Ан нет! Плохо ты его за горло взял, если он так и не подписал! Теперь ты нас хотя бы за горло не бери!

МАХОНЯ. Я разве беру? (*Снимает трубку телефона*.) Вот трубочка, позвоните министру, и я уйду. Больше Махоне от вас ничего не надо.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Стоп, Махоня, стоп. (*Кладет трубку*.)

СТАСИК. Не учи Игоря Николаевича, что ему надо делать.

МАХОНЯ. Я разве учу? Я прошу использовать шанс. Вы знаете закон Махони?

СТАСИК. Какой закон?

МАХОНЯ. Закон Махони гласит: если остался единственный шанс, надо его использовать! Позвоните, они сейчас все там – и Тавризян, и Веселкин…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Я звонить министру не буду.

МАХОНЯ *(тихо)*. Хотите, я наберу, если вам так трудно?

СТАСИК. Он не отстанет. Вы его впустили, теперь он своего добьется.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Лучше бы он Тавризяна добивал. А то он меня добивает.

МАХОНЯ. И добью. Всех вас добью. Такая уж моя пла-

нида. Сначала ненавидят – потом любят. Мне за это деньги платят. (*Снимает трубку, протягивает снова Игорю Николаевичу*.) Прошу!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. И что я скажу? Что академик Веселкин с академиком Тавризяном на ножах – это он и так знает! Что эти два академика друг друга тридцать лет едят и никак съесть не могут – это тоже всем известно! Тавризян узнал, что Веселкин «за», и тут же высказался против: министр между этих двух огней сколько лет пляшет – как он может повлиять? Приказать Тавризяну он не может! Заставлять Веселкина высказаться против нашей реконструкции, чтобы Тавризян подписал, тоже поздно – замкнутый круг!

МАХОНЯ. Попросите министра назначить Веселкина ответственным от академии за нашу реконструкцию, раз Тавризян уезжает на симпозиум, а дело срочное!

СТАСИК. Это будет означать, что Веселкин съел Тавризяна! И министр ему помог это сделать нашими руками!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Пойми, Махоня, ты нас всех подставляешь!

МАХОНЯ. Я никого не подставляю!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Подставляешь. Достаешь. Достаешь и подставляешь. Ты всех нас хочешь перессорить! Какая-то подпись паршивая, а я год буду потом отмываться перед всеми после этого звонка!

МАХОНЯ. Игорь Николаевич, я к вам пришел не по личному делу. Знаете, сколько этот звонок один ваш стоит? Пол-

тора миллиона! Вы это прекрасно знаете. А не позвоните – полтора миллиона уйдут в трубу! И это тоже вам известно. Ну?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что «ну»? Баранки гну! Что я могу сделать? Я ничего не могу.

СТАСИК. В самом деле, что может Игорь Николаевич? Да и министр ничего не может!

МАХОНЯ. Министр может. А если не может, то что это за министр?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Вот и тут диссидентство. И тут антисоветчина. Только без гитары.

СТАСИК. Что он может? Что он может?! Эх, Махоня, Махоня… Ты думаешь, министру очень нужно, чтобы «двадцатка» наша пошла в реконструкцию? Очень ему нужно Тавризяна давить!

МАХОНЯ. Нужно.

СТАСИК. Зачем?

МАХОНЯ. Для дела.

СТАСИК. Для какого дела, Махоня?

МАХОНЯ. Как для какого? Для нашего общего дела! Реконструкция «двадцатки» – разве не наше общее дело?

СТАСИК. В том-то и дело, что наше, да не общее. Пойми ты, Махоня, что у министра свои дела и с Веселкиным, и с тем же Тавризяном…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. И у нас, между прочим, тоже…

МАХОНЯ. Что?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Свои дела с министром, вот что! И как ты этого не понимаешь!

МАХОНЯ (*грустно*). Это я как раз понимаю. У всех свои дела. Только у меня почему-то не свое. Есть идея: назначьте Махоню министром, и он вам докажет, что́ министр может. В общем, вы вынуждаете меня пойти своим путем. Путем Махони. Хорошо, у меня тоже будут свои дела. Я уже представляю эту визитку. Крупно: «Махоня». И чуть ниже мелкой прописью: «министр». Значит, не будете звонить?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Отпадает, Махоня!

СТАСИК. Железно отпадает.

Врывается Эра, она чрезвычайно взволнована.

ЭРА. Здравствуйте, Игорь Николаевич, не надо мне ничего говорить, я уже все знаю.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что вы знаете?

ЭРА. Что вы отменили концерт, но я сразу скажу: это невозможно.

МАХОНЯ. Ну, я пошел. Это надолго. (*Уходит.*)

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Во-первых, я ничего не отменял, во-вторых, вы ошибаетесь глубоко: в нашей жизни возможно все!

ЭРА. Объявление висит. Люди оповещены.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Объявление надо немедленно снять.

ЭРА. Значит, отменяете? А говорите, что не отменяете!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Эра Георгиевна, успокойтесь! Сядьте…

ЭРА. Я уже в своем отделе насиделась…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. На рабочем месте вас с утра нет.

ЭРА. Это потому, что я весь день по этим делам бегаю.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Сядьте!

ЭРА. Не хочу сидеть. Не буду сидеть.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Хорошо, делайте что хотите и как хотите… Вы культорг. Но я здесь тоже не самый последний человек. И потому я вам говорю: будет концерт или не будет – этого я не знаю, ибо этого сейчас – я подчеркиваю, сейчас – никто в мире не знает, но… объявление надо снять. Снять в любом случае.

ЭРА. Если концерт будет, зачем его снимать?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. А что… что, собственно, нам дает это объявление? Все и так его читали!

СТАСИК. Действительно… Эра, пойми… Все давно знают о концерте. Оно ничего не прибавляет.

ЭРА. Как так, что-то не понимаю…

СТАСИК. Ну действительно… какая в нем новая информация? Вот вы мне ответьте, Эра Георгиевна, какая в нем содержится для меня, для вас, для Игоря Николаевича новая информация?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Для меня там и старой информации не содержится.

ЭРА. Ничего не понимаю. Перестаю что-либо понимать!

СТАСИК. Ну что… Ответьте только честно, разумно: что именно, что конкретно нам это объявление прибавляет? Ответьте!

ЭРА. Бред какой-то!

СТАСИК. Нет, вы мне ответьте: оно прибавляет или не прибавляет?

ЭРА. Бред. Бред. Бред собачий.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Эра Георгиевна, успокойтесь. Сохраняйте спокойствие… Во всех случаях, во всех случаях вам надо сохранить спокойствие.

ЭРА. Я спокойна, Игорь Николаевич, я совершенно спокойна.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Тогда выслушайте меня со Станиславом Сергеевичем. Не надо дразнить гусей, снимите объявление!

ЭРА. Но почему?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Потому что не надо дразнить гусей.

ЭРА. Каких гусей? Я согласовала этот концерт и согласовала это приглашение.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. С кем и когда вы его согласовали? Я лично был в отпуске.

ЭРА. Со всеми. Со Станиславом Сергеевичем вот согласовала, с Василием Константиновичем согласовала, с Панковым разговаривала, с Бурмистровым, со Смоляницким три-

жды беседовала…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Вы говорите «беседовала»… Что же они вам отвечали?

ЭРА. Они мне все кивали, никто не возражал.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. И Станислав Сергеевич не…

СТАСИК. Кивать, между прочим, это еще не значит беседовать!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Минуточку! (*Кивая на Стасика.*) Значит, вы утверждаете, что Станислав Сергеевич кивал и не возражал?

ЭРА. Да, и Станислав Сергеевич, представьте! Вы думаете, я такая дура, что такой вопрос ни с кем не согласовала? Я со всеми этот вопрос согласовала, со всеми нашими боссами…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ну, положим, лично я был…

ЭРА. Вы, Игорь Николаевич, да-да-да, были в отпуске… Но все остальные мне дали добро.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. И Шурик?

ЭРА. Какой Шурик? Железный?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Да-да, именно он!

ЭРА. Да-да, и он как секретарь комсомольской организации меня поддержал, но при этом только сказал, что, по его мнению, надо это делать не как молодежный вечер, а как общеинститутский… И на общеинститутский вечер дал добро! Представьте! А я еще подумала: как он хорошо говорит и все так хорошо понимает – конечно, такой вечер надо делать на

общеинститутском уровне, и только на общеинститутском!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Так. Ну, все. Вопрос ясен. Вот мы наконец и добрались до основного – кто вешал объявление. И теперь…

ЭРА. Ну вешайте меня теперь! Я ни от чего не отказываюсь… Ешьте меня с маслом, кушайте на здоровье! Убивайте, снимайте с работы, выгоняйте на улицу! Только за что? За то, что я его пригласила? (*Плачет*.)

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*переглядывается со Стасиком*). Погодите, погодите, Эра Георгиевна… Вас, по-моему, никто пока не увольняет с работы – что вы так нервничаете?

ЭРА. Нервничаете вы, а не я. У меня все согласовано, у меня все, все… (*Утирает слезы*.)

Пауза.

СТАСИК. Простите, а в плане это выступление где-нибудь записано? Есть оно в плане?

ЭРА. В к-ка-аком пла-ане? (*Всхлипывает*.)

СТАСИК. Ну, в плане культработы? Есть у вас такой план?

ЭРА. Есть, конечно.

СТАСИК. И что? В нем записано выступление этого блатного артиста?

ЭРА. Нет, выступление этого Поэта у нас, в нашем плане, не запланировано. Потому что… его просто нельзя… нельзя заранее запла…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*тихо, но со значением*). Так. А

знаете ли вы, что проводить внеплановые мероприятия нам категорически… не рекомендовано? Знаете, с чего все начинается? С проведения внеплановых мероприятий.

Пауза.

ЭРА (*пытается говорить спокойно*). Станислав Сергеевич, скажите, только честно…

СТАСИК. Насчет чего?

ЭРА. Вы мне кивали?

СТАСИК. Ну, кивал. Может, у меня привычка такая – кивать. Я киваю, но это еще ничего не значит. Я киваю, но часто бываю при этом внутренне не согласен.

ЭРА. Ах, внутренне? Так, когда вы мне кивали, вы что – были против или вы не были против?

СТАСИК. Я против никогда не бываю. Повторяю: внутренне я могу с чем-то не соглашаться. Но… против я лично никогда не бываю.

ЭРА. Значит, вы не были против?! Прекрасно! Вот, нашелся наконец один честный человек, настоящий мужчина, который разделит со мной ответственность! Он дважды признался: в том, что кивал, признался, и в том, что против не был… Значит, он был за, верно?

СТАСИК. Неверно! Эра Георгиевна, милая, вы как-то странно ставите вопрос… Я, конечно, не был против, чтобы вы пригласили в нашу контору, но… так же честно признайтесь теперь и вы! Я не был особенно и за.

ЭРА. Как так?

СТАСИК. А так. Мне лично Окуджава больше нравится.

ЭРА. Хорошо. Я вам киваю. В следующем месяце я приглашу лично вам Окуджаву!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Погодите, погодите, Эра Георгиевна! Вам дай волю, вы еще и… и…

ЭРА. Кого? Ну, кого вы хотите, чтобы я в нашу контору пригласила? Я тут же приглашу! Всех завтра же приглашу! Софронова? Кочетова? Пожалуйста, хоть завтра! А сегодня дайте Высоцкого пригласить! Один раз! Дайте! Ну дайте! Ну что вам стоит? Ну хотите, я перед вами на колени встану?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Успокойтесь, Эра Георгиевна, вставать на колени вам не надо. Я тоже мог бы вас о чем-то просить. Я тоже мог бы перед вами стать на колени.

ЭРА. Мог бы? Так встаньте! Встаньте!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Когда нужно будет – и попрошу, и встану, но сейчас… Сейчас не об этом речь. Сейчас речь о том, что… (*Твердым голосом.*) Этот, с позволения сказать, поэт с блатной гитарой, вышедший чуть ли не вчера из Таганской тюрьмы или еще неизвестно откуда… на нашу голову… Этот поэт у вас не стоит в плане, вы понимаете?

Эра снова рыдает, даже воет.

Хорошо. Не будем вешать ярлыки. Хотя идеологическая диверсия применяет новейшие технические средства и не брезгует ничем, включая магнитофоны. Скажем иначе… То, что вы вне плана, – это знаете как называется?

ЭРА. Как?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*делает большие глаза*). Частной инициативой, вот как!

ЭРА. Не понимаю.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что такое этот концерт? Это чистая частная инициатива нашей Эры Георгиевны… Она что хочет, то и делает, а мы ей только киваем! Но государственные интересы с такими действиями не совпадают. Мы не лавочка какая-нибудь, не частная фирма. И вы нам свои фокусы не навязывайте! Я вам твердо заявляю: никакой частной инициативы здесь не будет. Не будет! Раз в плане нет!

ЭРА. Но я же вам говорю… Я вам говорю, товарищи, вы что… Я же вам говорю: этот концерт не мог быть в плане! Высоцкий очень занятый артист, у него Таганка, кино…

СТАСИК. А на телевидении его нет. На телевидение его не пускают!

ЭРА. Тем хуже для телевидения! Он Поэт, понимаете?!

СТАСИК. Поэт, а в Союзе писателей его нет. Нет его в списках Союза писателей!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Поэты с гитарами… только, знаешь, где бывают?

ЭРА. Уверяю вас, что есть еще у нас люди, которые именно так и думают: мол, если он в Союзе писателей не состоит…

СТАСИК. Окуджава, между прочим, состоит.

ЭРА. И слава богу… А Пушкин и Толстой не состояли – и

что с того? Я о другом вам хочу… Он очень занят, очень, его на части рвут такие же, как мы, организации, с ним невозможно договориться заранее, за полгода, а тут так вышло, так повезло… У моей сестры муж, а у мужа приятель – его приятель, и он с ним позавчера договорился на сегодня…

А я с вами заранее согласовала все… И он согласился! Он к нам сейчас уже едет. Вы понимаете, для нашей конторы это счастье! Для нашей шараги это нечто! Нам с вами так повезло! И я срочно стала писать объявление! Я хотела как лучше! Чтобы побыстрее, пооперативнее, чтобы можно было билеты успеть продать. (*В ужасе, что проговорилась, закрывает ладошкой рот.*)

Пауза.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Как – продать? Вы что, продаете на этот концерт билеты?

ЭРА (*неожиданно атакует, ибо терять ей нечего*). А вы что, Игорь Николаевич, здесь сидите и работаете за бесплатно?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Но я получаю законным путем, а вы как собираетесь ему платить?

ЭРА. И мы законным. Оформим как-нибудь. (*Кивает на Стасика.*) Если профком захочет, он все может.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Да вы с ума сошли! Нас всех завтра посадят, всех!

СТАСИК. И вот там, в тюрьме Таганской, мы и запоем его песни.

ЭРА. Зачем для этого садиться в тюрьму, если есть возможность его на свободе послушать!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Да, частная лавочка! Абсолютно частное предприятие! Дожили! Гитарист управляет страной!

Пауза.

СТАСИК. У меня деловое предложение. Пусть Высоцкий приедет, но не поет.

ЭРА. Как не поет? Почему?

СТАСИК. Потому что у нас микрофон сломался. Может у нас микрофон сломаться? Если нужно.

ЭРА. У нас даже потолок, если нужно, упадет на мою голову. Но что же он будет делать, если не петь?

СТАСИК. Пусть стихи почитает. Есенина, монолог Хлопуши. Из «Гамлета» что-нибудь… О своей работе в кино пусть чего-нибудь расскажет. Смешные истории. У всех популярных артистов есть какая-нибудь своя смешная история: как кирпич на голову упал, как во время съемок кто-то лишнего выпил и кукурузное поле сжег… Я сам такое недавно слышал.

ЭРА (*твердо*). Но я договорилась, что он будет петь. Петь под гитару.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Как договорились, так можно и передоговориться. А пока надо снять объявление. Сделайте, пожалуйста, это поскорее, Эра Георгиевна!

ЭРА. Вот вы, Игорь Николаевич, сами пойдите, сами пе-

редоговари-вайтесь, сами снимайте! А я посмотрю, и народ будет смотреть, как вы это все делать будете, хорошо?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Товарищ Гольдина, вы коммунист?

ЭРА. Нет.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. А я коммунист.

ЭРА. Ну и что?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. А то, что я из-за ваших песенок дурацких… своим партбилетом не буду рисковать. Снимите объявление!

ЭРА. Это какой-то ужас! (*Рыдает.*) Мы кто? Товарищи! Братья! Сестры! Мы что, не люди? Мы кто – рабы? Да? Мы рабы? Нет, вы не молчите, вы мне ответьте: мы самые настоящие рабы, да? Да? Да?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Эра Георгиевна!

ЭРА. Игорь Николаевич!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Стасик, ты тоже будешь отвечать! И Шурик! Все будем отвечать, я один не буду отвечать! Все будем!

Звонит белый телефон. Игорь Николаевич берет трубку.

Понял. Вас понял. Не надо снимать?

Пауза. Все застыли.

Зинаида Порфирьевна, это ваш совет или распоряжение? Очень хорошо, распоряжение. Ах, под мою ответственность? Понял, вас понял. Ваше распоряжение под мою ответственность. А кто вам звонил? Из КБ-9 возмущались? Ну

да, да, они и со мной так шутили. Шутники! Понял. Чтобы лишний раз не волновать народ. (*Кладет трубку*.) Вот так, товарищи! Снимать объявление не будем, чтобы лишний раз не волновать народ.

ЭРА (*шепотом*). Ура-ааа!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Но… Но! На объявлении мелким шрифтом надо сделать маленькую приписочку: «Концерт переносится». Это не мое, это предложение лично Зинаиды Порфирьевны. Во избежание скандала.

ЭРА (*потрясенно*). Да вы что?! Это же еще хуже! Это хуже, разве вы не понимаете?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Для нас теперь чем хуже, тем лучше! Пока не поздно, давайте перенесем концерт.

ЭРА. Как перенесем? На какое число перенесем?

СТАСИК. На неопределенное время. А там видно будет.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Я подчеркиваю: это не мое предложение. Это распоряжение вышестоящего органа.

ЭРА. Видно уже не будет. И слышно не будет. А народ хочет, между прочим, и увидеть, и услышать.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Эра Георгиевна, вы вообще соображаете, что вы говорите? Какой народ?

ЭРА. Наш народ.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*надувшись*). Товарищ Гольдина, не вам говорить от имени нашего народа.

Пауза. Эра Георгиевна встает, идет к двери.

ЭРА. Так… Хорошо… Я вас поняла. А от своего имени

я вам могу сказать? Так вот, суки вы все, скоты, и я с вами в ваши игры больше не играю! (*Убегает, хлопнув дверью*.)

Пауза.

СТАСИК. Зря вы с ней так, Игорь Николаевич.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ничего. Внеплановых мероприятий у нас не будет. Не допустим. Никаких.

Звонит телефон. Игорь Николаевич не берет трубку. Стасик выходит.

Входит Рита.

РИТА. Снова звонит ваша мадам. Просит шесть.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Оставь меня. Не соединяй.

РИТА. Запишите сразу восемь – я ей скажу, она перестанет звонить.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Хоть десять! А ты… Знаешь что, Ритуля, единственная просьба к тебе: не называй мою жену «мадам», мне это не слишком приятно.

РИТА. Ничего, потерпите, я же терплю…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Где Шурик?

РИТА. Я же сказала – ищут.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Из-под земли мне его достань. Найди, прошу, ради меня. Очень прошу!

РИТА. Очень-очень?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Обещала ведь!

РИТА. Обещанного три года ждут! (*Выходит*.)

Звонит белый телефон. На этот раз после некоторых раздумий трубка взята.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. У аппарата. Зинаида Порфирьевна, понял вас, понял… Я тоже считаю, что лучше снять объявление. Это вам Суслопаров посоветовал? А кто? Сам? Понял вас. Это распоряжение или рекомендация? Понял! Рекомендация, но под мою ответственность. Отлично вас понял. (*Кладет трубку.*)

РИТА. Так что мне людям сказать? Они там сидят, спрашивают, будет или не будет?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Рита, не превышай полномочий. Ритуля!

РИТА. Они еще утром меня начали терроризировать. Три отдела, пять цехов подряд звонят: правда или неправда? Еще объявление не висело, а они все знали! Рита, скажи! Рита, узнай! Я совсем обалдела! Ну и день!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Слава богу, еще не вечер!

Из приемной доносятся громкие голоса, шум… Дверь в кабинет распахивается, на сцену врываются Морозов, Ануфриев и Щеголев – молодые инженеры из КБ-9.

МОРОЗОВ. Игорь Николаевич?

АНУФРИЕВ. Нам надо с вами поговорить,

ЩЕГОЛЕВ. Если можно, откровенно.

Пауза.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Выйдите отсюда.

МОРОЗОВ. Что?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Я, кажется, вам четко и ясно сказал. Надо повторить?

АНУФРИЕВ (*с вызовом*). А ну повторите!

ЩЕГОЛЕВ (*грозно*). Повтори!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Рита, ты почему их сюда впустила?

РИТА. Они сами ворвались.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Значит, хулиганье. Значит, что, теперь милицию вызывать?

МОРОЗОВ. Вызывайте кого хотите!

АНУФРИЕВ. Делайте что хотите!

ЩЕГОЛЕВ. Мы отсюда не уйдем, пока от вас не услышим…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Для этого есть приемные часы. Запишитесь вон там на прием и…

МОРОЗОВ. Во-первых, мы не хулиганье! Во-вторых, мы…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Я уже все вам сказал. Выйдите отсюда. Не мешайте мне работать! Сейчас же!

АНУФРИЕВ. Он нас выгоняет! Безобразие!

ЩЕГОЛЕВ. Хамство!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Рита, выведи их из моего кабинета немедленно!

РИТА. Как? Как я их выведу?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Немедленно! Освободите кабинет!

РИТА. Три здоровых мужика прут вовсю – а что я, что я могу с ними сделать?!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Нет, в самом деле, кажется, беспрецедентный случай: придется мне самому вызывать милицию! Вы что, хотите по пятнадцать суток получить? Так я вам сделаю! Честное слово, сделаю! А ну, марш на свои рабочие места! (*Морозову*.) Как ваша фамилия? Откуда? Из какого отдела?

МОРОЗОВ. Не скажу!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*Ануфриеву*). А вы? Тоже инженер? Назовите себя!

АНУФРИЕВ. Вы еще нас узнаете!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*Щеголеву*). Ну, чего струсили? Боитесь себя назвать?

ЩЕГОЛЕВ. Иванов, Петров, Сидоров. Устраивает?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Долго я буду ждать? Вон отсюда! Вон! Во-ооон! По рабочим местам! (*Выталкивает инженеров из кабинета. За кулисами, то есть в приемной, шум продолжается.*) Ф-фу, черт, нервы сдают!

Пауза.

СТАСИК. Ошибка.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Какая ошибка?

СТАСИК. Нельзя так с ними разговаривать. Нельзя.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Все можно. Нельзя только штаны через голову надевать.

СТАСИК. Штаны устарели. Они теперь джинсы носят.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Джинсы и подавно нельзя. Тоже мне бунтари-протестанты! Щенки! Надо же, до чего об-

наглели! Врываются в кабинет!

СТАСИК. Будут последствия.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. И пусть будут. Я сумею объяснить.

Входит Рита, держа в руке бумажку.

РИТА. Игорь Николаевич, они записались к вам на прием (*Стасик выхватывает бумажку, читает*), но продолжают бушевать. Собираются звонить, жаловаться, что вы их обидели. Спрашивают телефон Зинаиды Порфирьевны. Давать или не давать?

СТАСИК. А давайте я с ними поговорю. Еще раз.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Как?

СТАСИК. Иначе. Я умею с такими…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. А я вот не умею! Я все же с отдыха, с корабля на бал, мне нельзя такие резкие колебания испытывать…

СТАСИК. Садитесь быстро сюда, за шкаф, и слушайте, как я с ними буду…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*недоверчиво*). Интересно, как?

СТАСИК. У меня своя метода. Проверено. (*Рите.*) Зови их сюда! Вежливо только зови!

Рита выходит. Игорь Николаевич прячется за шкаф. Стасик садится за стол в кресло Игоря Николаевича.

А вы не высовывайтесь и не падайте со стула в случае чего!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Да-да, я тихо!

СТАСИК. Тихо! Где у вас коньяк?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. В баре.

СТАСИК. Я понимаю, что в баре. А где бар?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*высовываясь*). В сейфе.

СТАСИК. Да не высовывайтесь, я же просил! Где сейф?

Но дверь уже открывается, снова входят инженеры Морозов, Щеголев и Ануфриев.

СТАСИК (*чрезвычайно вежливо и доброжелательно, встав из-за стола*). Проходите, товарищи! Милости прошу! Пожалуйста, пожалуйста!

Ошарашенные вежливостью инженеры мнутся у двери.

МОРОЗОВ. Мы на минутку. У нас короткий разговор.

СТАСИК. Ну почему же на минутку? Пожалуйста, пожалуйста…

ЩЕГОЛЕВ. А мы не с вами хотели… Нам с Игорем Николаевичем!

СТАСИК. Игоря Николаевича срочно вызвали в министерство. Он ушел только что через эту дверь по своей лестнице. Я за него.

АНУФРИЕВ. Да нет, нам бы еще раз лично с ним…

Стасик ищет бар, не находит, Игорь Николаевич высовывается из-за шкафа, показывая пальцем направление, и снова прячется.

СТАСИК. Гкхм… Я за него. Присаживайтесь, пожалуйста.

АНУФРИЕВ. Вы? А вы компетентны?

СТАСИК. Я уполномочен.

МОРОЗОВ. Он уполномочен.

ЩЕГОЛЕВ. Но не компетентен.

СТАСИК (*наконец находит бар в сейфе, открывает, достает оттуда рюмочки и недопитую бутылку коньяка*). Я уполномочен и компетентен. (*Расставляет рюмочки на служебном столе*.) Слушаю вас, товарищ Морозов. (*Наливает коньяк в рюмку.)*

МОРОЗОВ. Вы что, меня знаете?

СТАСИК. Конечно, конечно. И вас, и товарища Ануфриева. (*Наливает вторую рюмку*.)

АНУФРИЕВ. Мы из КБ-9, инженеры.

СТАСИК. И товарищ Щеглов?

ЩЕГОЛЕВ. Щеголев.

СТАСИК. Простите – Щеголев. (*Наливает третью рюмку*.)

ЩЕГОЛЕВ. Да, мы все оттуда.

СТАСИК. Очень приятно. И что же вас волнует? Какие у вас проблемы? (*Наливает себе рюмку коньяка*.)

МОРОЗОВ. У нас или у вас?

СТАСИК. Спрашивайте, ребятки, милые. На любой вопрос постараюсь. Но только не про то.

АНУФРИЕВ. Про что?

СТАСИК. Ну, не про это.

МОРОЗОВ. Про что «не про это»?

СТАСИК. Про то «про это», про что вы хотите меня спросить.

АНУФРИЕВ. Мы действительно хотели вас спросить…

СТАСИК. А чего спрашивать? Чего спрашивать? Вы же взрослые люди, неужели вы сами не понимаете?

ЩЕГОЛЕВ. Мы понимаем.

СТАСИК. Неужели вам не ясно?

МОРОЗОВ. Нам, представьте, не ясно.

СТАСИК. Так и нам не ясно. Если вам не ясно, то почему вы думаете, нам должно быть ясно?

АНУФРИЕВ. Что?

СТАСИК. Ничего.

АНУФРИЕВ. Нам тоже, представьте, ничего не ясно.

ЩЕГОЛЕВ. Но мы возмущены. Мы очень возмущены!

СТАСИК. И мы возмущены.

МОРОЗОВ. Мы просто слов не находим.

СТАСИК. Мы тоже. И мы тоже! Представьте!

МОРОЗОВ. Что?

СТАСИК. Но мы ищем! В отличие от вас, ребятки, мы не находим, но мы ищем!

ЩЕГОЛЕВ. Что?

СТАСИК. Ничего. Пока ничего. Но мы тоже хотим, поверьте, мы тоже очень и очень хотим. Мы возмущены и хотим.

АНУФРИЕВ. Чего вы хотите?

СТАСИК. Того же, чего и вы. Представьте.

ЩЕГОЛЕВ. Мы просто предупреждаем, что, если… если это не состоится…

СТАСИК. А вот этого не надо! Только не надо этого! Мы вас понимаем – почему же вы нас отказываетесь понять?

МОРОЗОВ. Мы не отказываемся. Мы просто…

СТАСИК. Простите, милые, а кто «мы»? Вас, ребятки, кто-то уполномочил?

МОРОЗОВ. Нет, нас никто не уполномочил.

СТАСИК. Тогда говорите только от своего имени, товарищ Морозов. А товарищ Ануфриев сам за себя скажет. Потом. Когда мы его спросим.

АНУФРИЕВ. Но…

ЩЕГОЛЕВ. Вы… то есть мы…

СТАСИК. А товарищ Щеглов…

ЩЕГОЛЕВ. Щеголев.

СТАСИК. Простите. Щеголев пусть пока помолчит. И до него дойдет очередь. В свое время.

Пауза.

МОРОЗОВ. Вообще-то что-то не то, не так… Вы все-таки нас неправильно, видимо, поняли.

СТАСИК. Я вас прекрасно понял. И даже более того – я с вами согласен.

АНУФРИЕВ. Вы согласны?

СТАСИК. Я согласен.

АНУФРИЕВ. С чем?

СТАСИК. Во всем.

ЩЕГОЛЕВ. И что?

СТАСИК. И ничего.

ЩЕГОЛЕВ. Ну как же так? Если вы с нами согласны…

СТАСИК. А вот так! Я вас понимаю и с вами согласен, а вы почему-то меня никак понять не можете. А ведь тут дураков нет. Вот скажите, только честно, я дурак? То есть произвожу лично я впечатление дурака? Только честно!

МОРОЗОВ. Честно?

СТАСИК. Да, только…

МОРОЗОВ. Ну, как вам сказать…

СТАСИК. Во-от! Вы компетентны в своем, я компетентен в своем. Вас никто не уполномочил, а меня уполномочили с вами поговорить. Вот мы с вами уже сколько времени говорим и друг друга вроде бы понимаем… Мы понимаем друг друга? Только откровенно?

АНУФРИЕВ. Честно?

СТАСИК. Да! Честно! Только честно! И откровенно!

АНУФРИЕВ. Если честно, то, по-моему, не очень!

СТАСИК. Это пока! Но мы же еще не договорили? Вот уверяю вас, когда мы закончим разговор, вы сами мне скажете, что мы отлично друг друга поняли! А почему? А потому, что иначе и быть у нас не может! Ведь вы компетентны в своем, а я – в своем. Я уполномочен в своем, а вы… Нет, простите, вы сами сказали, что вас никто не уполномочил? Это действительно так?

ЩЕГОЛЕВ. Что?

СТАСИК. Так, ничего, ребятки. Не хотите говорить – это ваше право. Тут я вас понимаю, хотя, если честно, с вами не согласен.

МОРОЗОВ. В чем?

СТАСИК. А ни в чем, если честно. Тем более если вас никто НЕ. Или все-таки **ДА?** Тогда честно признайтесь – кто? И я вас отпущу!

МОРОЗОВ. Вы – нас? Да это мы к вам пришли… Сами…

АНУФРИЕВ. Мы хотели…

СТАСИК. А вот этого не надо! Не надо этого!

ЩЕГОЛЕВ. Чего?

СТАСИК. Не надо вам хотеть того, чего не надо! Мой вам дружеский совет! А еще лучше – вам вообще не надо ничего хотеть. Если, конечно, вы еще хотите.

МОРОЗОВ. Спасибо. Мы уже не хотим.

СТАСИК. А почему?

МОРОЗОВ. Что почему?

СТАСИК. Почему вы сюда пришли? Только не надо мне отвечать! Я сам за вас отвечу. Вы пришли потому, что, вероятно, хотите знать.

АНУФРИЕВ. Не потому. Вовсе не потому. Совсем не потому.

СТАСИК. А почему?

АНУФРИЕВ. Что почему?

СТАСИК. Почему что?

АНУФРИЕВ. Это вы спрашиваете: почему?

СТАСИК. Э, нет, это вы спрашиваете, а я отвечаю!

МОРОЗОВ. Хорошо, тогда действительно ответьте нам: почему?

СТАСИК. Вы хотите знать?

ЩЕГОЛЕВ. Да! Да! Да! Мы! Хотим! Знать!

СТАСИК. Что?

МОРОЗОВ. Ваше отношение!

СТАСИК. А вы, ребятки, до сих пор не поняли, какое у нас к НЕМУ отношение?

ЩЕГОЛЕВ. Да! Мы не поняли, и мы хотим знать!

СТАСИК. А я вам, кажется, уже все объяснил!

АНУФРИЕВ. Ничего вы не объяснили! Это вам только кажется!

МОРОЗОВ. Да! У нас к вам вопрос…

АНУФРИЕВ. Два вопроса!

ЩЕГОЛЕВ. Нет, даже три! Три вопроса у нас к вам!

СТАСИК. А вот этого не надо! Не надо, ребятки, милые! Мой вам дружеский совет: не задавайте лишних вопросов! Никогда лишних вопросов никому не задавайте! Мой очень и очень дружеский совет…

МОРОЗОВ. Да это мы понимаем! Мы не про то…

СТАСИК. Если вы не про то, то и я не про это.

АНУФРИЕВ. Вы хотите сказать…

СТАСИК. Лично я ничего не хочу. Но если вы спрашиваете…

ЩЕГОЛЕВ. Да мы не спрашиваем! Мы только интересуемся…

СТАСИК. Не надо! И этого не надо! Мой вам совет… Милые… Интересуйтесь чем-нибудь другим, ребятки.

МОРОЗОВ. Чем?

СТАСИК. А ничем!

АНУФРИЕВ. Как это можно – ничем интересоваться?

СТАСИК. А так! Не берите в голову, и все!

ЩЕГОЛЕВ. Как так?

СТАСИК. А вот так. Объясняю: вот, к примеру, твоя голова. А ты в нее ничего не бери!

ЩЕГОЛЕВ. А-а, вот теперь понятно.

СТАСИК. Только теперь? Это ж надо было сколько разговаривать, чтобы понять!

МОРОЗОВ. Да мы поняли. Мы все еще раньше, чем к вам пришли, понимали.

СТАСИК. Логично. А зачем же тогда все же пришли?

АНУФРИЕВ. Поговорить.

СТАСИК. Ну? Поговорили? По-моему, мы с вами очень хорошо поговорили! Главное, логику найти! Вот мы с вами искали-искали – и, по-моему, очень многое в этом нашем разговоре нашли!

МОРОЗОВ. Да, спасибо большое.

СТАСИК. Да за что ж спасибо?

АНУФРИЕВ. Как за что? За откровенность! Вот с Игорем Николаевичем у нас почему-то не получился разговор.

А с вами…

ЩЕГОЛЕВ. С нами так никто, пожалуй, еще не разговаривал!

СТАСИК. Ну, и вам спасибо! Спасибо, что зашли!

Вежливо подталкивая, выпроваживает инженеров из кабинета.

Игорь Николаевич вылезает из-за шкафа.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ну, Стас, ты гигант! Гений!

СТАСИК. Методой надо владеть. Это современная, хорошо отлаженная метода. Между прочим, не наша, не отечественная. Это я у американских бизнесменов научился!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Браво! Книжку, что ли, какую переводную прочитал?

СТАСИК. Именно. Для служебного пользования. Отметка такая. «Секретно», значит. Не для всех, а только для наших бизнесменов.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Дашь почитать?

СТАСИК. Нет вопроса. Главная мысль мне там особенно понравилась.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Какая же?

СТАСИК. Если к бизнесмену приходит человек с просьбой, на которую он, посетитель, должен получить отказ, то задача бизнесмена сделать так, чтобы человек, получивший отказ, ушел от него воодушевленный, полный веры, что с ним поступили правильно, что они с бизнесменом делали сейчас общее дело!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Не знаю, как в других областях, а в этой мы Америку, считай, уж обогнали!

Дверь открывается, снова входят быстрым шагом Морозов, Ануфриев и Щеголев.

МОРОЗОВ (*удивленно*). Игорь Николаевич? Вы что, уже вернулись из министерства?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*смущенно*). Да, я вернулся. А вы что, уже поговорили?

АНУФРИЕВ. Да, поговорили, и очень хорошо, представьте.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Представляю.

ЩЕГОЛЕВ (*вынимая из-за спины бутылку*). Хотите выпить… с нами? А? Мы сбегали! Уже!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Да как-то неудобно… И потом – здесь, в моем кабинете!

СТАСИК. Удобно, удобно… Они хорошие ребятки! И главное – быстрые. Очень быстрые и милые. Мы друг друга хорошо, по-моему, поняли! Да и у нас ведь кое-что в запасе имеется! (*Раздает рюмочки с коньяком*.) Угощайтесь! Смелее, смелее… Ребятки, милые, смелей!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Рита, не впускай ко мне пять минут, слышишь? (*Смущенно*.) Тут у нас венгры на прошлой неделе были. Так мы их так хорошо принимали, так душевно – вот осталось немножко…

Все дружно чокаются, пьют.

Ну, хлопцы, добро! Чтоб вы на нас больше не обижались!

МОРОЗОВ. А вы – на нас! (*Глотает.*)

АНУФРИЕВ. Да мы на вас не обижаемся! (*Опрокидывает.*)

ЩЕГОЛЕВ. Чего на вас обижаться! (*Закусывает.*)

СТАСИК. Ну, чтоб не в последний раз вы сюда к нам заходили!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. От всей души, хлопцы, всегда рады с вами поговорить! Честно и откровенно!

СТАСИК. Да-да! Только честно!

Кланяются друг другу. Долго у двери жмут руки, после чего инженеры в прекрасном настроении покидают кабинет.

Входит Рита.

РИТА. Звонят из проходной. Там ваша мадам пришла, а с ней двенадцать человек. Чертова дюжина. Спрашивают: пропускать, не пропускать?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Никого не пропускать. Чертову дюжину – ко всем чертям. Мадам – не дам! Через мой труп! Вызвать конную милицию, танки, ракетные войска! Чтоб муха к нам не пролетела!

Звонят все телефоны, раздражающе пронзительно.

Тихо! Все по местам! Начинаем строить баррикады!

РИТА. К вам Махоня…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Опять просится?

РИТА. Нет, теперь уже ломится.

Вбегает Махоня.

МАХОНЯ. Все в порядке. Тавризян только что подписал реконструкцию. Я только что от министра. Они все сейчас придут к нам на концерт.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*в шоке*). Кто все?

МАХОНЯ. Тавризян, Веселкин и министр. Все вместе.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. То есть как?

МАХОНЯ. А вот так. Я их всех пригласил от вашего имени.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. От моего?

МАХОНЯ. Ну, и от своего, конечно! Я сказал им: если Тавризян подпишет сейчас проект, с меня причитается – я всех веду к нам на концерт Высоцкого. Не подпишет – не веду! И все! И нет проблем! Тавризян тут же подписал, министр меня поздравил, Веселкин зааплодировал! Они с Тавризяном пожали друг другу руки! Мир – дружба! Конец ядерной войне! Все в порядке – спасибо разрядке!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. И что… Тавризян не уезжает на свой симпозиум?

МАХОНЯ. Какой симпозиум? Вы что, смеетесь? Я и это устроил. У меня в Аэрофлоте есть знакомая девочка, которая все сделала, поменяла ему билет… На симпозиум он поедет завтра, раз такое дело, раз сегодня у нас такой концерт… Девочку на концерт я тоже пригласил, так что, если вам когда-нибудь что-нибудь нужно будет с авиабилетами… и с девочкой…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*тихо*). Что ты наделал, Махо-

ня?

МАХОНЯ. По закону Махони, по-моему, я сделал все что надо.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. И что не надо. Концерта не будет.

Пауза.

МАХОНЯ. У вас есть пистолет, Игорь Николаевич? Я хочу застрелиться.

СТАСИК. Зачем такие сложности? Пообедай в нашей столовой на седьмом этаже.

МАХОНЯ. Ладно… Что бы там ни было, а я пойду вниз встречать гостей. (*Выходит.*)

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Господи, дай мне дожить до завтра! Господи!

СТАСИК. Что вы там шепчете, Игорь Николаевич? Вы верите в Бога?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Я давно ни во что и ни в кого не верю. Но сегодня я молюсь.

Входит Рита, тянет за руку Шурика.

РИТА. Вот вам Шурик.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Где ты его нашла?

РИТА. В туалете спрятался. В женском. (*Уходит.*)

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ай-яй-яй, Шурик! Нехорошо. Неприлично.

ШУРИК. Все прилично, и все хорошо.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Неудобно…

ШУРИК. Неудобно только штаны через голову надевать.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Вот тут ты не прав. Всегда прав, а тут…

ШУРИК. Сказали бы, что я вам еще нужен, я бы не ушел. А вы не сказали.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что ж ты делал там?

ШУРИК. Что все, то и я. Что там еще можно делать? Ничего я там не делал. Я там курил.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Так долго? Ай-яй-яй, Шурик. Курить – здоровью вредить.

ШУРИК. «Кент», «Мальборо», «Уинстон». Эти сигареты не вредны, а даже полезны.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Так много?

ШУРИК. Короче, вам что-то надо от меня?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Н-не понял.

ШУРИК. Ну, вы искали меня и нашли. Значит, я вам зачем-то нужен.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Да, Шурик, ты нам нужен. Ты нам всегда нужен. Сколько мы тут будем сидеть, столько и ты тут будешь. Мы здесь – ты там. Мы в кабинете – ты в туалете. Мы в мужском – ты в женском…

ШУРИК. Короче, что я должен сделать?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. А вот это уже другой разговор, а то «отпадает, отпадает»…

ШУРИК. Короче… Вы говорите – я делаю. Договорились.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Надо убить одного человека.

ШУРИК. Пожалуйста. Кого?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Деловой разговор. Ценю. Обещаешь?

ШУРИК. Железно.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ну, это была шутка. Проверка слуха! На самом деле задача много проще…

ШУРИК. Слушаю вас.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Тогда вот что, и уже серьезно: вот тебе ключи от конференц-зала (*протягивает Шурику связку ключей*), пойди сейчас же к завхозу нашему, к дяде Феде, и проконтролируй: пусть он запрет все двери… не ты, а он. Только он! Слышишь, все двери – и в зал, и на сцену… Только быстро! И незаметно! Скажешь завхозу, что я… нет, что Станислав Сергеевич приказал! Только чтоб тебя никто не видел! Ты это умеешь – исчезать и испаряться! Так что давай действуй! И сразу ко мне. Железно?

ШУРИК. Запросто.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Нет, не так… Я могу быть спокоен?

ШУРИК. Можете.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Опять не так. Ты мне ответь: железно?

ШУРИК. Железно, железно. (*Уходит.*)

Входит Рита. Она очень взволнована.

РИТА. Что мне людям сказать? Игорек… (*Обнимает его,*

целует в лысину.) Теперь я прошу, ради меня… Игорь…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ничего не говори.

РИТА. Это раньше можно было ничего не говорить. Теперь другое время.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Время всегда одно – безвременье.

РИТА (*резко*). Это ты так считаешь. Потому что так живешь.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ну и как же я живу, по-твоему?

РИТА. Ни нашим ни вашим, ни здесь ни там, ни вчера, ни сегодня… Вне времени!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что ты болтаешь? С ума, что ли, сошла?

РИТА. А ведь я, дура, тебя любила. Вот так все проверяется! Я-то думала, ты только внешне карьерист, а на самом деле, в глубине души – порядочный человек! (*Плачет*.)

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что ты несешь, миленькая моя?

РИТА. Не зови меня «миленькая». Для тебя другие миленькие, не я! Хватит! Мадам свою зови «миленькая», а мне обрыдло, обрыдло, обрыд-ло… Я тебя сегодня распознала. Я тебе еще…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что ты меня пугаешь? Я пуганый!

РИТА. Пуганый, а боишься. Даже такой ерунды, как кон-

церт какого-то артиста таганского, ты боишься! Господи, когда же у нас этот страх пройдет? Когда? Но ведь мы не врагов боимся! Мы ведь того, что любим, без чего жить не можем, боимся! Мы правды боимся, жизни собственной боимся! Больше всего! И вот это страшнее всего!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. А ну прекрати истерику! В психушку захотела? Живо отправлю, будешь себя так распускать! Нервы, нервы, нервы, нервы… Черт знает что такое! Ты на работе! Запомни: все будет хорошо! Я сам сейчас пойду сниму объявление, сам объявлю людям, что концерт переносится, – и кончено с этим делом! Этот Высоцкий во где у меня!

РИТА. Послушай!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Нет, ты послушай, ты!

РИТА. Да не хочу слушать! Обрыдло слушать! Что, я себе другого начальника не найду? Вас вон сколько развелось, а на секретарш профессиональных дефицит, за нами очередь…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ну, мы как-нибудь иначе, без очереди…

РИТА. А жаль! Там много интересного можно о жизни узнать! А то сидите в своих креслах, хоть бы раз по улице пешком прошлись… В универсам, в больницу заглянули бы… Обувь в починку сдали! В Саратов тете холодильник медленным багажом отправили бы! А то хорошо устроились. Больницы у вас свои! Кассы – свои! Залы ожидания – свои!

Лестницы – свои! Буфеты – свои! Лифты – тоже… Туалеты и те свои – вон, при кабинетах понастроили! Хорошо живем!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что ты хочешь этим сказать?

РИТА. А то. К народу надо поближе быть! Ленин чему вас учил… Разве этому всему?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ты, Рита, это… того… Закрой рот! А то ведь я терплю, терплю, а могу и…

РИТА. Боитесь вы правды! Ох, боитесь! А Ленин, между прочим…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Во дает моя секретарша! Где это ты нахваталась?

РИТА. Как где? У нас же после работы… Вечерний университет марксизма! Вы же сами меня обязали посещать! Попробуй я хоть одно занятие пропусти – вы же сами с меня голову долой!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Да-а, образованные стали, развязали языки, понахватались, уверенность приобрели… Вот времечко-то! Секретарша, девчоночка моя, меня Лениным поучает! Обалдеть можно! А раньше? Раньше, когда протекала крыша, ругали домоуправа. Теперь – советскую власть, дескать, она во всем виновата! А я знаю, кто виноват! Знаю!

РИТА. Кто же?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Да вот эти горлопаны с гитарами! Они вас развращают! Они в вас уверенность вселяют, будто все теперь можно вслух!

РИТА. Не лучше ли, чем виноватых искать, крышу починить?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*не слушая*). Распелись, паразиты! Наслушались этих песенок! И давай разрушать! А создать – ничего!

РИТА. Неправда! И на целине его любят, и в Сибири поют, и в Магадане, и в Тбилиси! Да что Тбилиси! У меня дядька моряк, двадцать семь лет во флоте, седой весь, рассказывает: когда в Бомбее его голос в порту услышали – плакать захотелось! И заплакали мужики! Потому что он – Родина, усек? Не ты, не я, а он, усек?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Вот этого как раз не усек!

РИТА. Усек-усек! Только вид делаете, что не понимаете… Мол, вроде бы он есть, а на самом деле этого явления нет! А народ его уже давным-давно принял!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Как принял? Куда?

РИТА. К сердцу своему! Есть такое вещество – сердце называется! Вам не понять, как оно работает! Вот дядька мой, уж на что морской волк, двадцать семь лет во флоте…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. А и он плакал в Бомбее! Это я уже слышал! Это ты уже рассказывала!

РИТА. Полезно еще раз послушать! Чтобы вдуматься!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Во что, прости?

РИТА. В явление это.

Пауза. Телефонные звонки. Игорь Николаевич не берет трубку.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. В явление? Надо же, и это словечко вплели! Раньше «явление Христа народу» – так говорили! Теперь – здрасьте! Вы, кажется, себе нового Христа ищете? Да только не Христос он вовсе, а дьявол хрипатый! Народ его принял, говоришь? А ты знаешь, девочка, сколько он сам принял перед тем концертом?! Алкоголик несчастный! Родина, говоришь? Не надо, только не надо про Родину! Это святое! А он…

РИТА. Что он?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Да на этой колдунье женился, чтобы только в Париж ездить! Вот и вся тебе тут Родина!

Пауза.

РИТА. А вы?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что?

РИТА. Где вы свой отпуск проводили? Откуда вчера со своей мадам приехали?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Я в круизе был. Вокруг Европы. Ну и что?

РИТА. Кажется, восемь стран объездили?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Девять. И что?

РИТА. И что – вам можно, а ему нельзя?

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Я за свои, между прочим, бабки поехал.

РИТА. А я вот не поехала. И тоже за свои.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. И, между прочим, немалые бабки! Большие бабки!

РИТА. Вот и раскрылись! Привыкли все на деньги считать! А если это…

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Что?

РИТА. Любовь, вот что! Э, вам этого не понять!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Где уж нам!

РИТА. Да, тут вам придется покумекать! Миллионы его приняли! А что с ним делать – этого вы пока не решили. Не готовы!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Ошибаешься, девочка. С этим парнем в скором времени будет решен вопрос, будет!

РИТА. Ну да? Только ведь за всякое решение вопроса и ответ придется держать.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Перед кем? Перед тобой, что ли?

РИТА. А вот это явление комчванством раньше называлось. Раньше за такое судили, из партии исключали…

Пауза.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Так. Вечерний университет марксизма можешь не посещать. Скажешь, я тебя освободил. Лично.

Неожиданно издалека слышатся аплодисменты и голос Владимира Высоцкого. Он начинает что-то говорить в микрофон.

Это что такое? Как понять? Шурик разве не взял ключ?

РИТА. Концерт начался. Меня попросили задержать тебя здесь, чтобы ты раньше времени ничего не узнал. На про-

ходной сейчас никого нет – все в зале.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. А ключ? Разве Шурик не взял ключ?

РИТА. Ключ от конференц-зала ему завхоз не дал, дядя Федя… Я, говорит, сам никогда его живьем не видел – хочу посмотреть, какой он из себя, Высоцкий! И впустил людей.

Пауза. Снова голос Высоцкого. Смех зрительного зала.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Та-ак… Кто я туг? Никто? Меня что, уже нет здесь, да?

Звонит телефон.

У аппарата. Понял вас. Вас понял. Разрешаете разрешить? Не надо переносить?! Хорошо, не будем. Значит, можно? Во избежание скандала? Сделаем. Все будет в порядке. (*Кладет трубку.*) Вот так. Можно, оказывается. С самого начала было можно. Под мою ответственность.

Голос Высоцкого слышится чуть громче. Аплодисменты.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Рита, устал я. Домой поеду сейчас. Машину только вызови мне.

РИТА. Не будет вам сегодня машины, Игорь Николаевич. Я машину отдала вашу.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Кому?

РИТА. Высоцкому. Пока вы тут судили-рядили, его на ней привезли сюда, на ней и отвезут.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Как так? Распоряжаешься моей машиной?

РИТА. Эра Георгиевна еще утром сегодня мне говорит:

«Ритка, выручай – если машина наша за ним поедет, его привезут. Гарантия. А так он может не приехать. Мало ли что? А так – гарантия!»

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*устало*). А ты что?

РИТА. А я ей: а как же Игорь Николаевич? А она мне: да пошел он, твой Игорь Николаевич… Там народ Высоцкого ждет! Кто для тебя дороже?

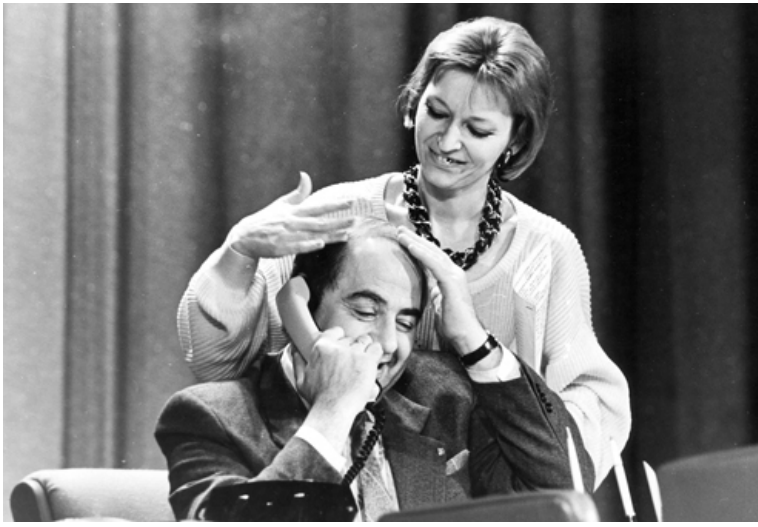
ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (*горестно*). Ну вот, благодарность. Ах, Рита, Ри-туля… (*Вдруг оживившись.*) А ведь это я вам пробил этот концерт! Лично я! (*Махнув рукой.*) Ладно, не надо машины. Пойду пешком.

Слышны аплодисменты. Голос Высоцкого исполняет «Баньку». Игорь Николаевич понуро сидит в кресле. Медленно меркнет свет.

КОНЕЦ



Рита – Ирина Морозова, Игорь Николаевич – Андрей Молотков



Рита – Галина Борисова, Игорь Николаевич – Владимир Долинский



Игорь Николаевич – Андрей Молотков

Раздевалка

Комедия из спортивной жизни
1990

Действующие лица:

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ГУРЬЯНОВ, старший тренер

ЕВГЕНИЙ (ЖЕНЕЧКА) ЛАРКИН, врач-психолог

АНАТОЛИЙ БОРИСОВИЧ ШАРОВСКИЙ, начальник команды

САША КУБАРЕВ, хоккеист

ИГОРЬ ХОХЛОВ, второй тренер

БОБ КЭПЛУН, канадский хоккеист

ЭЛИЗАБЕТ КЕЛЛИ, невеста Боба

Действие происходит в середине 1970-х годов.

До начала слышна мелодия песни А. Пахмутовой «Трус не играет в хоккей».

Раздевалка хоккеистов во Дворце спорта «Колизеум». Разбросанные по креслам и полу детали хоккейной униформы, клюшки, полотенца…

Двери, ведущие на лед, полуоткрыты – виден борт хоккейного поля, за которым иногда мелькают тени игроков…

Идет тренировка перед вечерней игрой: с арены слышны гулкие восклицания, скрежет коньков, удары о борт, щелчки, разгоряченное дыхание…

По радио транслируют хоккейный матч.

ГОЛОС КОММЕНТАТОРА: Говорит и показывает Джексонвилл! Говорит и показывает Джексонвилл! Мы находимся в раздевалке команды наших хоккеистов, совершающих большое спортивное турне по городам Америки и Канады. Через несколько часов здесь, в «Колизеуме», наши хоккеисты встретятся в очередном матче с «Джексонвиллскими пантерами», а пока наши ребята на предматчевой тренировке…

Женечка входит в раздевалку, садится в кресло, слушает. Появляется Гурьянов, вытирается полотенцем.

ЖЕНЕЧКА. Слышь, Михалыч, обо мне только что на весь мир вещали.

ГУРЬЯНОВ. Представляю себе. (*Смеется.)*

ЖЕНЕЧКА. Большая Земля пожелала большого успеха.

ГУРЬЯНОВ. Знаешь, что я тебе скажу? Лучше бы они нам ни пуха ни пера пожелали – можно было бы их к черту послать!

ЖЕНЕЧКА. Это точно.

ГУРЬЯНОВ. Ну что, чайку?

ЖЕНЕЧКА. Чайку. *(Наливает чай из термоса.)*

ГУРЬЯНОВ. Ну, неси прессу.

ЖЕНЕЧКА. Ой, куда это я ее дел? *(Вынимает газету.)*

Все отклики исключительно в восторженных тонах. *(Гурьянов тянется к вазе с конфетами.)* Э-э-э, не надо! Это не конфеты. Это так, вроде витаминов. Для тонуса.

ГУРЬЯНОВ. Что-что?

ЖЕНЕЧКА. Для тонуса. Витамины.

ГУРЬЯНОВ *(резко ставит чашку с чаем на стол).* Значит, так: я тебя знаю не первый год. Я вот этого не видел, понял? Ты мне ничего не говорил. Понял?

ЖЕНЕЧКА. Понял.

ГУРЬЯНОВ. Убери это.

ЖЕНЕЧКА. Все. Видел, не видел – ничего нет! *(Ставит вазу под стол.)*

ГУРЬЯНОВ. Давай дальше.

ЖЕНЕЧКА *(читает).* Вот заголовок: «Русский лис против Джексон-виллских пантер». Между прочим, лис – это ты.

ГУРЬЯНОВ. Ладно, не подлизывайся. О ребятах что пишут?

ЖЕНЕЧКА. Упоминают Ахтырского и Кубарева. У Кубарева отмечают мощный бросок от синей линии. А вот третью тройку в расчет не берут.

ГУРЬЯНОВ. Прекрасно. Знаешь, о чем я сейчас подумал?

ЖЕНЕЧКА. Да?

ГУРЬЯНОВ. Слушай, может нам Кубарева в третью тройку поставить?

ЖЕНЕЧКА. Так… А Кочепыгу в первую?

ГУРЬЯНОВ. О Кочепыге есть что-нибудь?

ЖЕНЕЧКА. Да нет, там ни слова о Кочепыге, как будто у нас вообще нет Кочепыги.

ГУРЬЯНОВ. Правильно! Он же их в пятницу мотал, как детей, вот поэтому ничего и не пишут. Понял? Вот так. Слушай, Жень, а у них ведь такого игрока, как Кубарик, нет.

ЖЕНЕЧКА. Точно, нет.

ГУРЬЯНОВ. Сегодня третья тройка решит исход матча.

ЖЕНЕЧКА. Ох ты, удивляюсь я на тебя, Михалыч! Другие тренеры месяцами план вынашивают. А у тебя – раз, бац – в один миг, как импровизация!

ГУРЬЯНОВ *(смотрит на игроков через дверь)*. Толик, давай! Вот так!

ЖЕНЕЧКА. Потом будут говорить о стратегии Гурьянова, книжки, статьи про тебя писать.

ГУРЬЯНОВ. Все правильно. А знаешь почему?

ЖЕНЕЧКА. Почему?

ГУРЬЯНОВ. Да потому что не знают, что такое хоккей.

ЖЕНЕЧКА. А чего там? Хоккей есть хоккей.

ГУРЬЯНОВ. Хоккей – это игра. Понял?

ЖЕНЕЧКА. Понял.

ГУРЬЯНОВ. Вот так. А в игру что надо делать?

ЖЕНЕЧКА. Играть… Так, Михалыч, все же и играют?

ГУРЬЯНОВ. Все… Все, да не все!

ЖЕНЕЧКА. Стоп! Застряли. *(Тоже подходит к двери,*

смотрит на игроков.) Кого конкретно ты имеешь в виду?

ГУРЬЯНОВ. А то ты не знаешь, кого я имею в виду!

ЖЕНЕЧКА. Знаю, Михалыч, знаю.

ГУРЬЯНОВ. Вот так-то.

ЖЕНЕЧКА. Знаю, сам виноват. Сам себе второго тренера выбирал. Сам говорил: «Сегодня наука и большой спорт смыкаются». Сомкнулись. Второй тренер – кандидат наук!

ЖЕНЕЧКА. Эх, придется тебе расхлебывать с ним…

ГУРЬЯНОВ. Да кто же знал, что он интриговать-то будет? Я думал: молодой, здоровый…

ЖЕНЕЧКА. Вот посмотришь, он приедет в Москву, защитит кандидатскую и…

ГУРЬЯНОВ. Что и? Ну, что и? На мое место, что ли, метит?

ЖЕНЕЧКА. Самый первый кандидат, чего там… Эх, Михалыч, сам ты себе с ним яму вырыл.

ГУРЬЯНОВ. Погоди, погоди. Рано говорить еще.

ЖЕНЕЧКА. Да сколько раз я тебе говорил! Они с Шаровским каждый день по углам шушукаются.

ГУРЬЯНОВ. Ну и что?

ЖЕНЕЧКА. Да Шаровский же во всем за него!

ГУРЬЯНОВ. И что?

ЖЕНЕЧКА. А в Москве, в Комитете, между прочим, у Шаровского все свои люди.

ГУРЬЯНОВ. Знаешь, что я тебе скажу? У меня в Комитете тоже не все чужие. Правда, только в Спорткомитете.

(Смеется.)

ЖЕНЕЧКА. Михалыч, знаешь, кто ты? Ты последний романтик хоккея!

ГУРЬЯНОВ. Жень, запомни накрепко: я первый, и всегда был первым.

ЖЕНЕЧКА. Компромисс – первый и последний. Идет?

ГУРЬЯНОВ. Идет!

Входит Шаровский.

ШАРОВСКИЙ. Здорово, здорово. А где этот?

ГУРЬЯНОВ. Кубарик, что ли? В коробке, где ж ему быть?

ШАРОВСКИЙ *(подходит к двери на лед).* Вот, вот что делает, сволота! Слушай, он у тебя что, верующий?

ГУРЬЯНОВ. Не понял.

ШАРОВСКИЙ. Вот и я не понял. И я не понял. А Кувшинников из Москвы по телефону так и спросил: «Он у тебя что, верующий?». А я ему: «А с чего вы взяли?» А он говорит: «А что у него тогда на шее висит?» Оказывается, Кубарева на последнем матче раз шесть крупняком по телеку показывали, а у него на шее маленький такой золотой крестик висит!

ГУРЬЯНОВ. Ну, висит, висит. Ну и что?

ШАРОВСКИЙ. Ты что, не соображаешь? Советский спортсмен, и вдруг с крестом, а?

ГУРЬЯНОВ. А-а.

ШАРОВСКИЙ. Это… это же подлянка! Это же нату-

ральная политическая провокация! *(В ужасе ощупывает карманы.)* Так. Загранпаспорт… Декларация…

ГУРЬЯНОВ. Суточные!

ШАРОВСКИЙ. Суточные…

Все смеются.

Наши операторы бы в жизни такого не сделали. А эти, конечно, – реклама! А на хрена нам с вами такая реклама?

ГУРЬЯНОВ. Ну, а что делать-то будем, Борисыч?

ШАРОВСКИЙ. А?

ГУРЬЯНОВ. Делать что будем?

ШАРОВСКИЙ. Как что? Ничего. С Кубарева снять крест – и все дела.

ГУРЬЯНОВ. Ну и правильно.

ЖЕНЕЧКА. Правильно.

ГУРЬЯНОВ. Так, ну я в коробку, а ты поговори с ним при случае.

ШАРОВСКИЙ. Я что-то не понял. Не усек. Это не я с ним поговори, это ты с ним поговори.

ГУРЬЯНОВ. Я же тренер.

ЖЕНЕЧКА. Старший!

ГУРЬЯНОВ. Вот!

ШАРОВСКИЙ. А я начальник команды! Я вроде руководитель нашей спортивной делегации. Вроде как твое непосредственное начальство. И я вроде как тебе приказываю, а? *(Смеется.)*

ГУРЬЯНОВ *(Женечке)*. А что смеешься? Начальник!

ЖЕНЕЧКА. Начальник.

ГУРЬЯНОВ. Ладно, поговорю. Слушай, Борисыч, у меня такой вопрос…

ШАРОВСКИЙ. Слушай, Михалыч, ну ты морду воротишь, а почему я должен за вас получать?

ГУРЬЯНОВ. Все. Не должен, не должен.

ШАРОВСКИЙ. Ну ты турок какой-то. Это наше общее дело! Мне за это, знаешь, что будет? *(Уходит.)*

ГУРЬЯНОВ. Да уйди ты наконец! *(Подходит к двери в коробку.)*

ЖЕНЕЧКА. Вот жлоб! Самый настоящий жлоб. Другого слова просто найти не могу.

ГУРЬЯНОВ. Женя!

ЖЕНЕЧКА. Что, Михалыч?

ГУРЬЯНОВ. Женечка…

ЖЕНЕЧКА. Что же вы так? Женечка, Женечка… Как в команде что-то начинается, каждый раз – Женечка!

ГУРЬЯНОВ. Сядь, сядь! Ты кто? Ты врач-психолог?

ЖЕНЕЧКА. Да! Я врач-психолог. Да он меня не послушает! Он тебя послушает! Как старшего тренера.

ГУРЬЯНОВ. Хочешь, я тебе вопрос задам?

ЖЕНЕЧКА. Хочу.

ГУРЬЯНОВ. Уверен, что ответишь?

ЖЕНЕЧКА. Да, да!

ГУРЬЯНОВ. Вот скажи: а на хрена мне в команде врач-психолог? Тоже мне профессия – врач. Да еще психолог!

ЖЕНЕЧКА. Да ты что такое говоришь? Врач-психолог – это… это… диагностика, проблемы общения, да мало ли проблем! Да врач-психолог – это врач-психолог!

ГУРЬЯНОВ. Все, да? Хочешь, я тебе отвечу?

ЖЕНЕЧКА. Ответь!

ГУРЬЯНОВ. Иди сюда! *(На ухо.)* Чтобы на халяву с нами за границу мотаться! Вот так!

ЖЕНЕЧКА. Удар ниже пояса! Ну, послушай, Михалыч, это же воспитательная работа…

ГУРЬЯНОВ. Иди, зови. Иди.

ЖЕНЕЧКА. Нет, послушай, это же…

ГУРЬЯНОВ. Иди, я сказал! Зови его!

ЖЕНЕЧКА. Кубарев, тебя старший тренер зовет!

КУБАРЕВ *(входит в хоккейной форме, на коньках)*. Чего?

ГУРЬЯНОВ. Ну ты сперва вдохни, выдохни. Отдышись!

КУБАРЕВ. Ага. *(Приседает.)*

ГУРЬЯНОВ. Отдышался? Ну, а теперь скажи, ты что, у нас, верующий, что ли?

КУБАРЕВ. Я что-то недопонял.

ЖЕНЕЧКА. Да все он допонял. Я с ним дважды на эту тему беседовал, и он дважды…

КУБАРЕВ. Чего дважды? *(Наступает на Женечку.)*

ЖЕНЕЧКА. И дважды, между прочим, он меня послал.

КУБАРЕВ. Куда это я тебя послал?

ЖЕНЕЧКА. Тихо, тихо!

КУБАРЕВ. Куда я тебя послал?

ЖЕНЕЧКА. А туда, куда ты меня посылать не имел права, потому что я человек седой и вдвое старше тебя!

ГУРЬЯНОВ. Ладно, это я и без тебя знаю, куда он тебя мог послать. А вот на мой вопрос тебе придется ответить!

КУБАРЕВ. Да я вопроса-то недопонял.

ЖЕНЕЧКА. Нет, Сашенька, ты ответь, ты должен ответить Николаю Михайловичу. Вот ты кто – верующий или кто?

КУБАРЕВ. Не понял.

ЖЕНЕЧКА. Хорошо. Ты кто – хоккеист или кто?

КУБАРЕВ. Я хоккеист. А вот ты кто?

ЖЕНЕЧКА *(вскакивая с дивана)*. Тихо-тихо-тихо! Ты кто – хоккеист-атеист или хоккеист-верующий?

КУБАРЕВ. Что ты ко мне пристал, а?

ГУРЬЯНОВ. Погоди, погоди. Он тебя спрашивает о том же, о чем я спрашиваю.

КУБАРЕВ. В чем дело?

ЖЕНЕЧКА. А дело в том, Сашенька, что когда вы неделю тому назад играли в этом американском городе… ну, как его там… южный такой, с пальмами… *(смотрит на этикетку своей кофты)* Сан-Франциско! А потом переехали в другой американский город – черный такой, с трубами… как его… во – Детройт! Я заметил…

КУБАРЕВ. Что ты заметил?

ЖЕНЕЧКА. Да что я заметил – Шаровский, между про-

чим, заметил и сделал мне втык… замечание!

КУБАРЕВ. Да что ты заметил, что ты заметил?

ЖЕНЕЧКА. Я тебе сказал, прекрати хамить!

КУБАРЕВ. Ну что вы заметили?

ЖЕНЕЧКА. Так вот, я заметил, что на шее у Кубарева висит… Да что же это у нас за разговор такой беспредметный! Ну почему я должен все это объяснять! Так вот, Саша, возьми и покажи, что у тебя висит!

КУБАРЕВ. Чего?

ЖЕНЕЧКА. А вот то, что у тебя висит!

КУБАРЕВ. Да что, что показать?

ЖЕНЕЧКА. А, ты стесняешься показать!

КУБАРЕВ. Да что сразу «стесняешься», «стесняешься»! Я не стесняюсь.

ЖЕНЕЧКА. Ну, тогда возьми и покажи!

КУБАРЕВ. А что показывать, ты же видел.

ЖЕНЕЧКА. Да… Да, я-то видел, и Шаровский видел и мне замечание сделал… А я ему: где, что? А он: да вон там… А я ему: где, где? Под дурачка работаю, мол, сам не вижу ничего… А он мне: так вот, говорит, чтоб на следующей игре ничего не висело – так и сказал! Вот я вам его мнение передаю! И шепотом таким зловещим добавил: мы, говорит, не дома, а за границей, между прочим… и тут на нас смотрят не просто как на хоккеистов, а как на представителей страны Советов… И если каждый представитель страны Советов будет в таком виде появляться перед зарубежным зрителем…

ГУРЬЯНОВ. Кстати, сегодня на игру посол придет…

ЖЕНЕЧКА. С супругой! И если каждый хоккеист будет появляться в таком виде, то что будет?

КУБАРЕВ. Что будет?

ЖЕНЕЧКА. Плохо, милый мой, будет, всем нам будет плохо!

КУБАРЕВ. Кому какое дело, что я на шею повесил?

ЖЕНЕЧКА. Сашенька, ты пойми, мы ведь не дома. Дома вешай что хочешь. А здесь, пойми, на нас смотрят.

КУБАРЕВ. А дома что, не смотрят?

ЖЕНЕЧКА. Дома тоже смотрят, но по-другому… Дома другими глазами смотрят. А здесь… Здесь посол тебя может увидеть… Здесь тебя по телеку могут крупным планом показать… Во!

КУБАРЕВ. Ну и что… Ничего особенного, ничего такого.

ЖЕНЕЧКА. Николай Михайлович, ну объясните вы ему! Я уже не могу, я выдохся.

ГУРЬЯНОВ. Да чего объяснять?! Я лично ничего объяснять не буду. Я могу только приказ отдать.

КУБАРЕВ. Какой приказ?

ГУРЬЯНОВ. Снять крест – и все дела.

КУБАРЕВ *(резко)*. А я не сниму.

ГУРЬЯНОВ. Ты что же это, моему приказу, что ли, не подчинишься?

КУБАРЕВ. Можно, я на лед пойду?

ГУРЬЯНОВ. Вернись! Сядь, Саша, сядь. Ты вот что, Саша, ты вот что, дорогой… Ты давай не трепи-ка нервы ни себе, ни мне. Ты что, хочешь неприятностей?

КУБАРЕВ. Ничего я не хочу.

ГУРЬЯНОВ. Вот и молодец! Давай, сними…

КУБАРЕВ. Не сниму.

ГУРЬЯНОВ. А я сказал – сними!

КУБАРЕВ. Не сниму я.

ГУРЬЯНОВ. Саша, я тебе в последний раз говорю, я по-хорошему с тобой пока…

КУБАРЕВ. А хоть по-плохому! Я сказал, не сниму – значит, не сниму.

ГУРЬЯНОВ. У, характер, а? Знаю я твой характер, сам тебя три сезона воспитывал. Саша, ты, знаешь, этот свой характер-то спрячь. Кто тебя ввел в большой хоккей? Я тебя ввел! Упрямый, черт… и не со мной, а с противником… Там с ним борись до конца, пока можешь. До последней жилы, все отдай! А со мной, знаешь, шутки плохи… Со мной этот свой характерец спрячь подальше и не показывай, слышишь? Не выводи меня, Саша! Не выводи! Кто тебя сделал? Я тебя сделал! Так слушай меня! Слушайся! За нарушение спортивной формы сегодня будешь играть в третьей тройке! На месте Кочепыги. *(Пауза.)*

КУБАРЕВ. За ваше тренерское доверие, Николай Михайлович, большое вам спасибо… Спасибо вам, что вы научили меня играть в хоккей… в большой хоккей… Но что

касается того, о чем вы сегодня тут… вы извините, но я вас послушаться не могу. *(Уходит.)*

ГУРЬЯНОВ. Он прав. Прав, паршивец! Ну скажи мне, ну почему я должен этим маразмом заниматься, почему я должен распоряжения этого нашего выполнять?

ЖЕНЕЧКА. Руководитель спортивной делегации.

ГУРЬЯНОВ. Да нигде в мире таких должностей нет! Только у нас.

ЖЕНЕЧКА. Да у нас еще с октября 17-го пошло. У каждого Чапаева свой Фурманов.

ГУРЬЯНОВ. Бред, глупость! Мы к этой глупости привыкли и воспринимаем ее как должное. Начальник команды, руководитель делегации, понимаешь! Ох, Женька, сколько я этих начальничков перевидал! Что наш Шаровский – так, птичка-невеличка.

ЖЕНЕЧКА. А вот скажи, Михалыч, кто это первый придумал – руководитель спортивной делегации, начальник команды? Кто в спорте был первым?

ГУРЬЯНОВ. Кто-кто? Васька Сталин.

ЖЕНЕЧКА. Кто-кто?

ГУРЬЯНОВ *(подходит к дверям, проверяет, заперты ли они).* Вот тебе на! Приехали! Василий Иосифович Сталин!

ЖЕНЕЧКА. При чем тут Васька Сталин?

ГУРЬЯНОВ. Да при том! Черт рыжий! Какую команду угробил! Ребят золотых погубил! Короче говоря… В 40-х была команда ВВС. Только относилась она не к Военно-Воз-

душным Силам, а принадлежала лично сыну Иосифа Виссарионовича. Васька Сталин что хотел, то и делал с командой. Любил погулять. Ну, короче, он становится главным меценатом и покровителем хоккейной команды ВВС, где собирает для своего услаждения лучшие в то время хоккейные силы.

ЖЕНЕЧКА. Слушай, Михалыч, много всяких слухов ходит по этому поводу. А как на самом-то деле это было?

ГУРЬЯНОВ. Не знаю. Но мне говорили так: должны они были лететь в конце 40-х на календарный матч.

ЖЕНЕЧКА. В Челябинск?

ГУРЬЯНОВ. В Свердловск. Надо вылетать, а погода нелетная. Ну, Васе Сталину докладывают: так, мол, и так, погода нелетная – лететь нельзя. А он: что-что? Нельзя? В русском языке есть слово такое – «нельзя»? Первый раз слышу. А ну, марш в самолет!

В раздевалку с катка входит Шаровский, стоит у двери, слушает.

Стоят. Медлят: ну, погода-то нелетная. Он тогда размахивается – и в морду одного бьет. Кобуру распахивает, ТТ-шник свой вынимает и говорит: «Кто в самолет не пойдет – на месте положу как изменника Военно-Воздушных Сил. Ясно?»

ЖЕНЕЧКА. Ясно!

ГУРЬЯНОВ. И погода, понимаешь ли, сразу стала ясная! А вот под Челябинском как раз самолет и… Ну, все до одного погибли.

ЖЕНЕЧКА. А Бобров?

ГУРЬЯНОВ. А Боброву повезло. Он, говорят, с тем же Васькой Сталиным нализался и к самолету опоздал.

ЖЕНЕЧКА. Вот судьба! Слушай, а с ним-то что?

ГУРЬЯНОВ. С Васькой? Допивать пошел. Нет, ну перед папашкой пришлось, конечно, отчитаться. Извини, говорит, папаша, накладочка вышла! Ну, тот выслушал и говорит: «Ты, Василий, из всего случившегося должен сделать один вывод: кадры нужно беречь в любую погоду. Потому как кадры решают все». Понял? А ты говоришь, Фурманов! Тьфу, Фурманов! *(Плюет на пол.)* А Шаровский тем более! Тьфу, Шаровский! *(Плюет еще раз.)* Птичка-невеличка!

ЖЕНЕЧКА. Птичка-то птичка, а такую коровью лепешку на голову обрушил!

ШАРОВСКИЙ *(подходя)*. Ну зачем же коровью? Я все-таки человек, Женечка!

ЖЕНЕЧКА. Здравствуйте, Анатолий Борисович!

ШАРОВСКИЙ. Молодцы, ох, молодцы! Как это вы умеете все с ног на голову поставить! Но по возвращении на родину *(указывает на флаг, висящий в углу, видит, что флаг американский, спохватывается и показывает на другой угол, где висит флаг СССР)* в своем отчете я должен буду указать, что старший тренер Николай Михайлович Гурьянов вел антисоветские разговоры, а врач-психолог команды Евгений Ларкин эти разговоры не только не пресек, но и поддерживал.

ЖЕНЕЧКА. Чего пресек, кого пресек? Не понимаю.

ШАРОВСКИЙ. Его ты не пресек!

ГУРЬЯНОВ. Меня не пресек.

ЖЕНЕЧКА. Но я же спрашивал!

ШАРОВСКИЙ. И тем самым не пресекал, а поддерживал!

ГУРЬЯНОВ. Ты вопросы задавал?

ЖЕНЕЧКА. Задавал!

ГУРЬЯНОВ. Правильно, то есть ты меня провоцировал!

ШАРОВСКИЙ. Ну, хватит! Антисоветские разговоры можно слушать и не пресекать, а можно сразу брать и…

ЖЕНЕЧКА. Стучать!

ШАРОВСКИЙ. Ну, не надо. Зачем же так! Писать! Писать, куда следует. А ты не сделал ни того ни другого.

ЖЕНЕЧКА. И вот что я вам скажу, Анатолий Борисович, в одном я прав: я слушал, а вы – нет.

ШАРОВСКИЙ. Ну, я тоже случайно… послушал.

ЖЕНЕЧКА. Но ни перед кем, ни перед вами я отчитываться не собираюсь. И эта ваша заграница мне не нужна. В гробу я вас видал. В белых тапочках.

ШАРОВСКИЙ. Где он меня видал?

ЖЕНЕЧКА. В гробу!

ШАРОВСКИЙ. В чем это я там?

ГУРЬЯНОВ. В чем, Жень?

ЖЕНЕЧКА. В белых тапочках с синей каемочкой. Ваш динамовский…

ШАРОВСКИЙ. Вот, вот так вы все и перекурочили! Вы во всем белом. А я в полном де… динамовском обличье. Молодцы, молодцы мужики! Ну, Ларкин, мы об этом с тобой в другом месте поговорим. *(Подсаживается к Гурьянову.)* Так, ну, вернемся к нашим баранам… ой, то есть к хоккеистам. Звонил в Москву Кувшинникову. Напоролся на Фагеева. Разговаривал с Яковенко. Они в курсе всех наших дел.

ГУРЬЯНОВ. Ну и что Кувшинников с Яковенко?

ШАРОВСКИЙ. Как что? Втык мне делали.

ГУРЬЯНОВ. За Кубарева?

ШАРОВСКИЙ. За вас за всех. За тебя, Николай Михайлович, в первую очередь. Спрашивал, куда Гурьянов смотрит.

ГУРЬЯНОВ. Ты б объяснил: на лед.

ШАРОВСКИЙ. И что там?

ГУРЬЯНОВ. Там хоккей… Игра такая! С палками и резиновым кружочком.

ШАРОВСКИЙ. Вот ты, Николай Михайлович, и признался…

ГУРЬЯНОВ. В чем?

ШАРОВСКИЙ. В том, что, кроме игры, ничего не видишь. А они там в Москве не только игру видят, не только!

ГУРЬЯНОВ. Что же еще?

ШАРОВСКИЙ. Все.

ГУРЬЯНОВ. Что все?

ШАРОВСКИЙ. В общем, так, Николай Михайлович:

раз ты от Кубарева ничего не добился, сегодня Кубарев на лед не выйдет.

ГУРЬЯНОВ. Как это не выйдет, как это… Хочешь, чтобы мы проиграли? Без Кубарева мы проиграем, неужели вам непонятно?

ШАРОВСКИЙ. Кубарев на лед с крестом не выйдет!

ГУРЬЯНОВ. Состав команды я решаю!

ШАРОВСКИЙ. Вот и решайте… Я вам дал возможность решать! А вы ничего не решили! Кто отвечает за воспитательную работу? Старший тренер! А если он не может справиться со своим подопечным, мы ему поможем. И мы кое-что поможем решить…

ГУРЬЯНОВ. Ты… вы как со мной разговариваете?

ШАРОВСКИЙ. Как начальник команды. Как руководитель нашей спортивной делегации.

ГУРЬЯНОВ. А я как старший тренер вам говорю: Саша Кубарев – мозг и нерв команды. У него сильный бросок от синей линии – вон, даже ихняя желтая пресса и то в нашем деле понимает!

ШАРОВСКИЙ. А я что, возражаю, чтобы он выступал? Я не возражаю, чтобы он выступал. Я сам спортсмен. У меня шестое место было в Москве… по пинг-понгу. Среди мальчиков. Но я настаиваю… Даже не я, а Кувшинников и Яковенко… Пойми, Николай Михайлович, Москва настаивает, чтобы Кубарев снял этот свой крест, и немедленно!

ГУРЬЯНОВ. Между прочим, это его личное дело.

ШАРОВСКИЙ. Он что – верующий?

ГУРЬЯНОВ *(лукаво).* Да! Представьте себе, да! Верующий! А мы должны уважать чувства верующих!

ШАРОВСКИЙ. Верующий хоккеист – такого не бывает!

ГУРЬЯНОВ. А вот случилось вдруг такое… и что? Что теперь делать?

ЖЕНЕЧКА. То-то сегодня утречком, когда прогулка по городу была, Кубарев мне: «Зайдем?» – говорит… и этак за рукав тянет. Куда, я сам сразу не понял. Домик такой аккуратненький, чистенький. Зашли – оказалось, церковь. Католическая, правда. Но церковь.

ШАРОВСКИЙ *(в потрясении)*. Ну, и… как он там себя вел?

ЖЕНЕЧКА. Обыкновенно. Как себя в церкви ведут? Постоял, свечку зажег и отвалил.

ШАРОВСКИЙ. Ну, все… Спасибо, что сообщил. Ну, все.

ГУРЬЯНОВ. Что все?

ШАРОВСКИЙ. Кубарев больше не выездной. И ты, Женечка, боюсь, тоже будешь вместе с ним!

ЖЕНЕЧКА. Но почему я? Почему я?

ШАРОВСКИЙ. Все, я ушел. Звонить в Москву.

ГУРЬЯНОВ. Погоди! Сейчас вместе еще раз с Кубаревым поговорим! *(Выйдя к бортику.)* Кубарев! Сюда!

Снова влетает в раздевалку хоккеист Кубарев, снова в коньках по ковру.

КУБАРЕВ. Ну, чего?

ШАРОВСКИЙ. Присядьте.

Кубарев стоит, тяжело дыша.

ГУРЬЯНОВ. Присядь, Саша. Сказано, присядь – значит, присядь.

Кубарев падает в кресло.

ШАРОВСКИЙ. Послушайте, Кубарев, зря вы так тут упорствуете… Хотите, чтобы я вас к чертовой матери… то есть в Москву отправил? Я это сделаю! Ни на что не посмотрю, отправлю сегодня же, сейчас же!

ГУРЬЯНОВ. Матч отыграешь, Саша, и сегодня же, вечерним рейсом…

ШАРОВСКИЙ. Подожди, Николай Михайлович, сейчас я с ним разговариваю!

ГУРЬЯНОВ. Да нет, нет… Я просто ему ситуацию объясняю!

ШАРОВСКИЙ. Неправильно объясняешь. Я ему сейчас все объясню. И он поймет. Он у меня все поймет!

КУБАРЕВ. Ну что, что еще?

ШАРОВСКИЙ. Матч он не отыграет. Потому что сегодня же будет отчислен из команды и отправлен в Москву. Сегодня, вот сейчас мы проведем общее собрание команды, обсудим твое поведение в коллективе, и по-комсомольски…

КУБАРЕВ. Я не комсомолец…

Пауза. Шаровский вопросительно смотрит сначала на Женечку, потом на Гурьянова, потом опять на Женечку.

ЖЕНЕЧКА. Да, да, Анатолий Борисович. Мы Кубарева должны по приезде в Москву как раз принять в комсомол.

ШАРОВСКИЙ. Почему?

ЖЕНЕЧКА. По итогам нашей поездки. Так запланировано. Так по плану у нас.

ШАРОВСКИЙ. Почему, я спрашиваю, он до сих пор не комсомолец?

ЖЕНЕЧКА. Саша, объясни Анатолию Борисовичу…

КУБАРЕВ. Потому что я верующий.

ШАРОВСКИЙ. В кого?

КУБАРЕВ. В бога, в кого еще?

ШАРОВСКИЙ. И кто твой бог?

КУБАРЕВ. Мой тренер Гурьянов Николай Михайлович. Как хоккеист я больше никому не верю. И вам в том числе.

ШАРОВСКИЙ. Правильно говорят: было у отца три сына – два умных, третий хоккеист.

КУБАРЕВ. У нас в стране свобода совести. В Конституции записано.

ШАРОВСКИЙ. Ишь ты, грамотный какой. А если грамотный, почему все же не в комсомоле?

КУБАРЕВ. А я сразу в партию хочу! А что, нельзя? Меня вот из второй лиги сразу в высшую взяли – это можно? А в комсомол… Да как-то не вступил… Времени не было вступить…

ШАРОВСКИЙ. Времени? А на что же ты, голубчик, тратил все свое время?

КУБАРЕВ. Я? В хоккей играл!

ГУРЬЯНОВ. Эт-то точно! Кубарев всю свою сознательную, а также несознательную жизнь играл исключительно в хоккей.

ШАРОВСКИЙ. Ну вот и доигрался… Боюсь, теперь все ваши планы будут нарушены. Боюсь, с большим хоккеем вам, Кубарев, придется расстаться!

КУБАРЕВ. Это почему?

ШАРОВСКИЙ. Потому что вы не подчиняетесь нашим распоряжениям. Потому, что вы забыли, кто вы и где вы. Вы забыли, что вы тут не просто палками по кружкам лупите, а являетесь… Вы знаете, кем вы тут являетесь? Вы являетесь представителями нашего советского спорта! И если вы действительно некомсомолец и верующий, в чем я очень и очень сомневаюсь, то… то…

КУБАРЕВ *(рывком снимает с себя крестик, бросает его на пол)*. Да вот вам! Чего вам надо? Вот!

ГУРЬЯНОВ *(торжествующе)*. Ладно, Саша, успокойся! Ты должен сохранять спокойствие перед игрой. Понятно я говорю? *(Всем.)* Спокойствие необходимо Кубареву перед игрой. Он себя сегодня еще покажет! Проявит свой характерец. Тот самый, который тут нам демонстрировал! На льду проявит! В борьбе! Это будет лучший матч Кубарева! *(Кубареву.)* Лучший! А не покажешь, не проявишь… пеняй на себя! Я тебя сделал, я тебе еще кое-что… сделаю в твоей спортивной биографии! А сейчас – спокойствие! Дайте ему

сосредоточиться на игре! Не думай ни о чем, Саша! Только о предстоящей игре думай! Посиди, отдохни, все уходят… Все уходят, я сказал! А ты посиди, отдохни…

ЖЕНЕЧКА. Анатолий Борисович, я надеюсь, вы…

ШАРОВСКИЙ. Ладно, Женечка, я сейчас пойду в Москву звонить – докладывать, что все в порядке… *(Уходит.)*

ЖЕНЕЧКА *(ему вслед)*. Но вы, я надеюсь, так не считаете, как вы… э-э-э… *(Уходит за ним.)*

ГУРЬЯНОВ. Ну вот мы одни… Теперь скажи по-честному, почему ты сразу не сделал то, о чем тебя просили, почему не меня, а Шаровского послушался? Почему не захотел пойти навстречу? Я же тебя просил, ты же мог…

КУБАРЕВ. Не мог.

ГУРЬЯНОВ. Опять свое… Я не пойму, ты мужик или не мужик?

КУБАРЕВ. Не знаю…

ГУРЬЯНОВ. Не раскисать! Как можно перед игрой так раскисать?

КУБАРЕВ. Да я не раскисаю.

ГУРЬЯНОВ. Я ж вижу.

КУБАРЕВ. Да не видите вы ничего.

ГУРЬЯНОВ. Обижаешь, Саша. Я все про тебя знаю…

КУБАРЕВ. Не знаете.

ГУРЬЯНОВ. Так скажи, объясни. Я ж тебя именно об этом и прошу.

Пауза.

КУБАРЕВ. Это моей бабки крестик. *(Поднимает крестик с пола.)* Она больная, помирает сейчас. А я сюда поехал… Бабка мне дороже матери, воспитывала меня всю жизнь, кормила-поила и на все игры провожала… Сколько себя помню, столько баба Тася за мной ходит… А тут слегла и помирать стала. А мне в Америку ехать. Я прямо не знал, чего делать. А она: «Езжай, Саня, езжай, езжай… ты там нужнее!» – и сняла с себя крестик, надела мне на шею и говорит: «Носи его, Саня, и не снимай. Тогда буду жить и ждать тебя. А как снимешь, учти, сразу жить перестану, так и знай». Вот…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.